

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

Изданіе просмотрѣнное авторомъ.

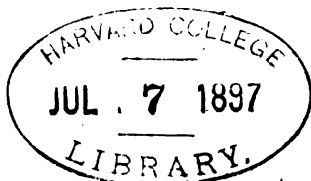
Съ двумя портретами, гравированными на стали

Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.

— — — — —
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

— — — — —
— — — — —
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.
Изданіе А. Ф. МАРНОСА.

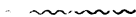
Slav 4350.57

Minot fund.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъячск., № 1.

1890—95 гг. С.-Петербургъ . . . . . **ОТРАВ.** I—126

ПОЗДНИЕ ГОДЫ.

Сколько именъ, дорогихъ мнѣ когда-то именъ,
Словно въ чаду мной на-вѣкъ забываемыхъ!..
Сколько глубокихъ, шутя нанесенныхъ мнѣ ранъ,
За недосугомъ едва вспоминаемыхъ!..
Сколько влюбленныхъ дѣвицъ и кокетливыхъ дамъ
Съ огненнымъ взоромъ и блѣдными лицами,
Нѣкогда жадно внимавшихъ безумнымъ рѣчамъ,
Стали тѣнями,—почти небылицами!..
Видно, надъ сердцемъ моимъ протекло много лѣтъ,
Долгою жизнью процѣженныхъ!—Диво ли,
Что засорили они мою память, и нѣтъ
Вѣсти о многихъ: здоровы ли? живы ли?..
Точно въ туманъ отъ меня всѣ они отошли!
Или холоднаго вѣка теченія
Въ разныя стороны насъ, какъ потопъ, разнесли—
И ужъ прикрыли насъ пѣной забвенія?!..

НА ПУТИ.

Тмурая застигла ночь,
 На пути—бурьянъ...
 Дышетъ холодомъ съ рѣки,
 Каплетъ сквозъ туманъ.
 Но, какъ будто, тамъ, вдали,
 Изъ-подъ этихъ тучъ,
 За рѣкою—огонька
 Вдрагиваетъ лучъ...
 И, какъ будто, гдѣ-то тамъ
 Голоса въ кустахъ...
 Пѣсня это—или звонъ
 У меня въ ухахъ?
 Въ рѣку брошусь я,—въ кусты
 Брошусь сквозъ туманъ...—
 Впереди тепло и свѣтъ,
 На пути—бурьянъ...

ВЪ НАШЪ ВѢКЪ.

Въ нашъ вѣкъ продажной воли,
Желѣза и огня,
Тайнственность явленій
Понятна для меня.

Невольное стремленье
Въ забѣнный міръ духовъ
Ужель не человѣчнѣй
Шпіонства и враговъ?..

Всѣ ждуть войны и гнета,
Руинъ и груды тѣлъ, —
Чтобъ люди одичали,
И воздухъ очумѣлъ...

Да развѣ эта злая
Безмыслица ясной,
Желанный появленья
Загадочныхъ тѣней?

Что лучше,—слышать голосъ
Душѣ родной души,
Иль слышать, какъ лякують
И злятся торгоши?

Что лучше,—страшный призракъ
Побѣды, или тѣнь
Прекрасная, какъ ангель,
И свѣтлая, какъ день?..

---

* * *

Оттого что онъ вѣрить въ людей пересталъ,
Онъ изысканно-вѣжливымъ сталъ;
Оттого что онъ въ истинѣ пользы не видитъ,
Никого онъ словцомъ не обидитъ;
Оттого что онъ съ дѣтства насильно учонъ,
Въ свѣтъ науки не вѣруеть онъ,—
Вѣрить только въ удачу, да въ хитрость людскую,
Да въ чины, да въ мошну золотую.

* * *

По торжищамъ влача тяжелый крестъ поэта,
У дикарей пощады не проси,
Молчи и не зови ихъ въ скиню завѣта,
И съ ними жертвъ не приноси.

Будь правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ,
Разнузданныхъ страстей не прославляй,
И модной мишуры за золото подъ лѣскомъ
Блестящихъ рифмъ не выдавай.

И если чернь слѣпа, не жаждетъ и не проситъ,
И если свѣтъ, къ злу равнодушный свѣтъ,
Надменно, какъ трофей, свои оковы носить,
Знай, что для нихъ поэта нѣтъ...

* * *

Люблю, цѣню твои сомнѣнья,
 И жажду сердца вѣрить вновь,
 И тщетныя поползновенья
 На безкорыстную любовь...
 Я радъ, сочувствуя страданьямъ,
 Веселый смѣхъ твой вызывать,—
 Я поэтическимъ созданьемъ
 Не отрекусь тебя назвать...

Но—умоляю, Бога ради,
 Прячь отъ меня свои тетради...
 Напрасно Музу не зови,—
 Ей доли нѣтъ въ твоей любви,
 Ей мало скорбныхъ изліяній
 Младой души, несущей крестъ
 Наивныхъ чувствъ и школьныхъ знаній;—
 Она не терпитъ общихъ мѣстъ.
 Казни меня негодованьемъ,

Пренебреженьемъ, невниманьемъ,—
 Брани во снѣ и на яву,—
 Я поэтическимъ созданьемъ
 Твоихъ поэмъ не назову.
 Нѣтъ, вся—порывъ, вся—нетерпѣнье,
 Ты далека отъ разумѣнья
 Того, что не дается вдругъ,—
 И молодое вдохновенье
 Твое—не творческій недугъ...

Уединясь отъ поминутныхъ
 Запросовъ мелкой суеты,
 Ихъ пустоты пугаясь, ты
 Не отразишь своей мечты
 Въ стихахъ и рифмахъ имъ попутныхъ,
 Какъ радуга—въ потокахъ мутныхъ
 Своей воздушной красоты.

Игры алмаза не усвоить
 Стекланный блескъ дешевыхъ бусъ,
 И твой дешевый стихъ, клянусь,
 Одной слезы твоей не стоить.

. . . . .

ЖИВАЯ СТАТУЯ.

Распорядителемъ земныхъ судебъ
 Мнѣ не дано играть на сценѣ свѣта
 Ваятеля зависящую роль:
 Перо—плохой рѣзецъ; а между тѣмъ
 Есть образы, которые, волнуя
 Воображенье, тяжелы какъ мраморъ,
 Какъ мѣдъ литая,—холодны какъ проза,
 Какъ аллегорія...

Гляди,—мнѣ говорить,
 Какъ бы сквозь сонъ, тревожная моя
 Фантазія:—идеть или стоять
 Та женщина?.. Гляди... не молода...
 Но красота, и страсти роковыя,
 И мысль, и скорбь, а, можетъ быть, и пытка
 Оставили на ней свои слѣды...
 Ея лицо, и взглядъ, и поступь—все внушаетъ
 Любовь, и ненависть, и сожалѣнье,
 И затаенный ужасъ...

Задыхаясь,

Она идетъ и поражаетъ странной
 Необычайностью своей одежды...
 На головѣ ея сіяетъ діадема
 Изъ драгоцѣнныхъ камней и терновый
 Вѣнокъ съ Голгоѣы, перевитый хмѣлемъ
 И вѣковыми лаврами; богатства
 Всѣхъ странъ подлунныхъ отягчаютъ
 Ей грудь и плечи;—перлы и алмазы,
 Мелькаютъ въ роскоши ея волосъ,
 И бѣлую опутываютъ шею,
 И прячутся подъ нитями узора
 Пожелкнувшихъ венеціанскихъ кружевъ.
 На ней повисла мантия съ гербами
 Монархій и республикъ; бархатъ смятъ
 Порывомъ пролетѣвшей бури;—ниже—
 Простой ременный поясъ,—ниже—складки
 Рабочаго передника, затѣмъ—заплаты,
 Лохмотья,—наконецъ,—босня ноги
 Въ пыли и язвахъ...

Женщина согнулась

Подъ страшной ношей: на ея спинѣ,
 Какъ на спинѣ носильщика, желѣзо
 И золото,—и брони изъ булата
 (Судовъ и башенъ хрупкіе щиты),
 И ружья, и съ патронами мѣшки,

И на лафетахъ пушки, и кули,
 Готовые прорваться, изъ которыхъ
 Чиненныя выглядываютъ бомбы.
 Все это ей по росту (колоссальный,
 Могучій ростъ!)... Но сторбилась она
 Подъ этой страшной ношей,—осторожно
 Ступаетъ,—опирается на мечъ,—
 Имъ щупаетъ дорогу;—улыбаясь,
 Съ надменнымъ недоувѣремъ она
 Усталыми глазами, исподлобья,
 Глядитъ впередъ, не замѣчая,
 Какъ на ея широкомъ пьедесталѣ
 Несмѣтный рой пигмеевъ, копошась
 И суетясь, ей подъ ноги бросаетъ
 Свои мишурныя издѣлья:—кипы
 Ночь, никому невѣдомыхъ, романы,
 Забытые стихи, картины, моды,
 Фальшивые цвѣты и статуетки,
 И миллионъ пудовъ листовъ печатныхъ,
 Прочитанныхъ сегодня, завтра—рваныхъ...
 Они кричатъ ей: «Дай намъ славу!
 «Дай золота!» Они грозятъ ей
 И проклинають, или умиленно
 Глядятъ наверхъ, на блескъ ея вѣнцовъ;
 Они надъ лаврами смѣются и вѣнчаютъ.

Ложь и развратъ, кощунствуя,—хохочуть,
Или косятся съ ужасомъ на мечъ,
Въ дни мира извлеченный изъ ноженъ,
Отточенный, какъ наканунѣ боя,
Косятся и на бомбы, отъ которыхъ
Кули трещать и рвутся на спинѣ
Босой владычицы,—рабы и королевы.
Она идетъ, обдуманно скрывая
Загаданную цѣль;—ей нипочемъ
Провозглашать любовь, права, свободу
И сокрушать, давить своей пятой
Великодушныя надежды и мечты...
Ей и самой мучительно подъ грузомъ
Желѣза, поѣдающаго хлѣбъ,
И золота, питающаго роскошь
Иль суету страстей; а между тѣмъ
Она гордится ношей, какъ послѣднимъ
Плодомъ ея усилій, какъ залогомъ
Грядущей славы.—Ей, согбенной
И устарѣлой, снится, что у ней
Въ десницѣ Божій громъ, и что она
Несетъ грозу на всѣхъ, кто смѣетъ
Ей помѣшать идти, вліять и—грабить.
Ей тяжело... Ни головы поднять
Она не можетъ, ни нагнуться ниже:

Она уже не видит неба и
 Предчувствуетъ, что все, что соскользнетъ
 Съ наклона головы ея, она
 Поднять не будетъ въ силахъ, не рискуя
 Нарушить равновѣсіе свое
 Или упасть... Не дай ей Богъ, ступая
 По слякоти, споткнуться на своихъ же
 Пигмеевъ,—быть раздавленной своимъ же
 Въ желѣзный вѣкъ желѣзной волей
 Сколоченнымъ добромъ!.

Какой тяжелый,
 Не всѣмъ понятный образъ! Для чего ты
 Возникъ и отпечатался въ очахъ
 Души моей!? Зачѣмъ мое перо,
 Какъ бы на зло мнѣ, изваяло
 Такую статую? Какъ будто въ ней—
 Нашъ идеалъ! Какъ будто всѣ должны мы
 Брести, согнувшись подъ ярмомъ желѣза
 И золота?! И кто изъ благодушныхъ
 Ея поклонниковъ не отвернется
 Отъ пораженнаго своимъ видѣньемъ
 Мечтателя, и кто изъ нихъ не скажетъ
 Съ негодованьемъ: Нѣтъ, не такова
Европа, на пути къ двадцатому столѣтью?

НЕОТВЯЗНАЯ.

О, что хочешь говори!
 Я не дамъ себя въ обиду...—
 Я вѣрна тебѣ,—и я
 Отъ тебя живой не выйду.

Пусть бранять меня,—зовуть
 Невозможной, неотвязной!
 Для меня—любовь,—клянусь!,
 Не была забавой праздною;

Я повѣрила твоей
 Клятвѣ вѣчной, непритворной,
 И соперницѣ не дамъ
 Разорвать союзъ нашъ кровный...

Закаленная нуждой,
 Отрицаемая свѣтомъ,

Я къ распутнымъ не пойду
За спасительнымъ совѣтомъ.

Пусть расчетъ ихъ вѣренъ,—пусть
Имъ потворствуютъ законы,
Никому твоей любви
Не продамъ за миллионы!

Бей меня или—убей!
Я твоя,—твоей умру я,
Съ вѣчной жаждою любви,
Нѣжныхъ ласкъ и поцѣлуя.

Гдѣ бы ты ни пропадалъ,
Съ кѣмъ бы ни былъ,—на порогѣ
Будеть тѣнь моя стоять,—
Не сойдетъ съ твоей дороги.

Сколько-бъ ты ни измѣнялъ,
Что-бъ ни дѣлалъ,—другъ мой милый! —
До могилы ты былъ «мой»,
Будешь «мой» и за могилой...

~~~~~

КАССАНДРА.

То не вѣтеръ,—вздохъ Авроры
 Вскблхнулъ морской туманъ;
 Обозначилися горы
 И во мглѣ Данаевъ станъ...
 Многобашенная Троя
 Чутко дремлетъ: здѣсь и тамъ
 Жаждутъ мести,—жаждутъ боя...
 — Жаждетъ отдыха Приамъ...

Лишь Кассандра легче тѣни,
 Не спѣша будить отца,
 Проскользнула на ступени
 Златоверхаго дворца;
 И въ семьѣ никто не знаетъ,—
 Кто проснулся, чей хитонъ
 Бѣлымъ призракомъ мелькаетъ
 Въ сонномъ сумракѣ колоннъ.

Ей въ лицо прохлада дышетъ,
 Ночи темъ въ ея очахъ;
 Складки длинныя колышетъ
 Удаляющійся шагъ...
 Глухи Гектора чертоги,—
 Только храмы настезь,—тамъ
 Только мраморные боги
 Предвкушаютъ олимпамъ.

Аполлона жрецъ суровый
 Не вчера ли ей предрекъ,
 Что, едва зарею новой
 Зарумянится востокъ,
 Къ ней,—царевнѣ, въ тѣнь священной
 Роши, гдѣ царитъ Эротъ,
 Новой страстью вдохновенный,
 Аполлонъ сойдетъ съ высотъ.

Въ этомъ видѣль онъ спасенье
 Трои, замкнутой врагомъ,
 И ей далъ благословенье
 Сочетаться съ божествомъ;
 Скрывъ свое негодованье
 Къ назиданіямъ жреца,

Дочь Пріама на свиданье
Шла изъ отчаго дворца.

Вотъ ужъ видны ей: могила,—
Съ новой урной саркофагъ,
Даль залива и вѣтрила,
И костры, и дымъ въ горахъ...
Вотъ и холмъ,—за нимъ высоко
Блѣдно-розовая мгла...
И Кассандра одиноко
Въ роковую сѣнь вошла.

Въ дни счастливые,—бывало,
Жрица бога своего,
Дочь царя не разъ лобзала
Поги идола его;
Нынѣ сердце дѣвы чистой
Въ жизнь увлекъ иной потокъ...
Замерла она въ тѣнистой
Рощѣ, глядя на востокъ.—

Алый блескъ зари струится...
Это онъ идетъ,—не сонъ...

Наяву Кассандрѣ снится
 Свѣтозарный Аполлонъ.
 Руки—сила, ноги—крылья,
 Голосъ—лиры сладкій звонъ...
 —«Никого такъ не любилъ я»,
 Говорить ей Аполлонъ...

«Къ жизни, къ творчеству зову я
 «Тукъ земли, моря и—кровь...
 «Вѣчный свѣтъ тебѣ несу я,
 «Этотъ свѣтъ—моя любовь.
 «Неземное полюби ты,
 «О, земная красота!»
 Дѣвы вспыхнули лампы,
 И дрожать ея уста.

—«Въ мірѣ вѣчныхъ ликованій,
 «Посреди воздушныхъ странъ,
 «Ты не вѣдаешь страданій,
 «Ты не знаешь нашихъ ранъ...
 «Слезъ твоихъ не знаютъ очи,
 «И тебѣ невѣдомъ страхъ;
 «Ни одной безсонной ночи
 «Не провелъ ты въ небесахъ...»

Ей не внемлетъ богъ влюбленный,—
 Страстью дышитъ свѣтлый ликъ;
 Но Кассандры непреклонной
 Руки сжаты,—взоръ поникъ.
 «Полюбила-бъ я, быть можетъ,
 «Да любви мѣшаетъ стыдь...
 «Участь родины тревожить...—
 «Невзвѣстность тяготить.

«Ты стрѣлой сразилъ Ахилла,
 «Но Зевесъ, отецъ твой, намъ
 «За Ахилла мститъ, и сила
 «Напираетъ на Пергамъ.
 «Я устала ненавидѣть,—
 «Я любить хочу, но знай,
 «Я, любя, хочу предвидѣть...—
 «Даръ предвидѣнья мнѣ дай!..»

Омраченный богъ очами
 Зорко въ очи глянулъ ей
 И вѣщаль, встряхнувъ волнами
 Золотыхъ своихъ кудрей:
 «Смертной дѣвы не могу я
 «Сопричислить къ божествамъ,

«Но за нѣгу поцѣлуя
«Страшный даръ тебѣ я дамъ.

«Ты,—цвѣтокъ живой природы,—
«Мнѣ милѣй моихъ богинь...
«Я покинулъ неба своды,—
«Ты—родной свой край покинь.
«Позабудь порывы мщенья,
«Рядъ могилъ, отца, семью...
«Да врачуетъ даръ прозрѣнья
«Душу скорбную твою!

«Отъ мечей, огня и дыма,
«Отъ цѣпей позорныхъ—я
«Унесу тебя незримо
«Въ благодатныя края.
«Тамъ, роясь, витають Грезы,
«Тамъ, красавица, пророчь,
«Гдѣ любовью дышать розы,
«Соловьи поютъ всю ночь!..»

Ароматный, знойно-сладкій
Не зефиръ ли опажнулъ

Грудь и плечи ей, и складкой
 ВЪлой ткани шевельнулъ?..
 Лучь блуждающей надежды
 Озарилъ ея черты,
 Красота склонила вѣжды,
 Устыдась своей мечты.

Но волшебной рѣчи сила
 Разливала жарь въ крови,
 И ужь все готово было
 Къ торжеству его любви...
 Вдругъ Кассандра оглянулась
 И—очами повела,
 Съ дикимъ воплемъ отшатнулась,
 Вскинувъ руки, замерла.

Обезумѣвъ, оборвала
 Шнуръ повязки головной,
 И, какъ жертва, простонала:
 «Боги, боги! что со мной?!
 «Если я тобой любима,
 «Не къ добру твоя любовь?!
 «Вижу я еквозь клубы дыма
 «Блескъ мечей, рѣзню и кровь...

«Пирръ на стогнахъ Иліона...
 «Вопли женъ,—насилъе,—плѣнъ!...
 «Бой на рынкѣ, бой у трона,
 «Бой среди родныхъ мнѣ стѣнъ!...
 «Не спасаютъ и Пенаты
 «Утварь стараго дворца,—
 «Грабятъ пышныя палаты
 «Скиптроноснаго отца!

«Или это сновидѣнье? .
 «Или это на яву?!...
 «Трупъ царя безъ погребенья,
 «Обезглавленный, во рву...
 «Тщеты вопли и молитвы...
 «Даже храмъ твой, Аполлонъ,
 «Вижу я,—въ разгарѣ битвы
 «Закопченъ и оскверненъ...

«Даже гибель Иліона
 «Не разжалобитъ Судьбы...
 «Даже смерть Агамемнона
 «Не спасетъ его рабы...
 «Ахъ! Предчувствуя позоръ свой,
 «Мнѣ-ль прильнуть къ твоей груди?!

«Уходи, въ глухой просторъ свой,—
«Отъ проклятій уходи!..»

И въ одно мгновенье ока
Гнѣвный ликъ его погасъ,—
Изступленной издалека
Онъ воззвалъ въ послѣдній разъ.
Громъ... И пыль пошла столбами...
Чу! не Фуріи ли тамъ
Погнались, свистя бичами,
За Кассандрой по слѣдамъ?..

Вѣютъ бѣлыя одежды...
Слышенъ вой: «въ конѣ... въ конѣ
Гибель Трои!..—Нѣтъ надежды!..
Или мнѣ внимайте,—мнѣ!..»
Прибѣжала... ноги босы,
Грудь, лицо, глаза въ огнѣ,
Растрепавшіяся косы
Разметались по спинѣ.

Слыша дочери стenanье,
Просыпается Приамъ,

Но напрасны предреканья,—
 Вѣры нѣтъ ея рѣчамъ
 Ей рыдать даютъ свободу,
 Ничего не говоря,
 — Обезумѣла!—народу
 Шепчуть ближніе царя.

Дни бѣгутъ... Врагамъ повѣривъ,
 Троя въ праздничныхъ цвѣтахъ;
 Лишь она одна, взмѣривъ
 Бездну зла, внушаетъ страхъ...
 Одичала... на оградѣ
 Сѣла и—глядитъ, стена,
 Какъ встрѣчаетъ царь Палладѣ
 Посвященнаго коня.

В Д О В А.

Ужь не ты ли знакомъ
 Съ чернобровой вдовой,
 Чтò живеть, безъ родни,
 За Москвою рѣкой?..

Чтò на утренній звонъ,
 Въ темь и холодъ весь постъ
 Ходить слѣзы ронять
 На церковный помость.

Страшно ей, говорятъ,
 Въ образницѣ своей;
 Гдѣ же ей замолить
 Чары грѣшныхъ ночей?..

Погляди, за толпой
 Не она ли видна
 Вся въ кадильномъ дыму
 У сырого окна?..

Бродить утренній свѣтъ,—
 Тускло свѣтитъ свѣча;
 Но въ кромѣшной ночи
 Ея глазъ—ни луча...

Много думъ, гордыхъ думъ
 Въ ихъ застынувшей мглѣ;
 Но смиренья печать
 На лилейномъ челѣ...

Говорять, ея мужъ,
 Хоть и скряга онъ былъ,
 Въ шелкъ ее наряжалъ,
 Бриллианты дарилъ,

Да на-дняхъ, говорятъ,
 На своемъ сундукѣ
 Умеръ, стиснувъ ключи
 Въ синѣлой рукѣ. —

Отъ чего умеръ? — глухъ
 Былъ обычный вопросъ:
 И въ могилу его
 Проводили безъ слезъ.

Но покойника духъ,
Видно, самъ надъ собой
Въ эту ночь простоналъ
За Москву рѣкой.

Его буря несла,
Онъ метелицу несь,—
И не даромъ завылъ
На цѣпи его пѣсь.

Тѣнь хозяйина шла,
Къ дому шла, яко дымъ,—
А хозяйка его
Обнималась съ другимъ...

Съ жемчугомъ на груди
И съ кольцомъ на рукѣ,
Цѣловалась она
На пустомъ сундукѣ.

Не спасли его вкладъ
Ни печать, ни зарокъ...
Для кого-жъ потайной
Отомкнулся замокъ?

Отчего вѣщій страхъ,
Словно жало змиѣ,
Присосался къ ея
Беззащитной любви...

Вдругъ тревожиѣе сталъ
Молодой голосокъ,
Засверкалъ на рукѣ
Бриллиантъ-огонекъ...

Она пряди волосъ
Оправлять начала...--
Въ двери мертвая тѣнь
Незамѣтно вошла.

И съ тоской на душѣ,
Съ страшно-блѣднымъ лицомъ,
Молодая вдова
Оглянулась кругомъ...

Мутно стало въ очахъ,
Сжалъ ей сердце недугъ,
И шепнула она:
•Уходи, милый другъ!

«Ужь къ заутрени звонъ
 «Прозвонилъ... Ужь потухъ
 «Лунный свѣтъ... на дворѣ
 «Загорланилъ пѣтухъ...

«Уходи, милый мой!
 «Эти звуки кричать,
 «Что покойный мой мужъ
 «Принялъ медленный ядъ.

«Отчего я дрожу,
 «Точно совѣсть моя
 «Не чиста?.. Уходи...
 «Я не выдамъ тебя...

«Иногда слышу я
 «Надъ собою адскій смѣхъ...
 «Кто мнѣ душу спасеть,—
 «Кто отмолитъ мой грѣхъ?!..»

Съ этой скорбной душой,
 Съ этой милой вдовой
 Ужь не ты ли знакомъ?..
 Не блѣдный, милый мой!

ВЪ ОСЕННЮЮ ТЕМЬ.

(Отрывокъ).

. . . . .
 . . . . .

Вечера настали мгlistые, —
 Отсырѣли камни мшистые;
 И не цвѣтиками розовыми,
 Не листочками березовыми,
 Не черемухой въ ночномъ нару,
 Пахнетъ, вѣетъ во сырѣмъ бору, —
 Вѣетъ тучами сгустившимися,
 Пахнетъ липами свалившимися,
 Или мокрыхъ листьевъ вѣрохомъ;
 Тишина пугаетъ шѣрохомъ...
 Только тамъ, за рѣчкой тинистою,
 Чтѣ-то злое и порывистое
 Съ гуломъ по лѣсу промчалося,
 Словно смерти испугалося...

Что со мной!.. Чего спасительнаго
Или—хоть бы утѣшительнаго
Ожидать отъ лѣсу темнаго,
Въ сонѣ и холодѣ погруженнаго?
Пусть другой тутъ съ горя топится!..
Сердце жить еще торопится...
Чувство тайное, весеннее,
Будь смѣлѣй и откровеннѣе, —
Выручай свою возлюбленную,
Злыми сплетнями погубленную!
Пусть ее, — мою красавицу,
Сироту и безприданницу,
Силой выдали за пьяницу...
Знаю я тебя, пѣвицу,
Моего лихого вѣрога!!
Ты купилъ ее недорого...—
Только я возьму не дешево,—
Ничего не жди хорошаго!..

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ... не жди разсвѣта;
 Но и въ туманахъ декабря,
 Порой мнѣ шлетъ улыбку лѣта
 Похолодѣвшая заря...

На всѣ призывы безъ отвѣта
 Уходишь ты, мой сѣрый день!
 Одинъ закатъ не безъ привѣта...
 И не безъ смысла—эта тѣнь...

Вечерній звонъ...—душа поэта,
 Благослови ты этотъ звонъ,—
 Онъ не похожъ на крики свѣта,
 Спугнувшаго мой лучший сонъ.

Вечерній звонъ, и въ отдаленнѣ,
Сквозь гулъ тревоги городской,
Ты мнѣ пророчишь вдохновенье,
Или—могилу и покой.

Но жизнь и смерти призракъ—міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ,
И какъ ни громко пой ты,—лиру
Колокола перезвонятъ.

Безъ нихъ, быть-можетъ, даже геній
Людьми забудется, какъ сонъ,—
И будетъ міръ иныхъ явленій,
Иныхъ торжествъ и похоронъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

(Вариантъ).

На всѣ призывы безъ отзыва
Идетъ къ концу мой сѣрый день...
И дрогну я, и терпѣливо
Жду... Приходи святая тѣнь!

Я къ ночи сердцемъ легковѣрнѣй,
Я буду вѣрить какъ-нибудь,
Что ночь, гася мой свѣтъ вечерній,
Укажетъ мнѣ на звѣздный путь.

Чу! колоколь... Душа поэта,
Благослови вечерній звонъ! —
Похожъ ли онъ на крики свѣта,
Спугнувшіе мой лучшій сонъ!?

3*

Вечерній звонъ!.. и въ отдаленьи,
Сквозь гуль тревоги городской,
Пророчъ мнѣ къ ночи вдохновенъ,
Или—могилу и покой.

Но жизнь и смерти призракъ—міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ, —
И какъ ни громко пой ты,—лиру
Колокола перезвонятъ.

Безъ нихъ, въ пыли руинъ забытыхъ,
Исчезнуть геніи вѣковъ...
То будетъ адъ звѣрей насытыхъ,
Или эдемъ полубоговъ...

N. N.

Мудрость ему общала свой плодъ, —
Ложь поднесла ему грибокъ,
Старый, — но сладкій и липкій; — къ нему
Бѣдный, какъ муха, прилипъ!..

ТѢНИ И СНЫ.

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
 Нахлынувъ, темною толпой ко мнѣ влетѣли;
 Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
 И увидалъ ихъ тьму вокругъ моей постели.

Таинственно онѣ мигали и шептались:

«Вотъ онъ сейчасъ заснетъ, сейчасъ угомонится...
 «Давно-ль мы страшнымъ сномъ счастливица любовались,
 «Авось, веселый сонъ несчастному приснится.

«Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ!
 «Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить!..
 «А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ,
 «И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...

«И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ
 «Раскроетъ бездну золь, вражды, потерь и горя,
 «Разбудить богача, измятаго развратомъ,
 «И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...

«А мы умчимся въ ночь, обвинныя снами
 «И грѣзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній;
 «И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами,—
 «Поблеклые цвѣты весеннихъ вождѣлѣній»...

Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
 Встревожили мой сонъ и подняли съ постели;
 Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
 И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,

И къ окнамъ хлынули, и на порогъ стали...—
 Я видѣлъ, при огнѣ, ихъ чуть замѣтный трепеть,
 Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
 А я записывалъ таинственный ихъ лепеть.

ВЪ ГОСТЯХЪ У А. А. ФЕТА.

Тщетно сторою оконной
 Ты ночлеги мой занавѣсилъ, —
 Новый день, румянь и весель,
 Заглянулъ въ мой уголь сонный.

Вижу утренняго блеска
 Разгорѣвшіяся краски, —
 И не спрячетъ солнца ласки
 Никакая занавѣска...

Уголь мой для сновъ не тѣсенъ
 (Если-бъ даже снились боги...)
 Чу! меня въ свои чертоги
 Кличетъ Муза птичьихъ пѣсенъ.

Но, какъ рабъ иной привычки,
 Жажущій много счастья,
 Врядъ ли я приму участие
 Въ этой птичьей переключкѣ!..

д. Воробьевка.

* * *

Зной,—и все въ томительномъ покоѣ,—
 Въ пятнахъ свѣта тѣни спать въ аллеѣ...
 Только чуткой чудится лилеѣ,
 Что гроза танцетъ въ этомъ зноѣ.

Блѣдная, поникла у балкона, —
 Ждетъ грозы,—и грезится ей, бѣдной,
 Что далекой бури призракъ блѣдный
 Сталъ темнѣть въ лазури небосклона...

Грёзы лѣта кажутся ей былью,—
 Грозь и бурь она еще не знаетъ,
 Ждетъ... зоветъ... и жутко замираетъ,
 Золотой осыпанная пылью...

д. Воробьевка.

* * *

Не то мучительно, что вечно страшной тайной
 Въ недоумѣнье повергаетъ умъ,—
 Не то, что можетъ дать просторъ для вдохновенья
 И пищу для крылатыхъ думъ,

А то мучительно, что и въ потѣмкахъ ясно,
 Что съ дѣтскихъ лѣтъ знакомо намъ, о чемъ
 Мы судимъ сердцемъ такъ любовно, такъ пристрастно,
 И такъ безжалостно—умомъ...

Не мириады звѣздъ, что увлекають духъ мой
 Въ просторъ небесъ, холодный и нѣмой,
 А искры жгутся, и одной изъ нихъ довольно,
 Чтобъ я простылъ, сгорѣвъ душой...

* * *

Верь, не зиму любимъ мы, а любимъ
 Мы зимой искусственное лѣто:
 Раннею ночи мракъ глядитъ къ намъ въ окна,
 А мы дома шуримся отъ свѣта.

Надъ сугробами садовъ и рощей
 Никнуть обезлиственные сѣни;
 А у насъ тропическихъ растеній
 Вѣтви къ потолку бросаютъ тѣни.

На дворѣ метѣть и воесть выюга;
 А у насъ веселый смѣхъ и рѣчи,
 И подъ звуки вальса наши дамы
 Кажутъ намъ свои нагія плечи.

Торжество въ борьбѣ съ лихой природой
 Въ городахъ зимой намъ очевиднѣй;
 Но и въ снѣжномъ полѣ теплой хаты
 Ничего не можетъ быть завиднѣй...

Такъ ли намъ легко бороться съ лѣтомъ,
 Съ бурными разливами, съ засухой,
 Съ духотой, съ грозой, съ трескучимъ градомъ,
 Съ пылью, даже—съ комаромъ и мухой!..

Далеко не такъ побѣдоносны
 Мы въ борьбѣ съ неукротимымъ лѣтомъ,
 Хотя оно и вѣетъ ароматомъ,
 Золота лѣса вечернимъ свѣтомъ...

Всѣ мы любимъ розъ благоуханье
 Шумъ прибоя волнъ на знойномъ югѣ,—
 Шорохъ ночи, жатвы колыханье
 И дѣтей веселые досуги...

ГИТАНА.

De la dulce mi enemiga
Nace un mal que al alma hiera...
(исп. пьсня).

Вотъ, Гитана идетъ по базару
И несетъ за плечомъ,—за плечомъ,
Позолоченнымъ солнца лучомъ,
На малиновой лентѣ гитару.
На гитарѣ струна порвалась;
На груди, какъ змѣя, черный локонъ колыхается;
На ходу тяжело ей, красавицѣ, дышется...
Чу!.. разносится звонъ... день погасъ...

Кто въ Севильѣ не знаетъ Гитаны,
Съ влажнымъ блескомъ ея черныхъ глазъ!
Кто не слышалъ ее въ поздній часъ,
Когда блещутъ огни и фонтаны?
Въ тѣ далекіе дни—алтари

Воздвигались любви,—каждый юноша, каждая
 Молодая невѣста, взаимности жаждая,
 Не должны были спать до зари.

Чаще были ночныя свиданья,
 Было больше таинственныхъ чаръ,
 Звонче былъ по ночамъ гулъ гитаръ,
 Слаще шопоть... Въ лампадномъ сіяньи
 Полнолуныя, душистыхъ кудрей
 Пряди длинныя ниже, все ниже склонялися...
 И капризныя цѣпи любви провѣрялися
 Прежде, чѣмъ ихъ спаялъ Гименей.

Лишь Гитана могла бы едва ли
 Звать счастливца къ балкону въ свой домъ,—
 Домъ ея былъ почти шалашомъ
 За оградой, гдѣ гряды копали,
 Да тянулись веревки съ бѣльемъ...
 Но она веселѣе была и безпечнѣе
 Городскихъ щеголихъ и, быть можетъ, сердечнѣе,—
 Голосокъ ея былъ съ огонькомъ...

Она знала, что тамъ подъ листвою,
 Гдѣ въ прохладѣ, съ закатомъ зари,

У бассейна горять фонари,
 Гдѣ цвѣты дышать вѣчной весною,
 Гдѣ лохмотьямъ и сѣрымъ плащамъ
 Не мѣшаетъ и грандъ своей пышной одеждою,—
 Безъ Гитаны съ гитарой—одною надеждою
 Меньше свѣтитъ наивнымъ сердцамъ.

Отчего же съ обычной эстрады
 Не слышать ее? Или больна?
 Или замужемъ? Или она
 Влюблена и не ищетъ услады
 Въ фиміамѣ горячихъ похвалъ?—
 Вдругъ прошелъ странный слухъ, далеко не таинственный:
 У Гитаны—любовникъ,—Донъ-Педро, единственный,
 Кому бѣсъ богатѣть помогаль...

Помогаль и въ любви... Были слухи,
 Что, въ дорогѣ, ребенкомъ, онъ былъ
 Взятъ бандитами въ плѣнъ, полюбилъ
 Удаля ихъ, воспитался въ ихъ духѣ,
 Съ ихъ согласья въ Севилью сбѣжалъ,
 Завладѣлъ, по наслѣдству отъ дяди, палатами,
 И нерѣдко, отъ банды снабженный дукатами,
 Втайнѣ ей помогаль и спасаль...

Такъ о немъ толковали въ народѣ;
 Но—красавецъ, богачъ, фантазеръ,
 Женскихъ, пылкихъ сердець милый воръ,
 Онъ, на зло молодежи, былъ въ модѣ
 У вдовиць,—у большихъ мастериць
 Прикрывать ложью то, что зовутъ въ свѣтѣ тайною,—
 А Донъ-Педро, владѣя удачей случайно,
 Не щадилъ ни знакомства, ни лицъ...

Что-то дѣвственное и вакхальное,
 То мгновенныя вспышки зарницъ
 Изъ-подъ длинныхъ, какъ стрѣлы, рѣсницъ,
 То порывъ, то улыбка печальная,—
 Все, что было отъ грубыхъ страстей
 Далеко, какъ отъ хрипа воздушное пѣніе,
 Все, что было въ Гитанѣ и блескъ и затмѣніе,
 Не давало ему спать ночей...

И, конечно, Донъ-Педро влюбился,
 Какъ влюблялись сатиры, когда
 Имъ на свѣтѣ была чередъ
 Ликовать (врядъ ли свѣтъ измѣнился!)...
 Онъ добился свиданія съ ней
 И увлекъ ее... (домъ ея не былъ съ перилами),

И нарушилъ соблазнъ чародѣйными силами
Тишину ея свѣтлыхъ ночей.

Разлюбивъ, говорилъ онъ Гитанѣ:
—Безъ ума я отъ женщинъ...—грѣшно
Ихъ падить,—клятвамъ вѣрить—смѣшно!—
Кобылица—и та на арканѣ
Рвется въ степь; какъ ее ни ласкай,
Не желаетъ она и за кормъ быть послушною
Злой уздѣ: такъ и ты, не кажись простодушною
И притворно цѣпей не желай...

И Гитана во гнѣвѣ не стала
Упрекать его... Цѣль порвалась...
О! пусть думаютъ, что продалась...
Все равно,—обаянье пропало...
Красота ея стала цвѣткомъ,
Ради прихоти сорваннымъ или подкошеннымъ,
И, увы! добавляла молва, скоро брошеннымъ...
Значить, ей и позоръ нисчемъ...

Долго, долго Гитана блуждала,
Какъ въ чаду,—наконецъ поняла,

Сочиненія Я. П. Полонскаго. Т. III.

Что одна ея слава—прошла,
 Что—приходить другая... И стало
 Ей и страшно, и больно отъ ранъ,
 Наносимыхъ ей въ сердце:—никто соблазнителя
 Не винилъ,—честь ея не нашла себѣ мстителя,—
 Значить, былъ обоюдный обманъ...

Такъ зачѣмъ же, голодная, злая,
 Загорѣлая,—словно нестеть
 Ее буря, Гитана идетъ
 На эстраду, впередъ сознавая,
 Что она никому не нужна!
 Но Гитану зовутъ и—Гитана рѣшается...
 А струна, по струнамъ задѣвая, мотается...
 И ей чудится,—шепчетъ струна:

«У тебя,—она шепчетъ,—ни брата,
 «Ни отца нѣтъ... и вся-то семья,
 «Все богатство—гитара твоя,
 «Да теперь—рукоятка булата...
 «О, Донъ-Педро! уже никому
 «Льстить не будетъ онъ, ночью гуляя съ синьорами,—
 «По утрамъ провожать ихъ влюбленными взорами,
 «Чтобъ онъ улыбался ему.

«Думалъ онъ, ты уйдешь и забудешь
 «Его клятвы, какъ онъ ихъ забылъ;
 «Онъ тебя никогда не любилъ,—
 «А ты будешь любить,—вѣчно будешь!..»

И вотъ, чудится ей, со струной
 Говорить она: «Это во снѣ мнѣ приснилось,
 «И не знаю сама я, какъ это случилось...
 «Матерь Божія!—Ножъ былъ со мной!..»

Она бредить, а все-жъ за безчестье
 Нанесла она страшный ударъ,
 Тотъ ударъ, что дворцы и базартъ
 Называютъ кровавою местию.
 На пиру былъ Донъ-Педро,—домой
 Шелъ, посвистывая; на пути, ночью хмурю,
 Не узналъ онъ Гитаны и назвалъ Лаурою,—
 Но, едва сжалъ ей локоть рукой,

Отшатнувшись, очнулась Гитана
 И вонзила въ него лезвіе...
 Онъ безъ крика взглянулъ на нее
 Страшнымъ взглядомъ—и грохнулся; рана
 Стала кровью пятнать мраморъ плитъ...
 Постоявъ, завернулась Гитана въ мантилію

И ушла...—а по утру цирюльни Севилю
Извѣстили: Донъ-Педро—убить!..

Вотъ и новая ночь: отворяютъ
Въ окнахъ ставни,—изъ оконъ несетъ
Ароматами,—скоро блеснетъ
Серпъ луны... по аллеямъ блуждаютъ
Чьи-то тѣни... Чу! кто-то свистить!..

Шумъ шаговъ, голоса ей, встревоженной, слышатся
Пряди косъ, словно львиная грива, колышутся,—
За плечами гитара дрожить.

Вотъ, пришла и встряхнула кудрями;
Вотъ эстрада,—Гитана идетъ...
Что за чудо!.. Толпа вся встаетъ,
И ее осыпаютъ цвѣтами,
Рукоплещутъ... восторженный вой
Голосовъ... И стоитъ она, блѣдная, шупая,
Всѣ ли струны?!—Ужели толпа эта глупая
Пояла, кѣмъ убить милый мой?!

ХУТОРКИ.

(Русская идиллія).

Тамъ, въ желтѣющемъ просторѣ
Колыхающихся нивъ,
Гдѣ въ саду румяной сливы
Золотой сквозить наливъ;

Тамъ, гдѣ вдоль холмистой балки
Сохнетъ русло ручейка,
Никнуть, крытые соломой,
Два сосѣднихъ хуторка.

Оба въ зной степного лѣта
Отъ ключей недалеки,
Оба день и ночь другъ друга
Наблюдаютъ хуторки.

Знають все,—что у сосѣда
 Въ огородѣ зацвѣло,
 Почему оторванъ ставень
 Или выбито стекло, ..

Почему съ утра такъ рано
 Потянуло князкомъ...
 Пахнетъ лукомъ, пахнетъ медомъ
 Или сдобнымъ пирогомъ?..

— Куманекъ!.. У васъ съ крылечка
 Черный котъ изъ-за бадьи
 Жадно смотритъ, какъ у клѣти
 Копошатся воробьи...

— А у васъ сегодня воронъ
 Хрипло каркалъ на трубѣ,—
 Все-ль у васъ благополучно?
 Всѣ ли здравствуютъ въ избѣ?

— Ничего... Жену спровадилъ
 Нашъ хозяинъ,—говорять,

Далеко послать за Волгу
Навѣстить своихъ ребятъ.

— Не бѣда,—коцапъ онъ ражій;
Вонъ онъ вышелъ на крыльцо,
Подбоченился, понурилъ
Загорѣлое лицо.

— А у васъ хозяйки внучка
За цвѣтами въ огородъ
Побѣжала и, босая,
Сѣла—пѣсенку поеть...

Завтра бабушка лампадку
Передъ образомъ зажжетъ,
А она цвѣты да ленты
Въ косу черную вплететь...

-- Вонъ, коцапъ пошелъ къ арбузамъ
На зеленую бакчу,
Поднять дыню и—глазами
Провожаетъ саранчу.

Ишь несется! нѣтъ конца ей...
 Помутила небеса;
 Но не съѣла къ намъ, не съѣла
 Ни пшеницы, ни овса...

— Значить, все благополучно?
 — Слава Богу, куманекъ!..
 Такъ они ведутъ бесѣду
 Съ бугорка на бугорокъ...

Но проходить лѣто,—къ югу
 За дождемъ летятъ грачи;
 Опустѣли огороды,
 Обезлюдѣли бакчи...

Воротилась ли къ коцапу
 Безпокойная жена?
 Не видать... Денекъ былъ сѣрый,
 Ночь дождлива и бурна.

Сквозь заплаканныя окна
 Тускло свѣтять огоньки...

И, взъерошенные бурей,
 Приуныли хуторки...

Да и на сердцѣ неладно...
 Чтò-то втайнѣ ихъ мутить,
 Недовольны чѣмъ-то,—каждый
 Подозрительно молчить.

Вотъ глядитъ одинъ и видитъ
 Почью красное пятно...
 Приглядѣлся,—у коцапа
 Занавѣшено окно.

Лѣто цѣлое ни разу
 Не подумалъ онъ о томъ,
 Чтобъ къ окну приладить ставень
 Иль заткнуть стекло тряпьемъ.

Такъ зачѣмъ же занавѣска?
 Аль коцапъ, хоть и женатъ,
 Позабылъ семью и Бога,
 И боится—подглядять.

Вотъ другой глаза таращитъ,
 (Онъ, старикъ, дремалъ весь день)
 И въ потемкахъ видить, кто-то
 Перелѣзъ черезъ плетень.

И за грядями, гдѣ бурый
 Хмѣль оборванъ и повисъ,
 У скамьи сошлись двѣ тѣни
 И любовно обнялись...

Хуторокъ не скоро понялъ...
 — Чтò за чортъ!.. Одни!.. впотьмахъ!..
 Подошли,—скрипнѣть ступенька...
 Спичка чиркнула въ сѣняхъ...

Эге-ге! Дивчину вашу
 Не сберегъ и домовой...
 Вотъ каковъ нашъ астраханецъ!
 И добро бы холостой!

— Ахъ, грѣхи, грѣхи! И утромъ
 Проболтался хуторокъ...
 Ахнувъ, бросила старушка
 Недовязанный чулокъ.

Видить,—внучка въ новыхъ бусахъ,
 И съ нечесаной косой...
 — Ахъ, такая ты, сякая!
 Что ты сдѣлала съ собой!..

Внучка вспыхнула, бормочеть:
 — «Я ли первая грѣшна!..»
 — То-то будетъ адъ кромѣшный,
 Какъ воротится жена!..

Хуторки видали виды,
 Знаютъ, правдой дорожа,
 Что такой любви съ похмѣлья
 Недалеко до ножа.

И глядятъ уже сердито
 Другъ на друга хуторки,
 Старикамъ такія шашни,
 Очевидно, не съ руки...

Иногда, на зло имъ, ночью
 Тутъ такая тишина,
 Такъ ярка въ холодномъ небѣ
 Одинокая луна,

Такъ роса блеститъ на сѣрыхъ
 Паутинкахъ лебеды,
 Что и ночью ясно видны
 Имъ знакомые слѣды.

И не только вдоль тропинки
 Слышенъ шелестъ рѣзвыхъ ногъ,
 Видно, чья перебѣгаетъ
 Тѣнь съ порога на порогъ...

Иногда-жь, на зло имъ, тучи
 Такъ туманятъ глушь степей,
 Такъ дождитъ, что слышенъ гомонъ
 Землю роющихъ ключей;

Такъ тоскливо, что ужъ лучше
 Внушки дома не лица;
 Тутъ всю ночь одна старуха
 Дрогнетъ лежа на печи.

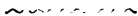
Хуторки дрожать и жмутся,
 Внемя гулу голосовъ,
 Вою, свисту, бормотанью
 Разгулявшихся вѣтровъ.

Чу! не вѣдьма ли промчалась,
Ухватясь за помело?
Чтò-то шаркнуло по кровлѣ...
Клокъ соломы унесло.

Не бѣсовъ ли стая скачетъ,
Не телѣга ли стучить?
Не жена ли изъ-за Волги
Къ другу милому спѣшить?

Хуторки не спятъ—и въ страхѣ
Чутко слушаютъ впотьмахъ,
Не слышать ли ночью крика
Или стука въ воротахъ?!..

ДЕРЕВЕНСКИЙ СОНЪ.

Бабушка-ткачиха—
За станкомъ, а внучка
То прядеть, то вскочить,
Словно бѣлоручка...

Говорятъ,—лѣнлива,
Говорятъ,—неряха,
Да зато красива
Молодая пряха.

Ростомъ невеличка,
Только зорки глазки...
Позабыла Груня
Бабушкины сказки...

И читать забыла;
У нея въ избенкѣ
Въ хламѣ не отроешь
Ни одной книжонки...

Все-то ей поется,
Дома не сидится,
Грезится подь утро,
По ночамъ не спится.

И о чемъ ей грезить—
Босоножкѣ съ дѣтства!
Свитка да подушка —
Все ея наслѣдство.

Вотъ она въ чуланѣ
Душномъ, въ одиночку—
Разметалась,—видно,
Не спалось всю ночь...

Ужъ давно въ деревнѣ
Пѣтухи пропѣли,
И заря ей плечи
Золотить сквозь щели.

Чу!.. Свирѣль... Но Груня
 Ничего не слышитъ,
 Роковая грѣза
 Грудь ея колышетъ.

И не Ваня бѣдный,
 Тотъ, кому повадно
 Съ ней на посидѣлкахъ
 Цѣловаться жадно,

И не поле съ рожью,
 И не лѣсъ тотъ дикій,
 Гдѣ такъ сладко пахнетъ
 Свѣжей земляникой,

И не злого духа
 Песій хвостъ и рожки
 Снятся на разсвѣтѣ
 Нашей босоножкѣ...

Нѣтъ, ей бѣдной снится,
 Что она проснулась
 На чужой кровати;
 Встала, — потянулась, —

Подняла оконце,—
 Вытянула шейку,
 Увидала солнце,—
 Съла на скамейку.

Стала прять, и что же?
 Сучить не простую,
 Не льняную нитку,—
 Нитку золотую...

Вотъ отводить руку,
 Распахнулась свитка,
 Тянется изъ мочки
 Золотая нитка.

Золотомъ повитыхъ
 Веретенъ не мало...
 И она ихъ мигомъ
 Въ тальки размотала...

Бабушка-ткачиха
 И ворчать не смѣть:
 Справила станокъ свой,—
 Дѣло разумѣть...

И челнокъ проворно
Шмыгаетъ не даромъ,—
Ткань ея на солнцѣ
Отливаетъ жаромъ.

И красотка-пыха
Ужъ не та, что прежде,—
Ходить точно пава
Въ золотой одеждѣ.

Вышла за ворота
Поздно, утромъ знойнымъ,
И глядитъ на избы
Съ чувствомъ безпокойнымъ...

Вотъ и Ваня бѣдный,
Что ея намедни
Такъ ласкалъ, должно быть
Собрался къ обѣдни...

Крестить лобъ свой,—смотреть:
— Груня!! ты ли это?!
Нѣтъ ему отвѣта,
Нѣтъ ему привѣта...

Вся она сілетъ
 Гордою улыбкой;
 Дескать за крестьянку
 Не прими ошибкой...

Дескать и не думай...
 И не жди... Любила,
 Такъ и не зъваль бы...
 Мало ли что было!

И ничуть не горько
 Мнѣ съ тобой разстаться;
 Не горюй! съ другою
 Можешь повѣнчаться...

И хорошъ, и складенъ
 Сонъ, да видно тѣнокъ,—
 Порвался... и Груня
 Слушаетъ съ просонокъ:

Бабушка по сѣнцамъ
 Ходить и хлопочеть,---
 — Грунька! Встань. Гдѣ ведро?..
 Шѣтъ воды... бормочеть.

— Да нельзя ли щепокъ
Раздобыть... Неряха!..
Соня!.. И очнулась
Молодая пряха.

Боль глухой досады
Ей больнѣй занозы;
На ея глазенкахъ
Навернулись слезы...

Но съ тѣхъ поръ, невольно,
Точно сонъ былъ въ руку,
Все ей предвѣщаетъ
Скорую разлуку,

И съ ея буренкой,
И съ ея избушкой,
И съ неугомонной
Бабушкой-старушкой.

Ее въ городъ манять,—
Ее городъ тянетъ...—
Горе ей несчастной!
Сонъ ее обманеть.

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ.

Не та любовь, что поучаетъ,
 Иль безнадежно изнываетъ
 И пѣсни жалкія поетъ,
 Не та, что юность растлѣваетъ
 Или ревниво вопіетъ,
 А та любовь, что жертвъ не проситъ,
 Страдаетъ безъ обидныхъ слезъ
 И, полная наивныхъ грѣзъ,
 Не безъ улыбки цѣпи носить,
 Непобѣдима и вѣчна,
 Вядря жизни сѣмена
 Ведѣ, гдѣ смерть идетъ и коситъ...

Свидѣтель всѣхъ ея скорбей,
 Наслѣдникъ всѣхъ ея преданій,

Ея забывчивыхъ страстей
И позднихъ разочараній,
Угмонивъ съ лѣтами кровь,
Въ виду уликъ неоспоримыхъ,
Не на скамью ли подсудимыхъ
Влечешь ты брачную любовь?
За что-жь?.. За то ли, что когда-то
Она, повѣрившая свято
Въ свое призванье жить семьей,
Не дрогнула съ чужой судьбой,
Быть можетъ тяжелой и безславной,
Связать свободный, своенравный,
Знакомый съ дѣтства жребій свой, —
Не струсила свѣчи вѣнчальной,
И, несмотря на суету
И дразги жизни, красоту
Вообразила идеальной;
За то-ль, что въ этой красотѣ
Безъ маски и безъ покрывала
Не узнаемъ мы идеала,
Доступнаго одной мечтѣ?..

Карай наперсниковъ разврата,
Съ холодной ревностью въ крови,

Разсчетъ, не знающій любви
 И добивающійся злата,
 Карай ханжу, что корчитъ брата
 И хочеть жить съ своей женой,
 Какъ съ незаконною сестрой...

. . . . .
 Къ чему соблазнъ? — Къ чему игра
 Въ фальшивый бракъ!—Вѣдь мы не дѣти,
 Боящіяся сатаны,
 Который разставляетъ сѣти
 Намъ въ ласкахъ собственной жены...
 Скажи, поэтъ, молвой любимый,
 Скажи, пророкъ неумолчный,
 Ужели мы себя спасемъ
 Тѣмъ, что въ борьбѣ съ собой уьемъ
 Грядущихъ поколѣній сѣмя,
 Иль тѣмъ, что, въ вѣчность погрузясь,
 Въ бездушнѣй тѣмѣ утратимъ время,
 И то забудемъ, что, кичась
 Своимъ отчаяньемъ, въ смиреннѣй
 И сокрушеніи сердець,
 Мы исказили планъ творенья
 И разрѣшили всѣ сомнѣнья
 Тѣмъ, что нашли себѣ конецъ.

Бредъ истины—духъ разумѣнья!
Ты въ даль и въ глубь меня влечешь;
Въ ничтожествѣ ли ты найдешь
Свое конечное спасенье?!
Божественность небытія
И бессознательная воля!
На васъ ли промѣняю я
Распутниковъ и нищихъ? доля
Ихъ низменна... ихъ грязень путь...—
И все-жъ они хоть что-нибудь,
Въ нихъ свѣтитъ искорка сознанья,
А вы,—вы призракъ, вы ничто...

РОЗА И КОРНИ.

Роза.

Вь ночь я сладко грѣжу, луннымъ
 Озаренная сіяньемъ;
 Днемъ, съ утра, навстрѣчу солнца
 Я дышу благоуханьемъ...

Корни.

Мать-земля у самой груди
 Кормить насъ, надъ нами плачетъ,
 Съ нами сохнетъ и отъ свѣта,
 Какъ родныхъ дѣтей насъ прячетъ...

Роза.

Рада я пѣвцамъ пернатымъ,
 Рада въ зной пчелы жужжанью,
 И въ полуденной истомѣ
 Легкихъ бабочекъ порханью...

Корни

Вверхъ куда-то наши соки
 Тянуть темныя влеченья...
 И мы чуемъ, какъ бы свыше
 Сферъ воздушныхъ дуновенья.

Роза.

Ненавижу я примѣты
 Желтой осени...—съ закатомъ
 Лѣта свянуп я, и—грѣзы
 Улетять съ ихъ ароматомъ...

Корни.

Червь насъ точить, —кто-то гложеть,
 Но пошли намъ Богъ питанья!..
 И зимой мы наши силы
 Сбережемъ безъ увяданья...

МОНОЛОГЪ.

У природы—никакой цѣли, и если она есть—то единственная,—быть познанной человѣкомъ и всецѣло бытъ имъ отраженной...

Гастонъ Пари.

Гдѣ правда, гдѣ любовь и вы, святая грѣзы?
 Природа ли мнѣ дастъ все то, что ей самой
 Отъ вѣка не дано? Не я-ль, въ борьбѣ съ глухой
 Ея средой, таю въ груди то страхъ, то слезы? —
 А ей не все-ль равно, что мракъ, что Божій свѣтъ,
 Что зло, что благо, и—страдаю-ль я, иль нѣтъ!..

Природа!.. Но—она-ль меня одушевляла? —
 Не самъ ли я ее всю жизнь одушевлялъ?
 Не я ли цвѣтъ и звукъ, и красоту ей далъ,
 Досоздавалъ все, что ей недоставало.

Я вѣрилъ въ небеса и—жилъ среди чудесъ.
 Допрашивалъ,—искалъ и—не нашель небесъ. . .

Неслись въ ночи одни пылающіе комья,—
 Разрозненныхъ міровъ сплотившійся хаосъ;

И падали, какъ дождь, обломки ихъ; неслоь
 И ты, мое гнѣздо—земля, и былъ влекомъ я
 Надъ бездной вѣчности, куда, какъ старый хламъ,
 Валилось все... вѣка,—ихъ блескъ и оніамъ.

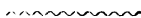
И времени потокъ смывалъ народы, троны,
 И гасли алтари и—воздымался прахъ;
 Отчаянье одно на сумрачныхъ крылахъ
 Неслось навстрѣчу мнѣ, крича: всему законы...
 Природа властвуетъ... но у природы нѣтъ
 Началь твоихъ, она—конецъ твоихъ суетъ.

Вздохнеть ли океанъ по орнаментамъ зданій,
 Которые въ потопъ слизнеть онъ? Выси горъ
 Вздохнуть ли, если чернь подпишетъ приговоръ
 Смертельный гению, чтобъ лучшихъ упованій
 Лишить твой бѣдный умъ? И,—если не спасеть
 Ничто твоей души,—природа ли вздохнеть?

Поэтъ—ожесточись...

Но если вдохновенье

И жажда истины, и этотъ самый вздохъ
 Даны мнѣ не слѣпой природой,—живъ мой Богъ!
 Онъ—тайна и глаголь, любовь и обновенье,
 Отрада немощныхъ и сила—сознавать
 Весь міръ такимъ, чтобъ пѣть—и лучшаго желать.

* * *

Я червь — я богъ.

Державинъ.

Я — чадо природы,
 Рабъ жизни и—связанъ судьбой роковою...
 А ты, духъ мой, воленъ
 Какъ птица, и — мнѣ ли угнать за тобою?!..

Ни ястребъ когтистый,
 Ни соколъ не бросятся въ битву съ орламп;
 А ты изъ-за мысли
 Мучительной вѣчно враждуешь съ богами.

И ласточка, въ страхѣ
 Отъ бури, гнѣзда себѣ въ небѣ не лѣпитъ;
 А ты—въ небѣ ищешь
 Покоя, богами повергнутый въ трепеть.

Навстрѣчу фантазій
 Твоихъ, сочетаніемъ формъ избыльныхъ,
 Наяды всплываютъ,
 И тѣни встаютъ изъ-подъ камней могильныхъ; —

И рѣзвыя нимфы
 Бѣгутъ по лѣсамъ, наготою сверкая...
 И бѣсы изъ ада
 Грохочать, и—ангелы вѣютъ изъ рая...

И умъ твой, въ союзѣ
 Съ наукой, дерзаетъ слѣдить за путями
 Кометъ,—видѣть вихри
 На солнцѣ и лавы потокъ подъ ногами.

И нѣтъ ни предѣла
 Въ пространствѣ, ни грани въ вѣкахъ отдаленныхъ
 Для смѣлыхъ полетовъ
 Твоихъ думъ пытливыхъ и думъ вдохновенныхъ.

Какая темница
 Тебѣ помѣшаетъ носиться высоко,
 Бесѣдовать съ Богомъ
 И смерти, на зло, видѣть путь свой далѣко!

За что же меня ты
 Такъ мучишь, на цѣпи мои негодуй!..
 Какъ чадо природы,—
 Я рабъ: — я покорень всему, чѣмъ живу я...—

Всему, что люблю я...

. . . . .

РОДНИКЪ.

Вдоль рѣки ступай, минуя
Бревна, щебень и тростникъ,
И найдешь ты возлѣ ивы
У холма живой родникъ.

Какъ кристалль прозрачно-чистый,
Изъ-подъ камня въ лѣтній зной
Льется онъ струей серебристой,—
Освѣжительной струей.

Тамъ, зимой, въ морозъ, недаромъ,
У рѣки, затертой льдомъ,
Духи вьются легкимъ паромъ
Надъ немолчнымъ родникомъ, —

Лишь ему не страшны бури,
Ни жестокость холодовъ,
Ни невѣжество людское,
Ни тревоги городовъ:

Онъ одинъ далекъ заразы
Пошлыхъ думъ и злыхъ страстей,
Онъ одинъ, какъ геній, свѣтель, —
Приходи къ нему и -- пей!..

ЗАГАДКА.

Она родится, какъ любовь;
 Сердца плѣняетъ, негодуя;
 Но, какъ любовь, волнуя кровь,
 Не ждетъ ни ласкъ, не поцѣлуя.
 Отъ молодыхъ ея рѣчей
 Не разъ лились святая слезы...
 Она — поэзія, но къ ней
 И подойти нельзя безъ прозы.
 Ей ненавистенъ произволь;
 И тотъ, кто къ ней спѣшитъ за славой,
 Бываетъ на нее же золь
 И беспощаденъ въ часъ кровавый;
 Хоть нѣтъ ей мѣста на войнѣ,—
 Къ побѣдѣ ключъ у ней, конечно;
 Народная въ любой странѣ,
 Она-жъ и общечеловѣчна...
 Кто съ ней хоть издали знакомъ,
 Того пугаетъ участь міра,
 Чтò нынѣ сталъ слѣпымъ рабомъ
 Позолоченнаго кумира.

ДНИ ИЗМѢНЧИВЫ.

Въ полуразсвѣтѣ отроческихъ лѣтъ
 Стихи мои дѣвицъ, конечно, не плѣняли...
 Не школьникъ влюбчивый, — имъ нуженъ былъ *предметъ*,
 И мнѣ онѣ своихъ альбомовъ не казали.
 Мой жадный умъ былъ полнъ любовной чепухи, —
 И сердце жаждало утѣшиться ихъ лаской...
 Но бѣдный мальчуганъ, негодный въ женихи,
 Въ романѣ жизни ихъ не могъ служить завязкой.
 Краснѣть, блѣднѣть, вздыхать ихъ заставлялъ не я...
 Подаромъ, при гостяхъ, какъ малое дитя,
 Красавицы меня почти не замѣчали...
 Но дни измѣнчивы...

Онѣ ужъ увядали,
 А я еще мужалъ — и двадцати трехъ лѣтъ,
 Какъ гордый юноша и вѣтренный поэтъ,
 Излюбленныхъ идей разсвѣта ожидая,
 Я сердцемъ пламенѣлъ, уже не замѣчая

Ихъ лицъ, потускнвшихъ отъ вѣянья нѣмыхъ
 Страданій въ дни измѣнъ, заботъ или тревоги;
 И если я встрѣчалъ кого-нибудь изъ нихъ
 У старыхъ кумушекъ, въ собраньяхъ, или въ дорогѣ,
 То равнодушно къ нимъ съ улыбкой подходилъ,
 Напоминалъ имъ о себѣ, смѣялся
 Надъ ихъ альбомами,—о томъ же, какъ я ныль
 И плакалъ по ночамъ и глупо ихъ любилъ, —
 Ни слова...

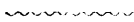
Только разъ, случайно, проболтался
 Передъ сосѣдкою, которой красота
 Еще была свѣжа — (хоть далекò не та,
 Чтò прежде); но она, смѣясь, мнѣ возразила:
 — Какія глупости! Возможно ли долбить
 Изъ Катихизиса уроки и — любить!..

* * *

Когда въ нашъ темный садъ вошла ты привидѣньемъ,
Блѣдна, взволнована, и жалобой звучалъ
Твой голосъ трепетный, — съ невольнымъ сокрушеньемъ
Внималъ я твоему признанью, трепеталъ
За молодость, за честь, за рокъ, тебѣ грозящій:
Я вѣрилъ искренно душѣ твоей скорбящей.

Теперь, когда, въ цвѣтахъ, съ протянутой рукой
Стоишь ты свѣтлая, какъ свѣтлый призракъ мая,
И улыбаешься, и смотришь, выжидая...
И взоръ твой свѣтится лукавою мечтой, —
Прости, не вѣрю я душѣ твоей — не вѣрю, —
Хочу сказать — молчу, смѣюсь и — лицемѣрю...

* * *

Вотъ и ночь... Къ ея порогу
 Онъ пришелъ, едва дыша...
 Утомился ли онъ, медля?
 Опоздалъ ли онъ, спѣша?..

Сѣлъ, и шляпу снялъ, и блѣдный,
 Къ ней наверхъ въ окно глядитъ
 И, прислушиваясь, — тихо,
 Точно бредить, говорить:

— Милый ангелъ! Будь покойна, —
 Я къ тебѣ не постучусь...
 Вижу свѣтъ твоей лампы
 И... безумствую, — молюсь...

За тебя ли, за себя ли
 Я молюсь, не знаю самъ. —
 Ни глазамъ твоимъ не вѣрю,
 Ни лампадѣ, ни звѣздамъ.

Вѣдь онѣ, — всѣ эти звѣзды,
 Какъ и твой небесный взглядъ,
 И горять, и въ душу смотреть,
 И неправду говорить;

Вѣдь онѣ, — всѣ эти звѣзды,
 Никогда не скажутъ мнѣ,
 Кто сейчасъ твою лампаду
 Погасилъ, мелькнувъ въ окнѣ.

Или это промелькнуло
 Отраженіе луны?..
 Или это — грѣза ночи,
 Шорохъ знойной тишины?

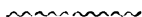
Или это — у забора
 Вѣтерокъ шуршитъ листвою?
 Нѣтъ!.. Я слышу смѣхъ влюбленныхъ
 Надъ моей смѣшной слезой.

И какъ тѣнь, съ ея порога
 Поднялся онъ, чуть дыша...
 Утомился ли онъ медя,
 Опоздалъ ли онъ спѣша?.

ОТВѢТЪ.

Ты спрашиваешь: отчего
 Такъ пошло все и такъ ничтожно,
 Что превосходства своего
 Не сознавать намъ невозможно?..
 — Нѣтъ, я такой же, какъ и всѣ,
 Такая-жъ спица въ колесѣ,
 Которое само не знаетъ
 И не отвѣтить, хоть спроси,
 Зачѣмъ оно въ пыли мелькаетъ,
 Вертятся вокругъ своей ося;
 Зачѣмъ своей желѣзной шиной,
 Мѣрской дорогою катясь,
 Оно захватываетъ грязь,
 Марая спицы линкой глиной,
 И почему не сознаетъ
 То колесо, кого везетъ,
 Кто держитъ возжи,—кто возница,
 Чье око видитъ съ высоты,
 Куда несется колесница,
 Какіе кони впряжены...

БОРЦУ.

Какъ въ Бога, въ чело́вка въря,
Прощаешь ты полузвѣрямъ,
Лишь потому, что видишь самъ
Въ себѣ такого-жъ полузвѣря...
Но ты рожденъ съ душой борца,—
Ты знаешь хищниковъ породу,
И радъ въ народную невзгду
Бороться съ ними до конца...
За личной, злостною обидой
Ты не погонишься, когда—
Здѣсь слышенъ крикъ: спаси, не выдай!
А тамъ,—мы гибнемъ безъ труда!..
Подайте хлѣба!..—Вѣдь покуда
Не грянетъ свыше Божій громъ,
Нашъ доморощенный Гуда
Не осбнитъ себя крестомъ...

Борець неправду раздражаетъ
Тѣмъ, что неправдой раздраженъ,
И ни на шагъ не отступаетъ,
И торгашамъ онъ не прощаетъ,
Бичомъ Христа вооруженъ...
Хвала тебѣ! ты честный воинъ...
Но за тебя я непокоенъ:—
У хищника и когти есть,
И зубы,—клевета и месть...
Но лучше пасть въ борьбѣ неравной,
Чѣмъ у Мамона быть рабомъ,
Иль пировать въ семьѣ безславной
Пронырѣ, что въ холѣ и теплѣ
Кишатъ, грозя родной землѣ...

~~~~~

ПРИЗРАКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Посвящается В. Л. Величко.

Кого тутъ удивишь проклятою привычкою
 Ночь коротать въ гостяхъ, потомъ спѣшить домой,
 Звонить, и ждать слуги иль горничной босой,
 Чтобъ отворила дверь...

Но я пришелъ съ отмычкой...
 Неслышно пробрался въ ту комнату, гдѣ жилъ;
 И, странно,—въ темнотѣ, пока я шаркалъ спичкой,
 Чтобъ засвѣтить свѣчу, я смутно ощутилъ
 Человкій, чуткій страхъ: рука моя дрожала,
 Свѣткляня, Богъ знаетъ съ чего, слегка трещала,
 И я не скоро могъ свѣчи зажечь... За мной,—
 Я это чувствовалъ,—есть *кто-то*,—воръ ночной,
 Иль нежеланный гость... И сталъ я озираться,
 Подумавъ: пустяки! Чего тутъ мнѣ пугаться!
 Какого чорта!! И—едва не уронилъ

Изъ рукъ подсвѣчника...

Сперва, какъ бы въ туманѣ,
Потомъ яснѣй, у шкапа, на диванѣ,
Я увидалъ *его*.

Онъ темень былъ,
Какъ тѣнь, и блѣдень; съ узкими глазами,
Скулистый и худой; одни его виски,
Казалось, лоснились, да кисть сухой руки
Блѣлась, какъ пятно, на согнутомъ колѣнѣ.
Не сонъ ли это?.. Гость изъ-за могильной сѣни!
Возможно ли?!.. И долго мой испугъ
Держалъ меня, какъ бы въ ошпенѣньи.
Хотѣлось крикнуть, убѣжать въ смятеньи,—
Въ борьбѣ неясныхъ думъ.—Что если,—вдругъ
Пришло мнѣ въ голову,—мнѣ одному придется
Съ нимъ ночевать, или—съ ума сойти—бороться!—
Кто знаетъ, *кто* это? Или сбѣжалъ онъ?! Вздорь!..
Я зналъ,—навѣрно зналъ (вся пресса наша знала),
Что умеръ онъ давно въ виду туманныхъ горъ,
Въ избѣ у казака, на берегахъ Байкала...
Мнѣ было жаль его, какъ человѣка, жаль;
Но не одна въ тѣ дни насъ разлучила даль:
Не лицемѣрилъ онъ, и я не лицемѣрилъ,—
Я вѣрилъ, что идемъ впередъ мы, онъ не вѣрилъ.

. . . . .

Я шель своимъ путемъ,—онъ круто своротилъ
 На чуждую душѣ его дорогу,—
 Такъ расходились мы, и мирно, понемногу,
 Навѣки разошлись.

Зачѣмъ же до меня
 За тридевять земель въ магнитномъ ураганѣ
 Донесся прахъ его,—и на моемъ диванѣ
 Усѣлся и—глядитъ!—Ужели мы родня
 По духу, несмотря на рознь задачъ и мнѣній?
 И, задыхаясь, я его спросилъ:
 — Чего ты хочешь,—братъ?..

— Не знаю...

— Зачѣмъ же ты—ты, призракъ, посѣтилъ
 Мой кабинетъ рабочій?

— Я страдаю...

— Откуда ты?

— Изъ темноты...

— И не живой,

А мертвый?!

— Смерти нѣтъ. Я былъ вочеловѣченъ
 И, значить, одаренъ бессмертною душой;
 А если вѣченъ я,—то и Спаситель вѣченъ...
 — Такъ что же?

— Страшно жжетъ меня Его глаголь.
 Искалъ я выхода къ Нему—и не нашель...

Хаосъ и тьма...

— Но какъ же ты пробраться
Могъ въ эту комнату?

— Темна была она.

— Но ты и при свѣчѣ...

— И при свѣчѣ остаться
Могу я, потому, что и свѣча темна.

Что значить этотъ свѣтъ?! О, есть такія сферы,
Гдѣ свѣтится любовь и гдѣ Христось...

— Ты жаждешь вѣры! ты?!..

— Хотя бы только слезы!

И тѣхъ за гробомъ нѣтъ... Нѣтъ ни болѣзней,
Ни дыханія...

— И не вдыхаешь ты
О прошломъ? Помнишь ли ты юныя мечты
О будущемъ—о томъ, что было бы полезнѣй
Для человѣчества: прогрессъ или хаосъ?

И какъ бы ты теперь рѣшилъ такой вопросъ?

— Не мучь меня... Клянусь, не понимаю

Твоихъ вопросовъ; смутно я читаю

Въ умѣ твоёмъ давно мнѣ чуждыя слова:

«Свобода», «равенство», «правительство», «права»...

Ихъ смыслъ утраченъ нами,—мы

Питаемся ээиромъ нашей тьмы,

Свободны и уже ничѣмъ не уязвимы,

У насъ одно отчаянне, что свѣтъ
 Себесъ—увы!—далекъ отъ насъ, что нѣтъ
 И признака того, что видятъ херувимы...
 Что мы такое? Мы необъяснимы,—
 Мы искры, но не гаснемъ,—вѣчной тьмы
 Не освѣщаемъ, но другъ друга видимъ мы
 И, не любя, тоскуемъ... Въ этомъ всѣ равны мы,
 Какъ бы осуществляя идеаль
 Земного равенства.—О, какъ бы я желалъ
 Подняться выше!..—тщетное желанье!..
 Неравенство—есть достоянне
 Иныхъ, блаженныхъ душъ. Лишь тамъ и могутъ быть
 Разнообразныя божественныя сферы,
 Гдѣ равной нѣтъ любви,—ни равной силы вѣры...

. . . . .
 — О! Ты пугалъ меня, какъ призракъ, а теперь—
 Иную поселилъ въ душѣ моей тревогу...
 Я вѣрю, и зову разсудокъ на подмогу,
 И сомнѣваюсь...

— Одному повѣрь:

Кто Царства Божія въ душѣ своей не носить,
 Тотъ никуда его съ собой не унесетъ,
 И не получитъ онъ того, чего не просить,
 И не дождется онъ того, чего не ждетъ.
 — Но ты ждалъ лучшаго...

— Я ждалъ хаоса, —

Чтобъ все съ хаоса началось; —
 И я съ собой въ душѣ его унесъ,
 И погрузился въ тьму. Тамъ все оборвалось,
 Что связывало насъ какъ бы въ одну семью;
 И сталъ я чуждъ всему земному,
 Всему небесному, всему святому
 И даже грѣшному...

— Ты оживилъ мою

Фантазію, и, я клянусь мечтами
 Всей нашей юности, не все ты порвалъ съ нами, —
 Не все оборвано. Ты вовсе не былъ злой!
 Ты многихъ привлекалъ своею добротой,
 И простодушными, сердечными рѣчами...
 Зачѣмъ же ты, въ угоду молодой
 Своей возлюбленной, хвалился жаждой крови!
 Но если ты въ тѣ дни и лживый былъ пророкъ, —
 Вину съ тобой дѣлилъ неумолимый рокъ...
 — Онъ дрогнулъ и, привставъ, высоко поднялъ брови,
 И черною кивнулъ мнѣ головой,
 И, мнѣ почудилось, сказалъ: — спасибо, милый!
 Будь обо мнѣ предъ Вышнимъ Судіей
 Живымъ свидѣтелемъ...

И воздухомъ могилы

Землистымъ на меня пахнуло, — онъ исчезъ.

Такъ возникаютъ привидѣнья
Во имя зла, добра, невѣдомыхъ небесъ
И преисподней, силою чудесъ
Душѣ присущей. Ну, а все же,
Хоть я, въ концѣ концовъ, и пересталъ
Дрожать и трусить, я бы не желалъ
Такихъ загадочныхъ гостей... Избави Боже!..

Н И Ч Т О.

Ничтожество—пустой призракъ,
Не жажду твоего покроя.

А. Пушкинъ.

Всесильное *ничто*—бездушный мракъ,—могила
Бездонная всего, что движется,—что было,
И есть, и будетъ—смерть смертей!..
Я не могу безъ содроганья
Ни мыслить о тебѣ, ни—о судьбѣ людей,
Прильнувшихъ, въ вихрѣ мірозданья,
Къ землѣ на мигъ, чтобъ быть игрищемъ страстей,
Безумныхъ оргій иль страданья.
Но если, иногда, ничтожество мое
Мнѣ говорить, что я не вѣченъ...
Ничто!—уже ли я тобой вочеловѣченъ,
Или—подобіе твое?..
Ужели мнѣ тобой даны и слухъ, и очп,
И осязанье, для того,
Чтобъ я, какъ Богъ, изъ ничего

Творилъ минуты, дни и ночи
 И наполнялъ бы ихъ собой,—
 Сердечнымъ трепетомъ и трепетнымъ сознаньемъ,
 То отрицаньемъ, то враждой,
 То безобразіемъ, то дивной красотой
 И умиленнымъ упованьемъ!
 Ужежъ *ничто*, ты—первообразъ мой!..
 Цѣнь безконечная существованій стала
 Невидимой,—или она ушла,
 Чтобъ тьма иль пустота ее оборвала,
 И чтобъ она навѣкъ пропала!..

. . . . .
 О Господи! земныхъ творцовъ Творецъ!
 Не вижу, не могу я видѣть, гдѣ конецъ
 Того, гдѣ Ты всему начало!
 О Господи! верни мнѣ то,
 Чего не покорить всеильное *ничто*,—
 И вѣру, и любовь, и правду, и незлобье...
 Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!..

* * *

Гдѣ прежній твой восторгъ, и гдѣ тѣ облака,
 Которыхъ алый блескъ сіялъ издалика
 На блѣдномъ личикѣ подруги въ часъ свиданья?
 Гдѣ тѣ тревоги, ожиданья,
 Измѣна, слезы и—тоска?

Не отъ людской вражды жди самыхъ жгучихъ ранъ,—
 И счастье и любовь таятъ въ себѣ обманъ
 И молодые дни, какъ листья, увядаютъ,
 И страсти съ вѣтромъ улетаютъ,
 Какъ шумъ грозы, иль какъ туманъ,—

Есть неизмѣнное и вѣчное одно:—
 Все то, чего и смерть не одолѣеть; но

7*

Сомнѣнье черное, какъ туча, наплываетъ,
И вѣчное едва мерцаетъ,
Отчаяньемъ заслонено.

Кляни отчаянье!—Все, что тебя тревожитъ—
Ничтожество и тлѣнь. Ищи свой свѣтлый рай
Въ той истинѣ, что все на свѣтъ превозможетъ...
Надъ страшной бездной окрыляй
Свои мечты, и—не страдай...

ЗАМѢТКА.

Влюбленному понять мечты свои нельзя:
Такъ, на конькахъ стремительно скользя
По ледяной горѣ, воздѣланной искусствомъ,
Веселье, бодрость, страхъ и чувство быстроты
Никто не назоветъ опредѣленнымъ чувствомъ.
Попробуй выразить, о чемъ мечтаешь ты
Въ объятіяхъ тобой любимой красоты:
О ней мечтать нельзя,—она ужъ не мадонна,—
Не идеаль... И вотъ, то дѣвственное лоно,
Которымъ жаждалъ ты такъ страстно обладать,
И услаждаетъ, и томить, и, нѣжа, мучить,—
Любить и размышлять и ненавидѣть учить.

---

* * *

Враждою народовъ—стезя
 Пробита для мрачныхъ явленій,
 И сами, надъ бездною скользя,
 Идутъ они, молча грозя...
 Нельзя быть счастливымъ, нельзя,
 Мой другъ, моя совѣсть, мой геній!

И ты бы меня не смогла
 Спасти отъ мятежныхъ сомнѣній...
 Въ волнахъ перекатнаго зла
 Я—утлый челнокъ безъ весла...
 И ты бы меня не спасла,
 Мой другъ, моя совѣсть, мой геній!

Ни честнымъ въ борьбѣ погибать,
 Ни свѣту, въ бреду вождельній,

Изъ злата кумирь созидать,
 Ни зависти мстить, иль роптать—
 И ты-бъ не могла помѣшать,
 Мой другъ, моя совѣсть, мой геніи!

Не въ черные дни, съ ихъ нуждой,
 Съ ихъ горемъ отъ бѣдъ и лишеній,
 Нѣтъ,—въ солнечный день, подъ листвою,
 Иль въ тихую полночь, весной,
 Приди и бесѣдуй со мной,
 Мой другъ, моя совѣсть, мой геніи!

И свѣтъ намъ не будетъ внимать:
 Вдали отъ его искушеній
 Дозволю себѣ я мечтать,
 И, можетъ быть, буду опять
 На силу любви уповать
 Мой другъ, моя совѣсть, мой геніи!

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

(Отрывокъ).

. . . . .
 Ждали мы, что ливень хлынетъ,—

Все посохло отъ жаровъ:

Ни пшеницы, ни травы нѣтъ,

Ни прохлады, ни кормовъ...

Даже ночью въ полнолуны

Не видали мы росы.

Смогла пташечка пѣвунья

У бесплодной полосы...

Въ полѣ жаворонокъ съ мая

Вить гнѣзда не захотѣлъ...

Кто-бъ изъ насъ, себя спасая,

Вслѣдъ за нимъ не улетѣлъ!..

Смерти ждали мы,—и въ гости

Къ намъ, голодная, брела,

По дорогамъ сѣя кости,
 Стаю вороновъ звала;
 И была воронья стая
 Такъ сыта, что и на зовъ
 Откликалась, не слетая
 Съ нашихъ голыхъ чердаковъ;
 Въ эти злые дни истомы
 И невольнаго поста
 Даже кровельной соломы
 Не хватало для скота...

Но не смерть, а милость Божья
 Къ намъ на помощь въ добрый часъ,
 Несмотря на бездорожье,
 Въ дождь и стужу принеслась,—
 И не мало благодати,
 И крупы, и сухарей,
 Принесла, и мы съ полатей
 Поднялись, не вѣря ей...
 Чудеса!.. Пока Іуда
 Тѣшилъ душу торгаша,
 Къ намъ пришла, Богъ вѣсть откуда,
 Безкорыстная душа...

.....

* * *

Послѣ зимы и разлива весенняго—лѣто,
 Послѣ цвѣтовъ, послѣ свѣжихъ плодовъ—увяданье,
 Послѣ ночной темноты—золотой часъ разсвѣта,
 Послѣ безпечно-веселыхъ ночей—ночь страданья...
 Послѣ покоя душевнаго—бури и грозы,
 Или томящіе дни безъ надежды и ласки,
 Послѣ паденья—раскаянья позднія слезы,
 Или—все то, что въ быломъ было сладко намъ,—сказки!..
 Послѣ великаго подвига—смятая сила,
 Послѣ горячаго проблеска вѣры—сомнѣнье,
 Послѣ напрасныхъ, послѣднихъ усилій—могила,
 «Вѣчная память» и—вѣчное въ мірѣ забвенье...
 Жить не легко... въ жизни вѣчно есть нѣчто грозящее,—
 Между прошедшимъ и будущимъ наше сознаніе
 Ловить лишь то, что бросаетъ намъ время летящее...
 Счастливъ, кто ищетъ спасенья отъ золь и страданія
 Въ лоѣ Того, Кто во вѣки-вѣковъ—Настоящее!..

ГОЛОСЪ ИЗЪ-ЗА МОГИЛЫ.

Пусть рано изъ твоихъ объятій я ушла,
 Пусть холодна моя могила...
 Любовь твоя ко мнѣ еще не умерла,
 И я тебя не разлюбила...

Живи я много лѣтъ,—и увидалъ бы ты,
 Какъ я старѣю, увядая...
 И рада, рада я, что для твоей мечты
 Сіяю—вѣчно-молодая...

Живи я много лѣтъ, въ сѣтяхъ суетъ и зла,
 Я-бъ стала пошла-современной...
 И рада, рада, что изъ глазъ твоихъ ушла
 Влюбленной, нѣжной, неизмѣнной...

Но—вѣдай, что моей нетлѣнной красоты,
 Въ чаду житейскихъ тревоженій,
 Въ измученной душѣ не сохранишь и ты
 Безъ слезъ по мнѣ и безъ моленій...

ПУСТЫЯ НОЖНЫ.

Иль никогда на голосъ мщенья
Поэтъ не вырветъ свой клинокъ.

М. Лермонтовъ.

Безъ лезвія, ножны пустыя —
Кому вы нужны?.. Кто, простясь
Съ родной семьей въ минуты злыя,
Идя на битву, вспомнить васъ?..
Неумолимаго бинжала
Ножны — гдѣ ваша рукоять?
Гдѣ вашъ клинокъ — стальное жало?..
Быть-можетъ, и на нихъ лежала
Востока стараго печать?

Въ какую грудь, до крови жадный,
Вшился клинокъ вашъ беспощадный?
А вы—ножны?.. Какой герой
Съ ремня убитаго героя

Отрѣзалъ васъ на мѣстѣ бол
 И палъ отъ пули роковой?
 Съ какихъ племенъ собирая дани,
 Гордились вы своимъ клинкомъ?
 Чья власть велѣла васъ кругомъ
 Убрать каменьями безъ грани
 И золоченымъ серебромъ?
 Теперь никто ужъ изъ-подъ злата
 Не вырветъ вашего бѣлата
 На мечь и злую гибель: — онъ,
 Слуга любого супостата,
 Навѣки съ вами разлученъ.
 Блестите же своей оправой,
 Когда-то страшныя ножны!
 Я радъ, что вы осуждены
 Быть антикварія забавой,
 Изъ украшеніемъ стѣны.
 Гдѣ та насѣчка золотая,
 Тотъ стихъ Корана, чтò, внушал
 Слѣпую вѣру въ дѣву рая,
 Завоевалъ себѣ Востокъ?—
 Ножны—вы пусты...

Но не нуженъ

Поэту мстительный клинокъ!
 Пусть льется кровь,—онъ безоруженъ

Молчить, иль бредить, какъ пророкъ, —
Быть-можетъ, бредить поневоля—
Отъ старыхъ ранъ, отъ новой боли,
Отъ непосильной намъ борьбы,
Отъ горя, отъ негодованья,
Отъ безнадежнаго исканья
Иной спасительной судьбы...

ПОДСЛУШАННЫЯ ДУМЫ.

Зло, добро,—все такъ перемѣшалось,
 Что и зло мнѣ зломъ ужъ не казалось,
 И въ добрѣ не видѣлъ я добра...
 Проходили дни и вечера,—
 Вечера и ночи проходили,
 И хоть мысли все еще бродили,
 Озаря жизни темный путь, —
 Ни на чемъ не могъ я отдохнуть.

Вспоминалъ я бѣдной няни сказки,
 Теплый трепеть материнской ласки,
 Идеалы, созданные мной
 Въ годы жизни знойно-молодой, —
 Тщетно! — Сожалѣньемъ запоздалымъ
 Не вернуть намъ жизнь къ ея началамъ.
 И къ чему!.. Великодушный бредъ
 Никого еще не спасъ отъ золь и бѣдъ.

Я-ль одинъ ищу самозабвенья,
 Въ роскоши, въ истомѣ наслажденья,
 Въ шопотъ измѣженныхъ рѣчей,
 Въ ропотъ измѣчивыхъ страстей,
 Въ клеветѣ, въ отравѣ лицемѣрья, —
 И,—благословляя легковѣрье,
 Я-ль одинъ, измять и одинокъ,
 Издали люблюсь на порокъ?

Чудный вѣкъ! Всему рукоплесканья,—
 И фигляру, и пѣвцу страданья,
 И властолюбивымъ крикунамъ,
 И за призы кровнымъ скакунамъ,
 Миру, и—побѣдному трофею,
 И за жестъ фанатику злодѣю,
 И тому, кто, соблюдя законъ,
 Незаконно нажилъ миллионъ!

Какъ заманчиво и какъ отважно
 Все, что пошло, лживо и продажно,
 Какъ похожъ на радужный обманъ
 Современной женщины романъ!
 И какъ модныхъ прихотей соблазны
 Стали тонки и разнообразны,

Разставляя тысячи сѣтей,
Уловля старцевъ и дѣтей.

Измельчавъ, изнывъ, я такъ несчастливъ,
Что ко всѣмъ и льстивъ и безучастливъ;
И такъ слѣпъ, подъ бременемъ долговъ,
Что совсѣмъ не вижу бѣдняковъ...—
Презирая нищихъ, вѣкъ нашъ прячетъ
Всякаго, кто немощенъ и плачетъ,
Чтобъ позоръ мнѣ близкой нищеты
Не дерзалъ смутить моей мечты.

И никто отвѣта не добьется,
Отчего такъ трудно всѣмъ живется
Посреди разнuzданныхъ стихій,—
Гнѣвныхъ партій, черни и витій. .
Ихъ давно невѣрье не пугаетъ,
Вѣра ихъ давно не умиляетъ:
«Мало ли чему училъ Христось!?»—
Это ли не мракъ и не хаосъ?..

Боже! Чтò коли надъ нами снова
Пронесется творческое слово!?

. . . . .

ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Одинъ проснулся я и—вслушиваюсь чутко,
Кругомъ бездонный мракъ и—нѣтъ нигдѣ огня.
И сердце, слышу я, стучить въ виски... мнѣ жутко...
Что если я ослѣпъ! Ни зги не вижу я,
Ни оконъ, ни стѣны, ни самого себя.
И вдругъ, сквозь этотъ мракъ глупой и безотвѣтной,
Тамъ, гдѣ гардинами завѣшено окно,
Съ усильемъ разглядѣлъ я мутное пятно,
Ночнаго неба свѣтъ полоской чуть замѣтной.
И этой малости довольно чтобъ понять,
Что я еще не слѣпъ, и что во мракѣ этомъ,
Всѣ, всѣ пророчески полно холоднымъ свѣтомъ,
Чтобъ утра теплаго могли мы ожидать!

ВЪ САДУ.

Мы празднуемъ въ саду прощальный нашъ досугъ,
Прощай!..—пью за твое здоровье, милый другъ!..
И солнцу, что на все наводитъ зной, не жарко,
И льду не холодно, и есть пышный кустъ
Своихъ не знаетъ розъ, и—даже эта чарка
Не знаетъ, чьихъ она касалась жаркихъ усть...
И блескъ, и шорохи, и это колыханье
Деревьевъ—все полно блаженнаго незнанья;
А мы осуждены отпраздновать страданье,
И холодъ сознаемъ и пламенный недугъ...
Прощай!..—пью за твое здоровье, милый другъ!..

СЪРЫЕ ГОДЫ.

Всѣ эти годы сѣрые,
День-нзо-дня,
Влачилъ почти безъ вѣры я
Въ сны бытія.
Не такъ и жить хотѣлось мнѣ,
Какъ мнѣ жилось,
И ужъ давно не пѣлось мнѣ
Безъ прежнихъ грѣзь.
И все, чѣмъ сердце грѣлося,
Чтя красоту,
Въ мишурный блескъ одѣлося
И въ суету.
И суета наскучила,
И отошло
Все, что когда-то мучило,—
И обожгло...
Одинъ лишь крикъ подавленный

Оставил слѣд
Недугами отравленный
На склонѣ лѣтъ.
Лишь смерть, свой вѣчный ликъ тая
Пока я жилъ,
Подслушаетъ все то, что я
Въ груди тайлъ.
Разбудить—безотвѣтнаго
На ужасъ сновъ.
И со всего завѣтнаго
Сорветъ покровъ...

ВЪ НОВОМЪ ДОМЪ.

Изъ храма, гдѣ обрядъ вѣнчальный
 Связалъ ихъ жребій и сердца,
 Въ свой новый домъ съ зеркальной спальней
 Онъ везъ ее изъ-подъ вѣнца.

И колыhalася карета; —
 И жутко было имъ вдвоемъ, —
 Ей — въ красотѣ полурасцвѣта,
 Ему — съ поблекнувшимъ лицомъ.

Не зимній холодъ, — желтый глянecъ
 Ей непривычнаго кольца
 Сгонялъ плѣнительный румянецъ
 Съ ея поникшаго лица...

И колыhalася карета;
 И, даръ обычной суеты, —
 Оранжевойнаго букета
 Съ ней дрогли пышные цвѣты. —

— Мечты, — куда вы улетѣли!
 Злой духъ ей на ухо шепталъ...
 Колеса по снѣгу скрипѣли, —
 И вѣтеръ слѣдъ ихъ заметалъ.

Метель не даромъ разыгралась,
 Не даромъ меркли фонари:
 Онъ ласки ждалъ, — она боялась
 Дожить до утренней зари.

И какъ надежда, какъ свобода
 Отъ позолоченныхъ цѣпей,
 Какъ смерть, — предчувствіе развода
 Таилось на сердцѣ у ней...

А. Ф. МАРКСУ.

Въ день 25-ти-лѣтняго юбилея журнала «Нива».

О! не даромъ мнѣ на вашей
 Пышной Нивѣ въ дни весны
 Появлялся свѣтлый обликъ
 Озабоченной жены.

По была ли то Церера,
 Или просто идеаль
 Милой женщины, —признаться,
 Я ужь слѣпъ немного сталъ. —

Съ легкокрылыми мечтами
 Выше всѣхъ земныхъ суэтъ:—
 Смертныхъ часто съ божествами
 Я мѣшаю, —какъ поэтъ,

Мнятся мнѣ сама Церера
 Къ намъ на сѣверъ снизошла
 И на радость бѣднымъ людямъ
 Нива злачная возшла!

РЕБЕНКУ.

(НА ЕГО ВОПРОСЪ, ОТКУДА ЗВѢЗДЫ?)

Хоть ночь и теплая, а все-жъ, давнымъ-давно
 Набѣгались порядочныя дѣти,—
 Легли и спать; а ты въ открытое окно
 Глядишь и хочешь знать: откуда звѣзды эти...
 Откуда?!. О, дитя! (Такого и на свѣтѣ
 Нѣтъ мудреца, чтобъ далъ на это мнѣ отвѣтъ...)
 Объ астрономіи слыхаль ты или нѣтъ?
 Или не дочель еще и азбуки печатной?..
 Какъ вижу, милый мой, ученый ты не знатный!..
 Что-жъ дѣлать мнѣ съ тобой?.. Неужели молчать?..
 Постой!.. Попробую тебѣ я разсказать
 Одно восточное преданье,—
 Авось оно тебѣ послужитъ въ назиданье
 И сразу разрѣшитъ мудреный твой вопросъ.
 И такъ... вотъ видишь ли въ чемъ дѣло...
 Давнымъ-давно, когда безъ насъ все зеленѣло,

И папоротникъ былъ не ниже тѣхъ березъ,
 Чтò видѣлъ ты въ саду, — такъ высоко онъ росъ, —
 Ну, словомъ, такъ давно, что людямъ и не снилось, —
 Звѣздъ вовсе не было...

Разъ, солнце закатилось,
 И вдругъ, по всей землѣ настала темнота, —
 Такая темнота, что инда зги не видно, —
 Не видно ни лѣсовъ дремучихъ, ни куста,
 Ни скалъ надъ озеромъ...

И вотъ, (хоть плакать стыдно),
 Цвѣты заплакали... — куда дѣвался свѣтъ?..
 Нигдѣ ни искорки, — луны и слѣду нѣтъ...
 Все темно: — лопуха не отличишь отъ розы, —
 Крапивы отъ лилей... И вотъ, роняя слезы,
 Цвѣты взмолились: Господи! внемли
 Моленю нашему: на то-ль мы расцвѣли,
 Чтòбъ насъ и мотыльки не видѣли... Затепли
 Лампаду... Посвѣти намъ, Боже, съ высоты!..
 Немного погоды несчастные цвѣты
 Вообразили, что ослѣпли,
 И были въ ужасѣ отъ мнимой слѣпоты...
 И что же... Въ эту ночь, ужъ я не знаю
 Зачѣмъ и почему, но по земному краю
 Посланникъ Господа, Архангелъ пролеталъ
 И горькѣй плачъ цвѣтовъ во мракѣ услышалъ.

О, какъ, подумалъ онъ, безпомощны и жалки
 Всѣ эти ландыши, и астры, и фіалки,

И эти васильки, и эти куппы розъ!..

И словно ладономъ, дыша благоуханьемъ,
 Великимъ онъ въ ту ночь проникся состраданьемъ,
 И слезы всѣхъ цвѣтовъ, — о! много, много слезъ, —
 Крылами легкими колебля тьму ночную,

Онъ собралъ въ чашу золотую,

И эту чашу на небо унесъ

И подалъ Господу...

И вотъ, чтобы о свѣтѣ

Въ ночную темь цвѣты не плакали, какъ дѣти,

Онъ брызнулъ по небу изъ чаши золотой

Во всѣ концы небеснаго пространства...

Блестящихъ капель разлетѣлся рой

И превратился въ звѣздное убранство...

Ну, понялъ ли ты, милый мой,

Откуда звѣзды?.. Понялъ... Ну, и ладно, —

Начнешь учиться, вырастешь большой,

Самъ будешь понимать, что складно, что нескладно, —

Теперь же, спать пора, — прощай, и Богъ съ тобой.

ВЫЖАТЫЕ ЛИМОНЫ.

На дворѣ зима лихая...
 Солнце красное взошло
 И, то щурясь, то мигая,
 Смотрить въ мерзлое стекло.
 Въ ночь цвѣты полярной флоры
 Разрослись на томъ стеклѣ;
 Рдѣютъ бѣлые узоры,
 Уловляя въ сѣрой мглѣ
 Пурпуръ солнца, блескъ лучистый,
 Розовато-золотистый...

Въ томъ же розовомъ огнѣ,
 Въ полосѣ луча и пыли,
 Золотились на окнѣ
 Два лимона: ихъ забыли —
 И не выкинули ихъ...
 Два лимона, — какъ два брата, —

Оба выжаты, — и смята
 Ихъ краса была, и въ нихъ
 Говорило горе... Мнилось,
 Кто-то молча слушалъ ихъ...
 Близко чье-то сердце билось.

Съ дѣтства мыслящій старикъ,
 Тоже смятый, онъ не даромъ
 Оглянулся — и поникъ
 У стола, за самоваромъ.
 Самоваръ его потухъ,
 Но еще таилась сила, —
 Паръ таился въ немъ, — и вдругъ
 Мѣдь его заголосила,
 Тихо стала пѣть и ныть...
 Вслѣдъ за ней и два лимона
 Тоже стали голосить:

«Въ вертоградахъ Лиссабона,
 «Дѣти марта и весны,
 «Были мы не для Мамона,
 «А для солнца рождены.
 «Помнишь, какъ благоухали
 «Наши бѣлые цвѣты

«Въ тѣ часы, какъ намъ мигала
 «Божьи звѣзды съ высоты?..
 «И какіе сны намъ снились
 «Въ дни, когда мы золотились
 «На припекѣ, — въ дни, когда
 «Все вокругъ насъ, какъ бы дремало
 «Или мѣло, — лишь журчала
 «Гдѣ-то въ жолобѣ вода!..
 «Что же сдѣлали вы съ нами,
 «Люди злые, безъ души! —
 «Насъ нечистыми руками
 «Обобрали торгаши.
 «И теперь въ какой трущобѣ
 «Очутились мы! Куда
 «Насъ умчала въ дикой злобѣ
 «Намъ враждебная среда!
 «Выжимають сокъ нашъ, — нашу
 «Кровь — въ дымящуюся чашу...
 «Ахъ, какъ грустно самоваръ,
 «Потухая, напѣваетъ!..
 «Ужъ не онъ ли превращаетъ
 «Простывающій свой паръ,
 «Осѣдающій на окна, —
 «Въ серебристыя волокна,
 «Въ видѣ листьевъ и цвѣтовъ,

«Въ видѣ блѣдныхъ привидѣній
 «Намъ невѣдомыхъ растений,
 «Отъ которыхъ жутко намъ,
 «Свѣтлой родины сынамъ?
 «Кто вернетъ намъ сѣнь душистыхъ
 «Лавровъ, или зной лучистыхъ
 «Нашихъ дней? Ужели нѣтъ,—
 «Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ — закона,
 «Чтобъ два выжатыхъ лимона
 «Воротить на вольный свѣтъ!?»

Солнце, — то же, что и лѣтомъ, —
 То же солнце, чье тепло
 Миртъ и лавры вознесло, —
 Ни привѣтомъ, ни отвѣтомъ
 Не могло служить имъ; — нѣтъ,
 Солнца пурпурный разсвѣтъ
 Въ этотъ мигъ холоднымъ свѣтомъ
 Озарялъ немало бѣдъ.
 И цвѣты полярной флоры, —
 Эти бѣлые узоры,
 Тѣ, что имъ озарены
 Такъ роскошно, такъ привѣтно, —
 Будутъ имъ же незамѣтно
 Навсегда унесены...

— Вотъ что нужно пустозвонамъ!
 Молвилъ мой старикъ, — пора
 Мнѣ и выжатымъ лимонамъ —
 Въ смерти ждать себѣ добра,
 Или ластиться къ внучатамъ...
 Духъ ни выжатымъ, ни смятымъ
 Быть не можетъ... Какъ лучей
 Буря силою своей
 Пошатнуть никакъ не можетъ, —
 Такъ и вѣры не встревожить
 Суета...

И мой старикъ
 Головой опять поникъ:
 Опъ считалъ себя измятымъ
 Жизнью, — значить, виноватымъ...
 И затѣмъ, какъ бы сквозь сонъ,
 Бормоталъ онъ: «Боже правый!
 «Денегъ жаждетъ мѣръ лукавый,
 «Глупый гонится за славой,
 «Ропщеть выжатый лимонъ!»

Произведения 50-хъ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Больной писатель.

Кузнечикъ музыкантъ.

Ночь въ Лѣтнемъ саду.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Свѣжее преданіе.

У сатаны.

Больной писатель.

(сороковых годов).

СЦЕНА I.

Бѣдно убранныя комната въ четвертомъ этажѣ. На столѣ, даже на стульяхъ — книги, журналы, рукописи и корректурныя листы. — На шкафѣ гипсовый бюстъ Шекспира. — На стѣнахъ портреты Гоголя, Гумбольдта и другихъ современныхъ писателей. На диванѣ — писатель, прикрытый стеганымъ поношеннымъ халатомъ. — Голова его покоится на подушкахъ. На изнуренномъ, блѣдномъ лицѣ его печать чохотки. — Подлѣ дивана столикъ, — на немъ бумага, карандаши, чернильница, подсвѣчникъ съ догорѣвшимъ огаркомъ, недокуренная сигара, стаканъ съ питьемъ и столовая ложка.

Вечеръ.

Писатель.

Охъ, этотъ докторъ! онъ невыносимъ, —
Не вѣрить медицинѣ, — а рецепты
Строчить умѣть. Этакую дрянь
Я долженъ принимать!

(Жена подноситъ ему лекарство.)

Фп! — Если-бъ я

Не вѣрилъ въ силу разума, — какой бы
Я былъ писатель?

Жена.

За лѣкарствомъ

Опять сегодня надо посылать...

Писатель.

Пошли.

Жена (*помолчавъ*).

Ну... да — пошлю...

Писатель (*помолчавъ*).

А сколько денегъ

У насъ осталось?..

Жена.

Два рубля... да мѣди

Копѣекъ съ двадцать...

Писатель.

Хорошо. А, впрочемъ,

Сегодня за лѣкарствомъ ты, мой другъ,

Не посылай... не нужно. Завтра этотъ жидъ

Авось пришлетъ мнѣ денегъ...

Жена.

Кто? редакторъ?

Держи карманъ!

Писатель.

Я не батракъ его,

Чтобъ такъ работать! — онъ жалѣетъ мнѣ

Прибавить сотню, а мое перо
 Ему даетъ десятки тысячъ...—вздорь!
 Я не могу такъ жить, — сама ты видишь,
 Какъ я работаю!

Жена.

Какъ мнѣ не видѣть!
 Ты день и ночь, какъ каторжникъ, пера
 Не выпускаешь. Чтò за жизнь! Да если-бъ
 Ты столяромъ былъ, — больше-бъ заработалъ.
 Иной сапожникъ выручаетъ больше.

Писатель.

Ну, нѣтъ, сапожникъ выручаетъ меньше.

Жена.

Давно ли получилъ ты деньги, и
 Всего осталось два рубля! Ну, чтò
 Я стану съ ними дѣлать? Два рубля...
 Тогда какъ на одни лѣкарства надо...
 Ахъ! Если-бъ знала я, чтò значитъ быть
 Писателемъ, да ни за что-бъ на свѣтъ
 Я не пошла бы замужъ за тебя.

Писатель.

Какъ жаль, что мы не можемъ развѣнчаться!
 . (Задумывается.)

Къ чему раскаянье, когда оно
 Грѣха не выкупаеть! Оба мы

Съ тобою согрѣшили, другъ мой, — я
 Твоей любви повѣрилъ, ты—моей;
 Пришла нужда — и тайно отравила
 Святѣйшее изъ чувствъ.

Жена.

Не говори
 Съ такою горечью! Досадно слушать!
 Неужели тебя я не люблю?
 Но развѣ весело мнѣ видѣть мужа,
 Который цѣлый день, едва дыша,
 Работаетъ напрасно...

Писатель.

Можетъ быть,
 И не напрасно, — молодежь читаетъ
 Мои статьи.

Жена.

Когда ты пишешь,
 Ты забываешь все и всѣхъ на свѣтѣ
 И для тебя жены не существуетъ.
 Ребенокъ плачетъ — ты не слышишь,
 Сто разъ зовутъ обѣдать — ты не слышишь,
 И лихорадочнымъ огнемъ горитъ
 Твое лицо, когда на время ты

Свою проклятую работу покидаешь.
 Неужели я не должна страдать!

Писатель.

Но, милая, за что же?

Въ тѣ минуты,

Когда я глухъ и слѣпъ для всякихъ вздоровъ, —

Я счастливъ, потому что глухъ и слѣпъ,

(Глухъ — отъ того, что много слышу,

Слѣпъ — отъ того, что много вижу).

Я даже забываю боль въ груди,

Когда мое перо здоровьемъ дышитъ

И возвышаетъ голосъ, сильный, смѣлый,

Ни передъ кѣмъ не умолкающій...

(Кашляетъ.)

Ты этого не понимаешь — и

Поэтому любить меня не можешь.

Жена.

О, Боже мой! Какой ты человекъ!

Да кто-жъ тебя и любить, какъ не я?

Кто обо всемъ хлопочетъ? Вотъ награда!

Писатель.

Самозабвеніе въ трудѣ — одна отрада

Въ моей постылой жизни, — благодать,

Которая меня поддерживаетъ, — сила,

Которая сгубила жизнь мою,
 Но до конца не измѣнила.
 Такъ буду мыслить я, стремиться и писать.
 Кто на мое самозабвенье ропщеть,
 Тотъ лучшее, что есть въ моей душѣ,
 Терзаетъ, мучить, душить, топчетъ...
(Бросается ничкомъ въ подушки и закрываетъ лицо.)

СЦЕНА II.

(Входитъ Дарданельскій).

Писатель.

Ну, какъ дѣла?

Дарданельскій.

Да что, братецъ, записку
Твою отнесъ.

Писатель.

Самъ отдалъ?

Дарданельскій.

Своеручно.

Прочелъ онъ,—рожу скорчалъ,—поворчалъ.
 Я знаю, говорить, что деньги нужны...
 Кому-жъ онъ не нужны?! Хочетъ денег!

Да кто же ихъ не хочетъ? Я хочу-сь,
И вы хотите, и лакей мой хочетъ,—
И всѣ хотятъ.

Писатель.

Ну, что же ты на это?

Дарданельскій.

Да я не вытерпѣлъ, сказалъ ему
Всю правду.

Писатель.

Ну, ты врешь, на это
Тебя не хватить, чтобъ сказать ему
Всю правду.

Дарданельскій.

Право слово! Э! да что мнѣ!
Какъ будто я кого-нибудь боюсь!

Писатель.

Такъ что же ты ему сказалъ?

Дарданельскій.

Сказалъ:

Послушайте, побойтесь Бога!

Писатель.

Экой шутъ!

Чѣмъ выдумалъ пугать его... «побойтесь!»

Ну, что-жь, онъ испугался.—А?.. «побойтесь!»

Ужъ лучше бы меня ты не смѣшплъ.
Ну, что же дальше?

Дарданельскій.

Развѣ, говорю,
Онъ дюжинный сотрудникъ? Вы другого
Такого, говорю, и съ фонаремъ
Не скоро обрѣтете. Вѣдь на васъ
Онъ точно воля работаетъ. Ей-Богу!
Такъ какъ же вамъ его не обезпечить!
Съ другими, говорю я, поступайте,
Какъ Богъ пошлетъ вамъ на душу. Со мной
Вамъ также церемониться не нужно;
Я буду радъ и десяти рублямъ,
Я какъ-нибудь съ дѣлишками своими
Слѣмъю справиться; а онъ вѣдь боленъ,—
Чуть дышитъ; у него жена, ребенокъ;
Квартира неудобная—сырая,
Дровъ ни полѣна.

Писатель.

Чортъ!.. Да кто тебя
Просилъ такія пѣть іереміады
И въ нищѣ записывать меня!..
Я развѣ попрошайка! развѣ я
Изъ милости, иль ради состраданья

Выпрашиваю деньги! И ему
 Какое дѣло знать, какъ я живу
 И есть ли у меня дрова, и есть ли свѣчи,
 Въ подвалѣ я, или на чердакѣ?
 Иль по паркету шаркаю ногами
 Въ персидскихъ туфляхъ?—что ему за дѣло!
 Я не разжалобить хочу его,—хочу,
 Чтобъ онъ платилъ мнѣ за мои труды,—
 За кровные труды мои,—хочу,
 Чтобъ жизнь моя не пропадала даромъ
 Ни для другихъ, ни для меня..
 Чтобъ могъ я...
(Задыхается отъ волненія и кашля.)

Жена.

Не горячись, мой другъ...

Дарданельскій *(жалобно)*.

Помилуй, братецъ!

Я для тебя-жъ старался.

Писатель.

Кто просилъ

Тебя стараться?

Жена *(Дарданельскому)*.

Ну, а сколько-жъ съ вами

Прислалъ онъ...

Дарданельскій *(полушопотомъ)*:

Да покуда ни копѣйки!

Жена.

О, Боже мой! какое наказанье!

Писатель.

А ты ему скажи... скажи ему,

Если увидишь, что... что я ни строчки,

Ни полстроки не помѣщу въ журналѣ...

Что духа моего не будетъ пахнуть

Въ его журналѣ!..

(Слышенъ звонокъ.)

Кто тамъ!—не пускать.

Скажите, что я боленъ—никого

Не принимаю...

Жена.

Мальчикъ за статьей

Пришелъ изъ типографіи.

Мальчикъ *(въ дверяхъ)*.

Велѣли

Взять продолженье.

Писатель.

Продолженье! Гм!..

А если я не дамъ вамъ продолженья?

(Задумывается.)

Есть корректура?

Мальчикъ.

Есть.

Писатель.

Давай сюда!

Скажи, чтобъ за концомъ прислали къ ночи;

Быть можетъ, къ ночи я поправлюсь.

Ну, что стопшы!

(Мальчикъ уходитъ)

Жена *(шопотомъ Дарданельскому)*.

Уговорите мужа

Сегодня не работать... Поглядите,

На чтò похожъ онъ... бѣдный!

(Уходитъ).

Писатель *(прѣбжавши корректурные листы)*.

Боже мой!

Своей статья не узнаю въ печати!

(Падаетъ въ изнеможении на подушки и закрываетъ глаза.)

Жена *(возвращаясь)*.

Вотъ и лѣкарство.

Писатель *(очнувшись)*.

Это для чего?

Просилъ тебя я деньги поберечь;

Дай лучше мнѣ стаканъ лафиту,

У насъ осталось полбутылки, ты
 Поставила его на холодъ за́ дверь,—
 Надѣюсь, что не скислось?.. ты его
 Немножко подогрѣй,—потомъ подай.
 Вино мои возстановляетъ силы.
 Сначала бросить въ жаръ, потомъ—какъ будто
 Жизнь заиграетъ... и тогда, быть можетъ,
 Я буду въ силахъ...

Дарданельскій.

Знаешь что, пріятель,—
 Пока ты кашляешь... позволь мнѣ дать
 Тебѣ совѣтъ полезный...

Писатель.

Ну, совѣтуй,—
 Не церемонься...

Дарданельскій.

Ты вина не пей,
 Не пей, братецъ!

Писатель.

Эхъ, Дарданельскій,—ты
 Напомнилъ мнѣ хорошій анекдотецъ.

Дарданельскій.

Какой же это?

Писатель.

Старый анекдотец!

Тебѣ я расскажу его,—ты можешь
Свой фельетонъ подкрасить имъ, авось,
Его помилуетъ цензура!.. впрочемъ,
Не полагайся,—если Фрейгангъ будетъ
Цензоровать, то вычеркнетъ навѣрно.

Дарданельскій.

За что-жъ онъ вычеркнетъ?

Писатель.

Какъ разъ смекнетъ,
Что пахнетъ правдой,—правды онъ боится.

Дарданельскій.

Да онъ и выдумки боится.

Писатель.

— Если въ ней

Какой-нибудь есть смыслъ, то онъ боится
И выдумки.

Дарданельскій.

Да онъ во всемъ,— во всемъ,
Какую ты ни напиши нелѣпость,
Находить смыслъ. — Ну, хочешь, напишу,
Что въ Лѣтній садъ сорока прилетѣла
И уронила изъ носу кольцо,

И что сіе кольцо вдругъ очутилось
 На пальцѣ у какой-нибудь статуи,
 Ну, хоть Венеры, — думаешь, пропустить?!
 Да ни за что на свѣтъ! — «Понимаю,
 «Э! понимаю, что вы этимъ
 «Сказать хотѣли! скажете, — понимаю-сь!
 «Не проведете старика, не проведете!»
 И зачеркнетъ — ей-Богу! Но... (не смѣйся,
 Опять закашлишься...) что я такое
 Тебѣ напомнилъ? — Иногда бываютъ
 Пріятныя воспоминанья.

Писатель.

Слушай.

Когда я былъ еще въ Москвѣ студентомъ,
 Я и тогда пописывалъ кой-что.
 Тамъ былъ одинъ журналъ, — покойный, царство
 Ему небесное! — Онъ бралъ охотно
 Мои статьи; я-жъ все тогда писалъ
 Въ народномъ духѣ — очерки, рассказы,
 Да путешествія въ окрестностяхъ Москвы,
 Отъ Кунцева до Воробьевыхъ горъ.
 Я-жъ былъ тогда горячій малый — глупый
 И недогадливый: питалъ ко всѣмъ
 Редакторамъ, писателямъ, пѣнтамъ

Особое благоговѣнье, — бредилъ
 Стихами — и уже мечталъ о славѣ.
 Однажды, растерявши всѣ свои
 Грошовые уроки, въ лѣтній мѣсяцъ,
 Я, братецъ, унивался самой гнусной
 И неприличной бѣдностью; голодный
 Ходилъ я по бульварамъ; изъ сапогъ
 Выглядывали пальцы, — точно такъ же
 Какъ у Наполеона перваго въ гробу,
 Открытомъ на скалѣ святой Елены.
 И какъ Наполеонъ, который жаждалъ
 Всѣмъ міромъ обладать, такъ точно
 Я жаждалъ обладать какой-нибудь
 Румяной, свѣже-испеченной сайкой.
 Ну, словомъ, — были дни, когда буквально
 Я голодалъ... Въ одинъ изъ оныхъ дней
 Вдругъ вспомнилъ я... — о, радость!.. вспомнилъ,
 Что мнѣ редакторъ, нѣкто Петръ Михайлычъ,
 Весьма почтенный мужъ, — не заплатилъ
 Ни гроша за мою статью. Оттиснуть —
 Оттиснулъ; но еще не заплатилъ...
 Ахъ, чортъ возьми! Да какъ же это? — Ну,
 Неужели мнѣ за мою работу
 Онъ не заплатитъ двадцати цѣлковыхъ? —
 Не можетъ быть.

Жена (*входя съ бутылкой лафита*).

А ты все говоришь, —
Все говоришь... Ну, хорошо ли это, —
Тебѣ запрещено.

Писатель (*не слушая жены*).

Ну, думаю, — теперь
Разбогатѣю — будетъ и калачь,
И мытая манишка, и куплю
Себѣ—(чѣмъ чортъ не шутить!) «*Арабески*» —
Разсказы Гоголя... Такъ, ухватившись
За эту мысль блаженную, не медля,
Направиль я стопы свои на дачу
Къ редактору. — Не замѣчаю, братецъ,
Что уже поздно — сумерки, — что скоро
Наступить ночь; лечу на крыльяхъ вѣтра.
Пришелъ — звоню, — выходить старушонка:—
«Кого вамъ надо?» — Дома Петръ Михайлычъ?
Его мнѣ нужно, — очень нужно видѣть. —
— «Вы кто такой?» — Студентъ. — «А, пойдите
«Его въ саду». — А какъ пройти мнѣ въ садъ?—
— «А черезъ дворъ». — Да тамъ собаки лаютъ. —
— «Ну, такъ ступайте, я васъ проведу
Черезъ террасу». — Помню, какъ пошелъ я
Изъ залы прямо черезъ кабинетъ:

На стульяхъ, на диванахъ, на окошкахъ
 И даже на полу валялись книги;
 Старинные стояли шкапы, на стѣнѣ
 Мелькаль булатъ,—должно быть панцырь древній,
 Или какой-нибудь, добытый съ рынка, щитъ.
 Изъ рамъ портретовъ предо мной мелькали
 Одни лишь пятна; комната была
 Озарена сіяніемъ луны,
 Но стѣны были въ сонномъ полумракѣ.
 Я помню, носъ мой слышалъ запахъ пыли:
 То былъ мышиный запахъ старины.
 Я проходилъ по комнатамъ, какъ будто
 По заколдованному замку. — «Проходите!»
 Старухи голосъ дребезжалъ за мной,
 — «Ступайте прямо, — а потомъ направо».
 Тутъ увидалъ я дверь, — гнилую раму
 Съ потускнувшими стеклами. Терраса
 Была подъ кровлей, — и сошелъ я въ садъ,
 И помню, ночь была такая
 Великолѣпная!.. и свѣтъ, и тѣни—
 Все было неподвижно, — тонкій запахъ
 Сосны сливался съ запахомъ цвѣтущихъ
 Душистыхъ липъ; надъ садомъ мѣсяцъ
 Такъ и сіялъ, — въ аллеяхъ было глухо...
 Я шелъ, шелъ, шелъ, — наткнулся на заборъ,

Поворотилъ налѣво — вижу прудъ, —
 Кругомъ идетъ дорожка; — около пруда
 Подъ кленами стоитъ скамейка. — Вижу,
 На той скамейкѣ темный человѣчекъ
 Сидитъ въ халатѣ (кажется, въ китайскомъ)
 И наслаждается природой. Робко
 Я подошелъ къ нему. Сидитъ и смотреть.
 Я шапку снялъ, — сидитъ, — я поклонился, —
 Онъ все сидитъ. Мнѣ, право, показалось,
 Должно быть съ голоду, что Петръ Михайлычъ --
 Не Петръ Михайлычъ, а какой-то магъ,
 Что если я заговорю съ нимъ, — повернувшись,
 Онъ превратится въ кактусъ или въ лейку.
 Не даромъ же я Гофмана читалъ
 И въ радужномъ чаду его фантазій
 Подозрѣвалъ глубокій смыслъ. Должно быть,
 И онъ вообразилъ, что если я не лѣшій,
 То — Ванька Каинъ. Поднялся съ скамейки
 Ученый мужъ, сложилъ крестообразно
 На грудь свои коротенькія руки
 И, явно струсивъ, словно отрыгнулъ:
 «Что вамъ угодно-съ?» Бойко, надрываясь
 Отъ внутренней какой-то боли, сталъ
 Я говорить ему — сталъ, наконецъ, чертить
 Предъ нимъ размашисто и не щадя

Суровыхъ, мрачныхъ красокъ всю картину
 Моей ужасной бѣдности. Невольно
 Я задыхался и махалъ руками.
 Я помню, какъ мои горѣли щеки,
 Я помню, какъ, понизивъ голосъ свой,
 Я сталъ просить его хоть что-нибудь
 Мнѣ заплатить за ту статью,
 Которой онъ заткнулъ такъ ловко
 Пробѣлъ въ своемъ изданьи. Я едва
 Переводилъ дыханье, — наконецъ,
 Сказалъ ему: — не милости отъ васъ
 Я требую, а платы за труды.
 Великій магъ захохотался. Подперъ
 Одной рукой свой мягкій подбородокъ
 И, выпятивши губу, произнесъ:
 — «Все это хорошо-съ. Но вмѣсто денегъ
 «Я вамъ намѣренъ отплатить совѣтомъ-съ».
 — Какимъ совѣтомъ? — «Какъ бы это вамъ
 «Сказать... того-съ...» — Я васъ не понимаю.
 — «Гм! Вы не понимаете?» — Не понимаю. —
 — «А мой совѣтъ — того-съ... вамъ пригодится
 «Гораздо больше, чѣмъ десятки, — что я —
 «Десятки! — сотни тысячъ». — Чтò-жъ такое?..
 — «Не пьянствуйте и не шатайтесь пьяный;
 «Пропьете умъ, пропьете саногы —

«И пропадете; пьянство васъ погубить.»
 — Помилуйте, я ничего не пью.
 — «Нѣтъ, пьете» говоритъ. — Ей-ей! не пью. —
 — «Нѣтъ, пьете» — Вы клевете. — «Чего-съ?..
 «Эхъ, юноша, примите вмѣсто денегъ
 «Благой совѣтъ мой и ступайте съ Богомъ.» —
 Такъ и ушелъ я, съ чѣмъ пришелъ,—безъ гроша.

Дарданельскій *(хохочетъ)*.

Ну, этого цензура не пропуститъ...

Писатель.

Вотъ я лафить... вели подать стаканъ.
 Тутъ, кажется, осталось ровно на два
 Стакана... Говорятъ, что у меня чахотка;
 Но если буду я отказывать себѣ
 Въ такомъ подогрѣвательномъ напитокѣ,
 Я прежде смерти—и душой, и тѣломъ
 Застыну... Этого я не хочу...

(Пьетъ.)

(Слышенъ звонокъ.)

Жена, отказывай...

Жена *(возвращаясь изъ передней)*.

Твои друзья,

Серезинъ и Иванинъ.

Писатель *(радостно)*.

Гдѣ они? —

Сюда, сюда! Вотъ, чортъ возьми, не ждаль!
Голубчики! Откуда Богъ принесъ?

СЦЕНА III.

(Входятъ Серезинъ и Иванинъ.)

Серезинъ.

Ты дома! боленъ?

Писатель.

Боленъ! пустяки, —

Я просто пьянствую.

Иванинъ.

И ты не знаешь!?

Ты ничего не знаешь?

Писатель.

Что такое? —

Вы, господа, смущаете меня.

Я васъ не узнаю: преобразились...

Сіяете... ужъ у меня дыханье

Въ груди спирается отъ ожиданья

Необычайнаго чего-то... Сердце бьется...

Ну... говорите, говорите...

Иванинъ.

Знай же:

Луи-Филиппъ бѣжалъ,— Парижъ стоитъ
 На баррикадахъ, Франція въ огнѣ!
 Республика, какъ фениксъ, возникаетъ
 Изъ пепла!!

Писатель (*приподнимаясь и дрожа.*)

Говорите, говорите...

Иванинъ.

— Министръ Гизо въ изгнаньи; Ламартинъ
 Уже гремитъ съ трибуны .. — Ежечасно
 Событія растутъ... Все шевелится,—
 А ты сидишь! — Не знаешь даже,
 Что на носу—переворотъ!! —

Писатель.

— Пе-ре-во-ротъ!

(*Падаетъ безъ чувствъ, блѣдный какъ полотно.*)

Жена (*поддерживая голову мужа,
 гостямъ.*)

Ахъ, господа! Уйдите, ради Бога,
 Вы, съ вашими проклятыми вѣстями!
 И такъ — на ниточкѣ держалась жизнь,

Пришли пугать!.. Сгѣшите, Дарданельскій,
 За докторомъ... — онъ, кажется, не дышитъ.
 О, Господи!.. Да что-жь это такое?

(Плечетъ.)

Иванинъ.

Первъ человечества — писатель — потрясенъ.

Срежинъ.

И этотъ нервъ не вынесъ потрясенья.
 Уйдемъ... Прощайте, Александра Львовна,—
 Мы виноваты, но давно мы не видались,
 Не знали, что онъ такъ надорванъ, бѣдный!

Кузнечикъ-музыкантъ.

ПѢСНЬ I.

Не сверчка нахала, что скринить у печекъ,
Я пою: герой мой—полевой кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый:
Тонконогий, тощій и широколобий,
Былъ онъ сущій геній—даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. Вѣтреное племя
Скакуновъ забыло, что въ поляхъ въ то время
Музыки и вкуса былъ онъ представитель.
Все, что нынче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лежа на кровати,
Или на балконъ свой выходитъ въ халатъ,—

Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
 Разлитой повсюду, я сухой, и нѣжный,—
 Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
 Есть живая нѣга и восторгъ, повѣрьте,—
 Это все былия, вѣчныя созданья
 Моего героя, или—подражанья.

Бѣдненькій кузнечикъ! позабыть твой геній!
 Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключеній,—
 Помню, ты недаромъ слылъ идеалистомъ:
 Сядешь ты, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
 Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломкѣ,
 Вѣтромъ сокрушенной,—(даромъ, что не ломки
 Гибкіе колосья, все же въ нивѣ шаткой
 Много ихъ подломить этотъ вѣтеръ гадкій),—
 Сядешь ты, бывало, и, во славу ночи,
 На своей скрипицѣ пилишь что есть мочп.
 И тебя дразнили пискуны пустыне,
 Комары-злюдѣи—трубачи степные,
 И въ тебя влюблялись божія коровки;
 И мутила зависть многія головки,
 Съ тѣмъ же, музыкальнымъ то-есть, направленьемъ,
 Съ тою же охотой, да не съ тѣмъ умѣньемъ.
 И грозилась мошка, съ помощью науки
 Умертвить тобою созданные звуки,

И тяжеловѣсный жукъ неоднократно
 Увѣрялъ, что уши смачивать приятно
 На твоихъ концертахъ, а не то-де уши,
 Какъ трава, завянуть отъ ужасной суши.
 Въ частной жизни также къ добренькимъ коровкамъ,
 Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ превеловкомъ
 Былъ ты положеньи: слушалъ ихъ призыванья,
 Робко избѣгая тайнаго свиданья.
 Но ничто однакожь не поколебало
 Твоего покоя; никакое жало
 Твоему таланту не казалось вреднымъ:
 Въ музыкальномъ мірѣ былъ ты всеобѣднымъ.
 Ты вполне блаженъ былъ,—но—пришла невзгода...

Слушайте! Однажды, въ половинѣ года,
 Въ самый жаръ, быть можетъ, въ самыя Петровки,
 Въ дни, когда на рынкахъ потныя торговки
 Продають малину, вишенье, клубнику...
 И, маша платками, часто не безъ крику,
 Съ мухами заводять изъ-за ягодъ ссоры;
 Въ дни, когда изъ праха созидаютъ горы
 Муравьи и роютъ скрытые тунели
 Подъ корнями дуба иль смолистой ели;
 Бабочка, танцуя, празнуетъ свободу;
 А пчела, съ клубочкомъ золотого меду,

Покидая липу, вся въ пыли цвѣточной,
 Такъ и льнетъ къ жасмину бѣлизны молочной;
 Шмель, бичуя воздухъ, знойный и душистый,
 И, кружась надъ моремъ нивы золотистой,
 Пропадаетъ въ блескъ солнца, какъ пылинка;
 Въ дни, когда для мошки каждая былинка
 Получаетъ сокъ, сладость и значенье,
 И она вкушаетъ тѣ же наслажденья,—
 Стало-быть въ Петровки, около полудня,
 Мой герой, кузничекъ, поваѣвшисъ студня,
 То-есть за обѣдомъ, начинивъ желудокъ,
 Вышелъ насладиться видомъ незабудокъ
 И, вдыхая запахъ алаго горошка,
 Легъ, прищуря глазки,—и мечталъ немножко.
 Много пролетало мимо насѣкомыхъ,—
 Осъ, шмелей сердитыхъ—трубачей знакомыхъ,—
 Съ разными вѣстями... Ни къ кому съ вопросомъ
 Онъ не обратился. Все, чтò передъ носомъ
 У него вертѣлось, ползало, жужжало —
 Было чуждо сердцу—и не занимало...
 Моему герою вѣрно бы вздремнулось,
 Какъ и вамъ, читатель, если-бъ не взгрустнулось.

32

Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣнье,
 Бабочка—такая, что мое почтенье!

Бѣлизны жемчужной крылышки съ каемкой,
 Глазки—изумруды, носикъ нѣжный, тонкій,
 Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ...
 Увидалъ кузнечикъ—затряслись въ немъ жилки..
 Бабочка все ниже и такъ близко вьется,
 Что невольно сердце у артиста бьется.
 Бабочка,—не знаю, видѣла-ль бѣдняжку
 Или не видала—только кушать кашку
 Съѣла—и, конечно, ничего не съѣла.
 «Ахъ!» она сказала: «если-бъ я умѣла
 Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный
 Всѣмъ артистъ-кузнечикъ!—Если бы небесный
 Голосъ я имѣла,—какъ бы я запѣла!
 О, какъ я бездарна, о, какъ я...»

— Напрасно...

Перебилъ кузнечикъ... (Онъ влюбился страстно
 Въ милую болтуню).

Бабочка украдкой

На него взглянула:

«Ахъ, какой онъ гадкій!»

Думаетъ... Однакожь, улыбнулась мило,
 Подняла свой носикъ и проговорила:
 «Отчего-жь напрасно?»

— Отчего!..—

Смѣшался

Мой артистъ, однако, рекомендовался.
 «Очень, очень рада!»—молвила кокетка,
 (Бабочки бываютъ безъ кокетства рѣдко),
 «Очень рада! очень! Звуки вашей скрипки
 Часто долетаютъ даже къ намъ подь Липки.»
 Покраснѣлъ кузнечикъ, началъ завираться,
 Умоляя гостью чаще съ нимъ видаться.
 Бабочка вспорхнула и, не давши слова
 Прилетѣтъ вторично, прилетѣла снова
 И заговорила:

«Даже въ свѣтѣ знаютъ,
 Что большой вы геній,—всѣ васъ изучаютъ...
 Только я къ вамъ съ просьбой: сдѣлайте такую
 Божескую милость,—напишите злую,
 Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
 Бабочку кокетку, что недавно въ сѣтку
 Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
 Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
 Эти братцы также пребольшіе фаты,—
 И воображаютъ, что они богаты!
 Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
 Музыку,—такую... самую смѣшную.»

Упорхнула гостыя,—а кузнечикъ бѣдный
 Такъ былъ озадаченъ, что, нѣмой и блѣдный,

Шель онъ, глядя въ землю, (такъ, видалъ я, въ воду
 Сунувшись, мальчишки ищутъ въ рѣчкѣ броду),
 Шель, повѣся носъ свой, чуть переступая
 Длинными ногами и соображая:
 Тыфу! Да какъ же это?—развѣ эпиграммы
 Можно класть на ноты? Ахъ, какъ глупы дамы!
 Шель онъ, шель, и бредилъ: то ему казалось,
 Что она хитрила и надъ нимъ смѣялась;
 То воображалъ онъ, что Сильфида эта
 Захотѣла только испытать поэта
 И ему такую задала задачу,
 Что хоть плачь!

— Однакожь, что-жъ я время трачу!

Думаетъ кузничикъ: развѣ не сумѣю
 Я въ смѣшномъ и жалкомъ—отразить идею.
 И съ такимъ рѣшеньемъ за работу смѣло
 Принялся онъ: мигомъ закинуло дѣло—
 И слова, и звуки.—Хоть и не бывалъ онъ
 Въ обществѣ Жоржъ-Занда,—вотъ чтѣ написалъ онъ:
 «Къ мальчику подъ сѣтку бабочка попалась,—
 «Краски полняли, крылышко помялось.
 «Если врагъ лукавый разставляетъ сѣти,
 «Кто въ нихъ попадаетъ?—попадаютъ дѣти.
 «Боже! отчего же за поступокъ дѣтскій

«Ихъ казнить такъ страшно судъ великосвѣтскій!»
Кончено! —

И началъ сочинять онъ ноты,
И усталъ онъ, бѣдный, отъ такой работы.
Но любовь всеильна! Оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ—и начать пиликать.

И народу куча собралась на пробу,
Даже жукъ навозный, начинивъ утробу
Всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
Уши отъ простуды затыкая ватой,
За толпой туда же пробрался сторонкой,—
Ничего на понялъ, но замѣтилъ тонкій
Хвостъ у музыканта, и бочкомъ ползлея
Разсказать сосѣдямъ, что-де онъ сошелся
Съ молодымъ маэстро, что-де онъ невзраченъ,
Что его фигурой былъ онъ озадаченъ...
Черная козявка, та, что бьетъ баклуши
И весь день вертится, наострила уши;
Божія коровка всѣхъ перепугала:
Отъ восторга ныла—ныла и упала
Въ обморокъ... Спасибо, муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ,—малый очень ловкой,
Даль ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
Онъ встрѣчалъ коровку у N. N. въ салонѣ,

Гдѣ онъ появлялся, насурмивши бровки,
 И, быть можетъ, радъ былъ услужить коровкѣ.
 Много было шуму: музыку хвалили,
 Музыку бранили, спорили, судили...
 Бабочки ночныя, въ сѣренькихъ бурнусахъ,
 Въ бѣлыхъ пелеринкахъ и въ гранатныхъ бусахъ,—
 Просто поблѣднѣли отъ негодованья,
 Раскусивши новой пѣсни содержанье.
 Но въ тотъ день герой мой такъ ужъ былъ разсѣянъ,
 Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ былъ осмѣянъ.

ПѢСНЬ II.

Эось поднимала алыми перстами
 Темныя покровы ночи,—и мѣстами
 Въ небѣ загорались огненныя пятна.
 Жизнь, полупроснувшись, слабо и невнятно
 Бормотала въ роцѣ, бормотала въ полѣ.
 Поцѣлуй сливался съ ропотомъ неволи
 Всюду, гдѣ лишь только брачныя оковы
 Гименея были ржавы и не новы.
 Поцѣлуй былъ звонче, ропотъ былъ пѣжигѣ—
 Тамъ, гдѣ эти цѣпи были поновѣе.
 Лишь одинъ герой мой этой сладкой муки

Не вкушалъ и, вѣрно, умеръ бы со скуки...
 Рано онъ проснулся;—но не до зѣвоты
 Было музыканту: нужно было ноты
 На листочкахъ розы написать, какъ можно
 Лучше, тоньше, чище... Тихо, осторожно
 Перышкомъ водилъ онъ... Сочинилъ виньетку,
 Гдѣ изобразилъ онъ миртовую вѣтку,—
 Миртовую вѣтку, а надъ ней съ крылами
 Огненное сердце, съ надписью стихами:
 «Я неуловима; но не унывайте!
 «Обожгитесь прежде, а потомъ поймайте!»
 Даровитый малый былъ артистъ мой; мило
 Сочинилъ онъ эти два стиха, въ нихъ было
 Столько такта, столько нѣжности игривой,
 Что въ нашъ вѣкъ холодный и самолюбивый
 Ни одинъ кузнечикъ не найдетъ въ нихъ смысла
 И, быть можетъ, даже улыбнется кисло.

Для кого-жъ на этихъ розовыхъ листочкахъ
 Мой герой всю душу въ линияхъ и точкахъ
 Выражаетъ, сердцемъ страстно пламенья?—
 Для тебя, Сильфида, праздничная фея,
 Цвѣтниковъ роскошныхъ милая жилища!
 Но откликнись, гдѣ ты? гдѣ твоя свѣтлица?
 Спишь ли ты? Быть можетъ, всякія обновки

Богъ Морфей готовить для твоей головки,—
 Для Морфея нѣтъ вѣдь никакихъ таможенъ,—
 Для твоей головки всякій сонъ возможенъ,—
 Глупая головка!

Солнце поднимаетъ

Изъ-за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ
 Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой.
 По ржаному полю утренничекъ тихій,
 Вѣтерокъ, гуляя, росу отрясаетъ,
 Быть дождю иль ведру—по росѣ гадаеть,
 И шуршитъ соломой, словно безпокоясь,
 И ему колосья кланяются въ поясъ;
 А лопухъ, высоко поднимая шишку
 Съ вѣнникомъ, изъ листьевъ сдѣлалъ точно крышку,
 Такъ расположилъ ихъ, что подъ ихъ навѣсомъ
 Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ.
 Въ сей харчевнѣ много всякихъ насѣкомыхъ;
 Но, на это время—никого знакомыхъ.
 Вотъ сидитъ кузнечикъ, но не нашъ кузнечикъ,
 А другой,—и курить, точно человѣчекъ.
 Съ нашимъ музыкантомъ онъ одной породы,
 И скрипачъ, быть можетъ, но не любитъ моды...
 Лапками на шею повязалъ тряпицу,
 Въ зубы взялъ сигару, да и корчитъ птицу.

Клошика заставить заплатить за водку,
 Напоить козявку, осмѣять коровку,
 Муху одурачить, паука спровадить,
 И при всемъ при этомъ съ цѣлымъ міромъ ладить—
 Былъ онъ мастерище. Страстно обожалъ онъ
 Нашего артиста, рѣдко покидалъ онъ
 Друга, даже пьяный, передъ цѣлымъ свѣтомъ
 Защищалъ—и часто надѣлялъ совѣтомъ,
 Ибо, хоть и рѣдко бралъ онъ книги въ руки,
 Зналъ онъ «Твердо», «Слово» и не вѣрилъ въ «Буки».
 Подъ лопухъ въ харчевню рано онъ забился,
 Потому что утромъ не шутя бранился:
 Больно было другу,—больно и досадно,
 Глядя на артиста, видѣть, какъ нескладно
 Онъ проводитъ время, вѣчно задыхаясь
 Отъ бесплодной страсти и ни въ чемъ не каясь.

Но пора вернуться къ нашему герою.
 Тотъ, кто боленъ сердцемъ—боленъ головою,
 Такъ всегда бываетъ:—тотъ не жди успѣха,
 Чье больное сердце головѣ помѣха.
 Бабочка гуляла—и кузнечикъ тоже,
 (Такъ и мы гуляли, бывши помоложе),—
 Наконецъ, гуляя, встрѣтились—и, ножки
 Подогнувъ, кузнечикъ ей кивнулъ. Съ дорожки

Бабочка, виляя, сѣла на цвѣточекъ.

Онъ—прыгъ-прыгъ—и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ.

— «Ахъ,» она сказала:—«я не ожидала!

«Я васъ за другого приняла сначала!

«Вашу эпиграмму намъ вчера достали:

«Вы мою сосѣдку мило оправдали.

«На нее за это всѣ напали вдвое...

«(Насѣкомыхъ племя—племя очень злое.)

«Впрочемъ, ваши мысли такъ всегда игривы,

«Такъ всегда глубоки, такъ краснорѣчивы,

«И такъ звуки сладки,—точно земляника.»

Лестное сравненье—было очень дико;

Но его артистъ мой даже не замѣтилъ,—

И ужъ я не знаю, что онъ ей отвѣтилъ.

— «Ба!» его Сильфида громко перебила,—

«Вы мнѣ написали ноты? Ахъ, какъ мило!

«Очень благодарна! очень благодарна!»

И она при этомъ тонко и коварно

Улыбнулась; глазки стали веселѣе,

Или—кто пойметъ ихъ!—стали просто злѣе.

Помолчавъ немного, бабочка вздохнула

И сказала: «поздно я вчера заснула...

«У моей кузины я была на балѣ...

«То-то бѣ вы влюбилась, если-бѣ увидали!
 «Впрочемъ, извините!—я васъ утомила
 «Болтовней. Прощайте!»—

И она сложила
 Крылышки, (такъ точно бабушкины внучки,
 Гостю присѣдая, складываютъ ручки),
 И по-надъ дорожкой, тихо ковыляя,
 Словно листикъ вѣтромъ сорванный, мелькая
 Бѣлизною крыльевъ, понеслась Сильфида...

Скоро мой кузнечикъ потерялъ изъ вида
 Полевую фею, подсккнулъ, вцѣпился
 Въ усики ржаного колоса,—и злился,
 Что проклятый вѣтеръ колосъ нагибаетъ,
 Нагибая колосъ, видѣть вдаль мѣшаетъ...
 Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ
 И нескромнымъ словомъ прыгуна обидѣлъ.
 Бѣдненькій кузнечикъ тутъ же спохватился,
 Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

ПѢСНЬ III.

На глазахъ съ повязкой, стало быть, слѣпая,
 Ъдетъ гдѣ попало, день и ночь зѣвая,
 Глупая Фортуна. Ею прихоть править,—
 На однихъ наѣдетъ—колесомъ раздавить,
 На другихъ наткнется—вдругъ начнетъ бросаться
 Золотомъ, чтобъ только поскорѣй умчаться,
 Да забрызгать липкой грязью пѣшехода,
 Да загнать въ объятья красоты уroda,
 Или, такъ, безъ пользы и не для примѣра,
 Сдернуть мимоѣздомъ маску съ лицемѣра...
 Рыская по свѣту, этотъ идолъ свѣта
 Не имѣетъ сердца,—прихотница эта
 Никого не любить—и, когда бросаетъ
 Деньги, звѣзды, ленты,—денегъ не считаетъ,—
 Звѣздъ сама не носить, лентъ не покупаетъ,—
 И, когда счастливо влюбить двухъ несчастныхъ,
 Ихъ лица не видя, изъ рѣчей ихъ страстныхъ,
 Вѣрно, заключаетъ, что влюбиться значитъ:
 И себя дурачить, и другихъ дурачить.
 Такъ сама Фортуна, на глазахъ съ повязкой,
 Счастье въ этомъ мѣрѣ почитаетъ сказкой.
 Для такой богини цѣлый мѣръ—пустыня!

И не то чтобъ эта странная богиня
 Къ нашему герою благосклонна стала:
 Только улыбнулась и въ него попала
 Чѣмъ-то благовоннымъ, проѣзжая мимо.

Здѣсь, поставивъ точку, мнѣ необходимо
 Вамъ сказать, что жертва тайнаго страданья,
 Мой герой, кузнечикъ, получилъ посланье,
 Спрыснутое амброй. Бабочка писала:
 «Приходите: жду васъ!»—Счастія не мало
 Въ себѣ заключало это выраженье—
 «Приходите: жду васъ!»—Это приглашенье
 Принялъ мой кузнечикъ съ той надеждой темной,
 При которой искра кажется огромной
 Огненной звѣздой. Другъ его, гуляка,
 Принималъ все къ сердцу,—много вралъ; однако,—
 Если только слушать мы его захочемъ,—

Товорилъ такія рѣчи, между прочимъ:
 «Ты, братъ, рассуждаешь глупо и постыдно!
 «Буду правду рѣзать: гдѣ же это видно,
 «Чтобъ сверчокъ»...

— Кузнечикъ! перебилъ кузнечикъ.

«Чтобъ сверчокъ»...

— Кузнечикъ! перебилъ кузнечикъ.

«Ну, хоть и кузнечикъ!—ну, положимъ, даже

«Ты сверчка немного чище и поглаже
 «И немножко больше чувствуешь свободы,—
 «Все-жъ ты, братецъ, съ нею не одной породы.
 «Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ!
 «Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ ветошекъ;
 «За женой бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать?
 «Гдѣ-жъ тебѣ повсюду вслѣдъ за нею шмыгать?
 «Въ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко всѣхъ умнѣй—невѣжда,
 «На талантѣ—плохая, братецъ мой, надежда.»

— Слава,—вотъ надежда.

«Экой, братъ, ты, право!
 «Разсуди же здраво и пойми, что слава
 «У людей бываетъ; а у насѣкомыхъ,
 «Что такое слава?—болтовня знакомыхъ.
 «Мы не лавры носимъ—носимъ побрякушки,
 «То-есть наша слава просто—*финтифлюшки*,
 «Какъ сказалъ когда-то авторъ водевильный,
 «Публикѣ пуская пузыречекъ мыльный.»

Тутъ гуляка, видно утомившись споромъ,
 Оглядѣвъ артиста мутно-строгимъ взоромъ,
 Выпилъ рюмку водки, пискнулъ, углубился
 Въ созерцанье почвы и—угомонился.
 Ну, и слава Богу!—Не до возраженій

Было музыканту. Какъ упрямый геній,
 Онъ съ хлыстомъ,—на мѣсто безпокойной скрипки,—
 По межѣ зеленой поскакалъ подъ Липки.

Липки—это было нѣчто въ родѣ парка:
 Въ серединѣ—прудикъ, а при въѣздѣ—арка
 Изъ вѣтвей—такая, что была, безспорно,
 Чудомъ совершенства,—такъ была просторна,
 Что, вообразите, насѣкомыхъ двѣсти
 Въ рядъ могло бы въѣхать. Вы меня повѣсьте,
 Если вру! Строитель, я и не скрываю,
 Былъ—сама природа; только я не знаю,
 Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ,
 Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ...
 Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали,
 Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едва ли
 Описать возможно лѣстницу подъ желтымъ
 Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протертымъ;
 Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
 Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливренъ;
 Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
 Облѣпивъ карнизы, зеленью повиты...
 Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
 Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій,
 И, я живо помню, хвасталъ, не краснѣя,

Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
 Украшать со вкусомъ барскіе покои,
 Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
 Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
 Придираться къ стилю, смахивалъ немного
 На дупло.

Кузнечикъ такъ былъ очарованъ,
 Или такъ былъ сердцемъ наэлектризованъ,
 Что дрожалъ и таялъ,—молча ждалъ Сильфиды,
 Подходилъ къ окошку и глядѣлъ на виды.
 А Сильфида съ кѣмъ-то по саду порхала,
 Съ милыми гостями весело болтала.
 Гости эти были черви разныхъ клочекъ
 И въ травѣ лежали въ видѣ заковычекъ.
 Чернокожій клопикъ,—вѣрно сынъ швейцарскій,
 Или внучекъ няни, крестничекъ боярскій,—
 Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
 Господинъ изволить ждать ее въ гостиной...

Приглашенъ герой мой; ему отвѣчали
 На поклонъ улыбкой и пробормотали:
 «Очень, очень рады!»—Дамы оглядѣли
 Всю его фигуру и едва съумѣли
 Удержать свой хохоть—только покосились

На мужчинъ; но черви не пошевелились,
 Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно съзудилъ,
 Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ
 Галстуха замѣтить, чтобъ на остальное
 Не глядѣть, и въ гордомъ пребывать покоѣ.
 Попрямъ артиста къ разнымъ столкновеньямъ
 Приучаетъ душу; но къ обыкновеньямъ
 Милыхъ насѣкомыхъ высшаго разряда
 Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
 Бѣденъ, худъ и блѣденъ, съ головы до пятокъ
 На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,—
 Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
 Колосится жатва и серпа ждетъ колосъ.
 Знаю, о кузнечикъ! какъ ты былъ отмѣнно
 Бабочкою принять. Ты себя надменно
 Велъ, какъ-будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,
 Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
 Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою стало,
 И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалось.
 И какія думы охватили жарко
 Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
 Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
 Отвѣчать ли?.. или—мы поставимъ точки...
 . . . . .
 (Будто бы цензура выклевала строчки).

Но, злодѣй-кузнечикъ, что же ты ни слова
 Не сказалъ гулякѣ въ ночь, когда другого
 Не имѣлъ ты друга, съ кѣмъ бы подѣлиться
 Снами, отъ которыхъ часто плохо спится?
 Пенавистникъ свѣта, бабочекъ крылатыхъ,
 Гладенькихъ коровокъ и червей лохматыхъ,
 Онъ,—едва вошелъ ты,—вопросилъ сердито:
 «Что, братъ, былъ ли ужинъ? накормили сыто,
 «Или и понюхать не дали съѣстного?
 «Что, братъ, какъ дѣлишки? Все ли тамъ здорово
 «И благополучно? Ты чему смѣешься?
 «Эхъ-ма, ничего ты, братецъ, не дождешься.»
 — Спи, сказалъ кузнечикъ.

«Сплю», сказалъ гуляка

И, задравши къверху ноги изъ-подъ фрака,
 Захрапѣлъ...

ПѢСНЬ IV.

Уходя, день ясный плакалъ за горою
 И, роняя слезы, жаркою зарею
 Изъ-за темной рощи охватилъ край нивы.
 Дню вслѣдъ глядѣла ночь—и переливы
 Свѣта отражались и, дрожа, блуждали

По ея ланитамъ. Тихо начинали
 Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
 Передъ Божьимъ треномъ зажигая свѣчи.
 Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой.
 Грустная береза обнялася съ липкой.
 Призатихла роща. Только дубъ шушукать,
 Только гдѣ-то дятель крѣпкимъ носомъ тукалъ,
 Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
 Только роковыя страсти не дремали,
 Только насѣкомыхъ мѣръ неугомонный
 Голосилъ немолчно въ тишинѣ бессонной.
 Стрекотали мухи; комары трубили;
 На своихъ скрипичахъ весело пилили,
 Лихо зная ноты, стало быть, безъ свѣчекъ,
 Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечикъ.

Впереди оркестра на своей скрипичѣ
 Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
 Выходила замужъ бабочки кузина,
 И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина;
 По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
 Но происходилъ онъ отъ червей отборныхъ.
 По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
 Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
 Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,

Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
 Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ...

Балъ великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
 Шпанскихъ мухъ десятки, въ золотыхъ ливреяхъ,
 Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
 Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ,
 Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
 Копшата гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
 Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣянъѣ,
 Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несется,—
 Пестрый вихоръ вальса шелеститъ и вьется...
 Жужелицы ходятъ около буфета;
 Ползаютъ козявки... И, большого свѣта,
 Жесткія особы,—божія коровки
 Собрались другъ другу показать обновки.
 Молча, подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
 Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
 На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
 Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
 Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ.
 Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
 Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры —
 Все въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
 Мой артистъ кузнечикъ и душой пылаетъ,

И очей не сводить, и какъ чортъ играетъ.
 По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
 Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
 (Танецъ, подъ который скачутъ и пониѣ
 Стаи насѣкомыхъ на любой куртѣ
 Вашего же сада, если, о, читатель! —
 Садъ нль хотъ садишко далъ тебѣ Создатель.

Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
 Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
 Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
 Протянувши нити, невидимку-сѣтку
 Сдѣлалъ такъ канальски-ловко и искусно,
 Что тайкомъ, быть-можетъ, и покушалъ вкусно.
 Говорятъ—вдобавокъ шлепнулась коровка,
 И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
 Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
 Паучекъ какой-то, пренаивный съ виду,
 За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
 Притянуть старался, и глядѣлъ ужъ—нѣтъ ли
 Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
 Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
 Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья...
 Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье,
 Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.

Паучекъ надулся; а комарь:—«смотрите»,
 Проищаль артисту, «какъ вы замарались,
 «Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!»
 Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ—паутина
 Къ рукаву прилипла.

— «Экая скотина!»

Проворчалъ и—вытеръ. Бабочка ни слова
 Не сказала, только выбрала другого
 Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
 Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.

— Правда ли, спросилъ онъ,—слухъ идетъ изъ нивы,
 Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
 Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ
 Онъ на васъ жениться—и о томъ хлопочеть?
 — «Что вы говорите?» молвила Сильфида, —
 «Мой женихъ—кузнечикъ! Какова обида!
 «Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
 «Или эту глупость выдумали мухи?!»
 — Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ оркестра
 Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.

Фея надъ собою сдѣлала усилъе,
 Чтобъ не разсердиться—и, встряхнувши крылья,
 Бросила холодный взглядъ на музыканта,

А когда кричали въ честь его таланта:
«Браво! фора! фора!»—дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опуская глазки.

Баль подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
Бабочка устала.—Вдругъ, за рощей, гдѣ-то
Соловей защелкалъ.

Ей тогда сказали,
(Можно ли безъ лести обойтись на балѣ!),
Ей сказали:—Фея! прекратите танецъ,
Слышите ли пѣнье?—это иностранецъ,
Соловей пролетный, вздумалъ серенаду
Вамъ давать. —

И точно, по всему-то саду
Разсыпались звуки, страстно замирая
Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая
Соловью, мечтала.

Въ это время сзади
Подошелъ кузничикъ.
— Фея!—Бога ради!..
Что вы такъ печальны?..

«Ахъ!» она сказала,
«Вы мнѣ помѣшали... Я воображала,
«Что таланты нашихъ не всегда приличныхъ
«Скакуновъ достойны тѣхъ пѣвцовъ столичныхъ,

«Имена которыхъ славны за границей.
 «Боги! отчего я рождена не птицей!
 «Будь я птицей... Впрочемъ, если захочу я
 «Соловья послушать, завтра-жъ полечу я...»

— О! сказалъ кузнечикъ...

«Жалкій музыкантикъ!»

Прошептала Фея, пощипавши бантикъ
 На своемъ корсажѣ,—«развѣ я не знаю...»
 — О! сказалъ кузнечикъ,—я не понимаю,
 Чтò вы говорите... Соловьи опасны,
 И къ тому-жъ,—положимъ, пѣсни ихъ прекрасны,—
 Все же не въ народномъ духѣ. —

Засмѣялась

Бальная царица—и, какъ тѣнь, умчалась.

Бѣдненькій кузнечикъ тутъ же носъ повѣсилъ
 И одинъ остался, блѣденъ и не веселъ.
 Вотъ упала слѣзка на листочекъ влажный,
 Съ вѣтеркомъ промчался чей-то вздохъ протяжный,
 Словно колокольчикъ звякнулъ въ отдаленнн...
 Ничего герой мой не слыхалъ: презрѣнье
 Было слишкомъ явно... И глядѣлъ онъ мутно
 Въ темный лѣсъ, откуда, сладко раздражая
 Благовонный воздухъ и не умолкая,

Соловьиныхъ пѣсень раздавался трели...
 И шепталъ онъ:—боги! боги! неужели?..
 Что-жь это такое? Отчего же это?..
 Или для поэта миновало лѣто?.. —
 Пойте, пойте, птицы! — Но сердца больныя
 Врачевать не могутъ пѣсни не родныя.

ПѢСНЬ V.

Плачь, родная Муза! Затяни ты пѣсню:
 Не о томъ, какъ «ходить молодець на Прѣвсю»,
 Не о томъ, какъ «пряха прядя—не лѣнилась»,
 Не о томъ, какъ «Волга матушка катилась»,—
 Спой намъ пѣсню такъ, чтобъ туча разразилась
 Надъ широкой нивой, чтобъ дождемъ шумящимъ
 Пробѣжала сила по листьямъ дрожающимъ;
 Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и лѣту
 Ненавистныхъ, падшихъ къ завязи и цвѣту,
 Смыло, разнесло бы по крутымъ оврагамъ!
 Туча дождевая, будь ты нашимъ благомъ!
 Поднимая вѣтеръ, оборви ты сѣти
 Паука съ крестами, что гордится въ свѣтѣ
 Тьмъ, что изсушилъ онъ множество народу,

Изъ души и сердца высосавъ свободу!
 Бабочкамъ грозою опали ты крылья,
 Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбилъ я! —

Такъ стоналъ кузнечикъ подъ напѣвемъ бурной
 И мятежной думы. А надъ нимъ лазурный
 Василекъ качался, наливался колосъ,
 И, жужжа, знакомый пронесился голосъ:
 «Слышишь ли ты грома дальнѣе раскаты?..
 «Погляди на тучки, что безъ крыль крылаты,
 «Мрачны безъ печали, безъ улыбки ясны,
 «Какъ гроза могучи, какъ туманъ безстрастны!»
 Пронесился голосъ, но въ душѣ артиста
 Раздавалось что-то вродѣ злого свиста.
 Оскорбленный свѣтомъ, огорченный баломъ,
 Не на шутку мрачнымъ сталъ онъ либераломъ.

Въ этомъ мѣстѣ надо, въ видѣ объясненья,
 Маленькое къ Липкамъ сдѣлать отступленье.
 Бабочка, герою измѣнивъ, сначала
 За его нескромность уколоть желала,
 А потомъ,—головка, видно, закружилась,—
 И она не въ шутку въ соловья влюбилась.
 Иностранецъ этотъ въ мѣрѣ насѣкомыхъ,
 Говорять, былъ дерзокъ и клевалъ знакомыхъ.

Отомстить любовью этой чудной птицѣ,
 Приковать къ побѣдной своей колесницѣ,
 Пѣсни и посланья сочинять заставить,
 И, быть можетъ, въ свѣтѣ тѣмъ себя прославить,—
 Вотъ чтò замышляла вѣтренная фея.
 Къ нашему-жь герою, просто не краснѣя
 И не церемонясь, клопика послала,
 И «*блоходарю* васъ», ему написала.
 Эта «*блоходарность*», вмѣсто «*благодарность*»,
 Пуще огорчила моего героя.
 А гуляка страшно хохоталъ и, строя
 Разныя гримасы, говорилъ, что блохи
 Болѣе полезны, чѣмъ пустые вздохи.

Можетъ быть, артистъ нашъ, разъ отдавшись снова
 Музамъ, позабылъ бы, какъ любовь сурово
 Обошлась съ нимъ, то-есть, позабылъ бы эту
 Вѣтренную фею; къ будущему лѣту
 Сочинилъ бы кучу гимновъ и сонетовъ,
 Былъ бы снова счастливъ счастиемъ поэтовъ,
 Сѣлъ бы на соломку, чтобъ во славу ночи
 На своей скрипицѣ пилить, чтò есть мочи;
 Но, къ его несчастью, вдругъ распространилась
 Вѣсть, что будто чтò-то съ бабочкой случилось,
 Говорили, будто бабочка бѣжала,

Бабочка погибла, бабочка пропала.
 Прямо шли изъ парка эти злые слухи,
 Стало быть, не вдали комары и мухи:
 Была вѣроятность!

Долго этимъ слухамъ

Мой артистъ не вѣрилъ... вдругъ, какъ бы обухомъ
 Кто-нибудь героя съѣздилъ прямо въ ухо,
 Онъ повѣрилъ разомъ въ достовѣрность слуха...—
 Только что успѣлъ онъ всѣхъ предать проклятью,
 Получилъ пакетикъ съ маленькой печатью...
 Вотъ письмо:

«Вы были къ намъ равнодушны,—
 «Если правда, будьте хоть любви послушны:
 «Пойщите нашу милую Сильфиду
 «И ее не дайте соловью въ обиду.
 «Кто вамъ это пишетъ, сами угадайте.
 «Если-жь будутъ вѣсти, въ Липки передайте.»
 Прочитавъ такое странное посланье,
 Онъ, въ припадкѣ страсти и негодованья,
 Началъ просто хныкать... хныкалъ, долго хныкалъ!
 (Этакое горе онъ себѣ накликалъ!)

Приближался вечеръ.—Къ счастью, гуляка
 Былъ въ харчевнѣ, клюкнулъ и, краснѣе рака,
 Постучался къ другу. Онъ разставилъ ноги,

Увидавши слезы и слѣды тревоги
На лицѣ артиста.

«Ба! Какія страсти!

«Выпей, братецъ, клюкни!—будешь нашей масти!»

Возгласилъ гуляка,—«плюнь ты на Сильфиду,—

«И тебя не дамъ я никому въ обиду.»

— Бѣдная Сильфида, что съ ней?..—не безъ пisku

Отвѣчалъ кузнечикъ,—на! прочти записку!

«Ничего не вижу!»—пробурчалъ гуляка,

Ибо онъ не даромъ былъ краснѣе рака.

Тутъ ему кузнечикъ рассказалъ въ чемъ дѣло,

И они рѣшились въ путь пуститься смѣло...

Мой герой готовъ былъ съ соловьемъ хоть драться,

А гуляка вышелъ просто поразмяться.

ПѢСНЬ VI.

Вечеръ былъ ненастный. Квакали лягушки;

Подъ налетомъ вѣтра зыбкія верхушки .

Жатвы колыхались, словно волны; капаль

Тихій дождь—и гдѣ-то перепелъ вавакалъ;

Паучки свернулись; пораскисли мушки;

Комары притихли.

Около опушки

Лѣса нашъ кузнечикъ шелъ самъ-другъ съ гулякой.

— «Слушай-ка, пріятель! надо бы на всякой

«Случай заpastись намъ фонаремъ», шагая,

Говорилъ гуляка. Но, не возражая

На совѣтъ, кузнечикъ пріостановился:

Съ вѣтромъ изъ тумана къ нему доносился

Звукъ ему знакомый: два степныхъ артиста

На дрянныхъ скрипницахъ хрипло и нечисто

Выводили нотки... безпрестанно эти

Нотки обрывались.

— «Ты имѣй въ предметъ»,

Продолжалъ гуляка,—«что впотьмахъ наткнуться

«Можно на лягушку, или кувырнуться.

«Гей!—онъ свистнулъ,—кто тамъ?» и подъ подорожникъ

Заглянувши, крикнулъ:—«ну-ка, ты, пирожникъ,

«Выходи!»

— И вышелъ таракашекъ, смуглый,

Какъ медовый пряникъ, и какъ булка круглый.

«Что вамъ надо?»

— «Гдѣ тутъ къ свѣтляку дорога?»—

— «Дальше, баринъ, дальше! поправѣй немного,

«Тамъ, подъ божьей травкой, двѣ еловыхъ шишки.

«Тамъ спросите... Жаль, вотъ, спать мои мальчишки.»

— «Э! сказалъ гуляка:—мы идемъ не свещемъ,

«А къ еловымъ шишкамъ сами путь отыщемъ.»

— «Дали бы на водку, я пошелъ бы съ вами.»

— «Не ходи, любезный!»—шевели усами,
Возразилъ гуляка.

— «Больно ночь муруга!»

— «Ну, не ври, любезный!»

И пошли два друга

Къ двумъ еловымъ шишкамъ. Стукъ-стукъ.—«Отворяй-ка
Двери!»

«Кто тамъ?»

— «Лѣшій!»

— «Кто тамъ?»

— «Вылѣзай-ка!».

И свѣтлякъ, съ разбитымъ фонаремъ, пустился

Въ лѣсъ казать дорогу. Клялся и божился,

Что совсѣмъ не знаетъ, гдѣ тамъ обитаетъ

Соловей, что нужно, если кто желаетъ

Знать его *фатеру*, допросить у Розы.

— «Я,—сказалъ гуляка,—у такой занозы

«Спрашивать не стану: и глупа ужасно,

«И молчить, какъ рыба, и не безопасна.

— «Ну, такъ хоть улитку допросите».

— Вракп!

Ты совсѣмъ не знаешь, гдѣ зимуютъ раки.

Надо втихомолку пробираться влѣво,

Къ муравьинымъ кучамъ дальше отъ посѣва.—

Вдруг гуляки голосъ превратился въ шопоть:
 Въ темнотѣ раздался чей-то рѣзвый топоть,
 Въ кустъ черезъ дорогу проскакала мышка.
 У гуляки тотчасъ началась одышка:
 Онъ маленько струсиль. Впрочемъ, отъ испуга
 Скоро онъ очнулся, догоняя друга.

Вѣтеръ унимался, и луна въ сквозные
 Своды темной рощи словно золотыя
 Струны протянула. Мшистые коренья
 Просіяли, словно дожидаясь пѣнья...
 И, о чудо! въ дебряхъ вдругъ раздался голосъ
 Соловья, и дрогнулъ мой артистъ, и вълоסף
 Дыбомъ на макушкѣ сталъ отъ оцущенья
 Страхъ и тревоги, гнѣва и смятенья.

«Вотъ онъ! вотъ!» шепнулъ онъ, притаивъ дыханье.
 — Чтò это за пѣнье?—просто рокотанье,—
 Тутъ ему замѣтилъ другъ его гуляка,—
 Все въ однѣхъ руладахъ, все въ однихъ...

— «Однако,

«Возразилъ герой мой,—не бранись напрасно!
 «Плутъ едва ли можетъ пѣть такъ сладкогласно.»

— «Чтò вы тутъ? Зачѣмъ вы?»—харю выставляя
 Изъ норы, спросила ихъ оса лѣсная.

— «Эхъ, оса голубка! что ты смотришь волкомъ;
 «Мы не лиходѣи,—отвѣчай намъ толкомъ:
 «Вышли мы на поискъ...» И кузнечикъ смѣло
 Выглянувшей харѣ объяснилъ, въ чемъ дѣло.
 — «Нешто я не знаю, какъ она вертѣлась,»—
 Запищала харя, «пофиньтить хотѣлось...
 «Этому никакъ ужъ третій день, какъ минулъ...
 «Соловей-то клюнулъ, да потомъ и кинулъ.
 «Ползала, бѣдняжка, ползала не мало;
 «Если въ муравейникъ сдуру не попала,
 «Гдѣ-нибудь у нашихъ червяковъ спросите...
 «Я-жъ оса—и только,—ну, и не взыщите!»—
 Съ этимъ словомъ, какъ-то скорчась, опустилась
 Харя эта въ норку и въ подвалѣ скрылась.

Г «Такъ бы вотъ и съвздылъ я по этой харѣ,»
 Проворчалъ гуляка, «если-бъ былъ въ ударѣ.»
 Но артистъ-кузнечикъ горестнымъ разговоромъ
 Такъ былъ отуманенъ, что, казалось, разумъ
 Потерялъ... И долго сладостныя трели
 Соловья такъ смутно для него звенѣли,
 Какъ звенить порою въ часъ ночной мятели,
 Глухо замирая, колокольчикъ дальній
 Въ глубинѣ пустыни снѣжной и печальной.

ПѢСНЬ VII.

Долго, до полночи прыгуны блуждали,
 Наконецъ на свѣжій слѣдъ они напали.
 Свѣтлячокъ вертѣлся подлѣ нихъ недаромъ,
 И Діана, тучку золотымъ пожаромъ
 Охвативъ, недаромъ отклоняла вѣтки,
 И кой-гдѣ чертила яркія отмѣтки;
 Для моихъ героевъ блѣдный лучъ богини
 Путеводнымъ свѣтомъ былъ среди пустыни.
 Тамъ, неподалеку спѣвающей брусники,
 Подъ корнями красной полевой гвоздики,
 Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
 Ножки протянула, крылья распластала
 И, казалось, лежа, небесамъ молилась,—
 Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
 Тотъ же сохранился очеркъ, милый, нѣжный,
 Тою же сияли бѣлизною свѣжной
 Матовыя крылья. Черная косынка
 На груди раскрылась. Крупная слезинка,
 Какъ алмазь, блестя около рѣсницы.
 И какъ бархатъ были темныя косицы.
 Мертвая казалась сонной; но чернѣла

Маленькая ранка... Молча возгѣ тѣла
 Постоялъ кузнечикъ, сердцемъ надрываясь.
 Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
 Свѣтлячокъ, какъ будто сильно пораженный
 Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
 У гуляки тоже хмель прошелъ.—Сурово
 Онъ глядѣлъ и то, что видѣлъ, было ново
 Для него. Онъ понялъ, что была-бъ тутъ шутка
 Вовсе неприлична. Даже какъ-то жутко
 Становилось сердцу вѣчнаго гуляки,
 Даже покривилась рожа забіяки,
 Потому что былъ онъ добрая скотинка.
 Видя, какъ у мертвой на лицѣ слезинка
 Неподвижно свѣтлой капелькой стояла,
 Онъ шепталъ: «Бабошка!—Ты отпировала!
 «Такъ и мы у смерти дни свои воруюмъ;
 «Попадемся съ кражей—да и отпируюмъ!»
 Впрочемъ, мой гуляка былъ такого сорту,
 Что свое унынье вмигъ отправилъ къ чорту
 И, толкнувъ артиста, молвилъ: «ну, конечно,
 «Жаль; да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно!
 «Сдѣлаемъ носилки, и ее прилично
 «Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.
 «Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
 «Силъ не трать и плакать послѣ постарайся.»

Сдѣлали носилки; положили тѣло;
 Подняли—и долго поступью несмѣлой
 Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
 Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
 Шелъ свѣтлякъ—и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
 Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
 Шумно просыпались въ передѣскѣ темномъ.—
 «А! ба! кто тамъ? что тамъ?»—слышалось въ сонномъ
 Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался:
 Муравей какой-то подъ ноги попался
 Нашему гулякѣ—онъ его и тиснулъ.
 Вслѣдъ за этимъ визгомъ—въ роцѣ кто-то свистнулъ.
 Комары, проснувшись и поднявшись роємъ,
 Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ,
 Но слетѣвшихъ кучей и увидѣвъ тѣло
 Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло..
 И, трубя плачевно, въ разстояннн дальнемъ,
 Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
 Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
 Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
 Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи,
 И жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
 Бабочка,—Сильфиды прежняя подруга,—
 Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
 И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла

На холодный камень и—ощёпёгла.
 Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
 Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
 Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
 И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
 И потомъ далекимъ проносился стономъ,
 И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
 Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качал.
 И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
 Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
 Повилки, робко по стволамъ ползающей;
 И благоухали тысячи растеній;
 И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
 Головой кивали. Тихо раздвигая
 Облака, вставала зорька золотая,
 И когда все стало ясно отъ улыбки
 Пламенной богини, принесли подъ Липки
 Мертвую Сильфиду;—тамъ ее сложили,
 Вырыли могилу и похоронили.
 И когда надъ этой новою могилой
 Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
 Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной картиной
 Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

Ночь въ Лѣтнемъ саду.

Въ самый день столѣтняго юбилея нашего знаменитаго баснописца И. А. Крылова—а именно, 2 февраля 1868 года, въ три часа пополудни, получилъ я пакетъ отъ неизвѣстнаго,—съ рукописью, слѣдующаго содержанія:

Моя фамилія... но зачѣмъ вамъ знать мою фамилію? — 28 февраля мнѣ было ровно 28 лѣтъ — значить, годика черезъ два мнѣ стукнетъ тридцать, — и что же! У меня ни порядочнаго мѣста, ни доходнаго труда, ни извѣстности, ни преданнаго друга, ни близкихъ знакомыхъ, ни жены, ни даже возлюбленной, и все это до такой степени меня унижаетъ, огорчаетъ, ожесточаетъ,—однимъ словомъ, до такой степени портитъ характеръ мой, что я вѣтриничалъ, вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

До 1862 года, я былъ вольнослушателемъ въ университетѣ, и, разумѣется, надѣялся держать кандидатскій экзамень; но держать экзамень помѣшали мнѣ кой-какія не-

предвидѣнныя и неотразимыя обстоятельства — и я поступилъ на службу чуть не писаремъ (вынужденъ былъ поступить для того, чтобъ не истощать съ голоду и, что еще ужаснѣе, не сдѣлаться чьимъ-либо нахлѣбникомъ). Каждый день я хожу въ канцелярію и переписываю бумаги. Моимъ сослуживцамъ не нравится моя гордая — якобы нигилистическая фізіономія, и никто изъ нихъ не знаетъ — не вѣдаетъ, что я просто вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

Будь я расчетливъ, я женился бы на деньгахъ, (бывали такіе случаи), и пересталъ бы вѣтреничать, (а можетъ быть, и не пересталъ бы); будь я не расчетливъ, я женился бы на бѣдной дѣвушкѣ, и тогда вѣрнѣе пересталъ бы вѣтреничать; но я слишкомъ гордъ, чтобъ поступить къ женѣ своей на содержаніе, и не настолько самонадѣянъ, чтобы жениться на бѣдной, тогда какъ все мое богатство заключается въ бекешѣ съ потертымъ бобровымъ воротникомъ моего покойнаго батюшки, въ серебряной папиросницѣ съ его гербомъ, въ моей благопріобрѣтенной бібліотекѣ (девятиюсто семь заглавій), въ моемъ жалованьи (25 рублей съ копеечками въ мѣсяцъ) и, наконецъ, въ отрадномъ воспоминаніи о тѣхъ десяткахъ тысячъ, которые прожили мои почтенные родители, скитаясь по Европѣ изъ столицы въ столицу и съ водъ на воды, подъ тѣмъ предлогомъ, что я золотушенъ, и что въ Россіи они не надѣются порядочно меня воспитать.

Я вѣтреничаю еще и потому, что въ наслѣдство отъ моихъ родителей получилъ я горячій темпераментъ, и, быть можетъ, ту самую игривую фантазію, которая заставила ихъ, ради моей какой-то сыни за ушами, прожить остатки всего своего состоянія, задолжать и умереть, мечтая, что по смерти ихъ я выиграю 200.000 рублей на два билета перваго внутренняго займа, которыми старушка мать моя заблагоразсудила меня благословить;—но миръ ихъ праху,— я на нихъ не ропщу, я на нихъ не жалуясь, я только вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

Было время, когда я чуть-чуть было не сдѣлался литераторомъ, такъ какъ я уже сказалъ вамъ, что у меня игривая фантазія.

Началъ я, разумѣется, стихи писать: авось, думалъ, вдохновеніе выручить; исписалъ цѣлую тетрадь — понесъ ихъ въ одну редакцію—прочли, сказали: — это поэзія, чистая поэзія, въ наше время порядочные люди такимъ вздоромъ не занимаются! — Понесъ въ другую редакцію — прочли, нашли, что въ стихахъ моихъ все какія-то модныя тенденціи, все какал-то скорбъ гражданскал—и ни на каплю поэзіи, ни на грошъ искусства!—Вотъ-те и знай,—то зачѣмъ поэзія—то зачѣмъ нѣтъ поэзіи!.. Проклялъ я стихи и принялся за прозу.

Задумалъ статью—и дорого она мнѣ стоила. Я взялся за задачу очень трудную; а именно — хотѣлъ доказать вліяніе статистическихъ данныхъ на задержку въ развитіи однихъ

идей и на ходъ—другихъ, — и хотѣлъ выяснитъ какія социальныя теоріи вытекаютъ изъ самой жизни — и какія ей навязываются? Согласитесь сами, что задача трудная, и я надъ моей статьей работалъ чуть ли не полгода, чуть было изъ-за нея не лишился мѣста и не потерялъ моихъ послѣднихъ 25 рублей жалованья. Для этой статьи книгъ моихъ было слишкомъ недостаточно — я сталъ ходить въ Публичную бібліотеку, пренебрегалъ службой, и уже на мое мѣсто экзекуторъ чуть было не рекомендовалъ какого-то своего родственника. Вотъ что значить заняться умственнымъ трудомъ и на цѣлые полгода перестать вѣтреничать!

Понесъ я статью свою въ одну редакцію: прочли, сказали, что эта статья не дурная, но *ретроградная*—и при этомъ многозначительно нахмурились.

Понесъ въ другую редакцію — слава Богу, взяли, только покосились немного, — прочли, нашли, что статья моя до такой степени *красная*, что помѣстить ее нѣтъ никакой возможности—и воротили мнѣ ее чуть не съ негодованіемъ.

Помню, какъ я съ этой несчастной статьей изъ редакціи вышелъ на тротуаръ, — остановился... и не узналъ улицы... Долго стоялъ я убитый, и какъ бы оплеванный. Наконецъ, быстро, порывисто сдвинулся съ мѣста и такъ задвигалъ ногами, какъ будто кто бѣжалъ за мной... Встрѣтился съ какою-то прехорошенькой дѣвушкой — и пренебрегъ: мнѣ все было противно, и редакторы, и хорошенькія дѣвушки.

Итакъ, надежда литературнымъ трудомъ добиться въ жизни кое-какого благосостоянія — навсегда для меня погибла. Какое же такое есть на свѣтѣ дѣло, которое казалось бы мнѣ самому серьезнымъ, и, въ то же время, не только могло бы быть по мѣрѣ моихъ силъ и способностей, но и могло бы удовлетворять меня, мой умъ, мою совѣсть — и, наконецъ, хоть немножко польстить моему самолюбію? Столяръ меня не приметъ, башмачникъ не приметъ, кузнецъ не приметъ, не потому, что я ретроградъ или либераль, а потому, что я не въ столярной, не въ башмачной и не въ кузницѣ — а въ университетѣ получилъ свое образование.

Я опять началъ вѣтреничать, и въ искусствѣ на улицахъ волочиться за юными незнакомками достигъ такого совершенства, что — мое почтеніе! Но я ни себя, ни другихъ не хотѣлъ серьезно обманывать, и вотъ почему моя вѣтреность ни къ чему меня не привела...

Виновать, она привела меня къ тому, что разъ, въ концѣ августа, всю ночь напролетъ — одинъ-одинѣшенекъ провель я; — гдѣ бы вы думали? въ Лѣтнемъ саду на скамеечкѣ.

Не стану описывать вамъ моей послѣдней встрѣчи, послѣдней, самой безумной любви моей. Со мной кокетничали — и я вѣрилъ. Мнѣ назначили свиданіе въ Лѣтнемъ саду въ 9 часовъ вечера, — и въ этомъ саду, исходивши его вдоль и поперекъ, я не нашелъ моей красавицы, сѣлъ

на скамейку — и до того задумался, что не слышалъ, какъ всѣ вышли, и какъ съ обоихъ концовъ ворота заперли.

Мое горе было такъ велико, кой-какія подозрѣнія и обманутое ожиданіе до такой степени потрясли мои нервы и разбредили мое сто тысячъ разъ уязвленное самолюбіе, что я, убѣдившись, что нѣтъ мнѣ выхода, преспокойно воротился на прежнее мѣсто, на чугунную, сырую скамеечку, что противъ монумента дѣдушки Крылова, завернулся въ пледъ, протянулъ ноги, закрылъ глаза и какъ бы забылъ гдѣ я — и что будетъ, если сторожа или солдаты найдутъ и примутъ меня за вора или за пьянаго?..

Около часу ночи стало порядкомъ сыро и холодно, дрожь пробрала меня — захотѣлось курить — увы! въ моей папиросницѣ нашлась одна, и то измятая папироска, но не нашлось ни одной фосфорной спички. Тутъ только я съ досадою почувствовалъ, что я не дома, и пожалѣлъ, спльно пожалѣлъ, что лежу не въ своей бѣдной каморкѣ и не на своей постели. Наконецъ-то, я совершенно, такъ сказать, вникъ въ мое положеніе и сталъ озираться, какъ бы стараясь приглядѣться къ ночной обстановкѣ своего новаго ночлега. Далеко кругомъ шумѣла столица; но въ саду все было тихо, и, казалось, ни одинъ листикъ не шевелился; поднимался туманъ и, какъ бы увязнувъ между вѣковыми липами, стоялъ по куртинамъ въ какихъ-то бѣлесоватыхъ, неопредѣленно смутныхъ очертаніяхъ. Иныя липы росли

точно на воздухѣ, иныя не были видны до самыхъ верхушекъ, и эти верхушки казались мнѣ темными островами, поросшими невысокимъ кустарникомъ. Не знаю, былъ ли на небѣ мѣсяцъ; но лунный свѣтъ явно во всемъ принималъ таинственное участіе, и нѣтъ сомнѣнія, даже мозгъ мой настраивалъ на то, чтобъ я во всемъ видѣлъ что-то фантастическое, моимъ разсудкомъ ни на одну минуту не допускаемое. Монументъ Крылова чернѣлъ передо мной какою-то массой безъ рукъ, безъ ногъ, съ чѣмъ-то круглымъ вмѣсто головы,—и я, волей-неволей, раскрывая глаза, глядѣлъ на его очертанія.

— Ишь, сидить! хорошо ему тутъ! думалъ я, и, казалось, былъ золь въ эту минуту не на *нее*, и не на себя, а на дѣдушку Крылова за то, что отъ его такого близкаго сосѣдства мнѣ ничуть не теплѣе, не веселѣе, не мягче и не удобнѣе.—Ему все равно—все равно, продолжалъ я думать, какъ велики мои потребности, сколько я получаю жалованья, и насколько при этомъ моя откровенность губить мои сердечныя отношенія.

Легкая дремота стала одолѣвать меня, я какъ можно крѣпче надвинулъ на лобъ свою неловкую шляпу, закрылъ глаза и забылся, погруженный въ созерцаніе своего безвыходнаго и грустнаго одиночества,—(не въ Лѣтнемъ саду и не въ эту ночь, а во всемъ городѣ съ его полумилліоннымъ населеніемъ)... Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ,—скрин-

нуло какое-то дерево, что-то мокрое скользнуло у меня по лицу,—и я очнулся. Туманъ уже ползъ, подъ нимъ шелестили и словно катились — волочились по слѣдамъ его опавшіе листья, вершины шумѣли; надъ головой бронзоваго дѣдушки, какъ летучій дымъ, пронеслось какое-то безпрестанно обрывающееся облако, и вслѣдъ за тѣмъ на его лицѣ вдругъ показались свѣтлые блики, обозначались его колѣни, руки, и даже кое-какія складки мѣшковатаго сюртука его. Съ тою же затаенной досадою, сталъ я всматриваться въ знакомыя мнѣ черты хмураго, неподвижнаго лица его и невольно вздрогнулъ: мнѣ показалось, что дѣдушка шевелить губами...

— Шалишь! подумалъ я, — не напугаешь! просто, при лунномъ свѣтѣ качаются вѣтки, тѣни отъ нихъ ходятъ по губамъ его; а мнѣ и кажется, будто они шевелятся—оптический обманъ и больше ничего!

Я закрылъ глаза и сталъ думать: а что, если бы дѣйствительно показалось мнѣ, что бронзовая статуя дѣдушки не только губами шевелить, но и дѣйствительно говорить со мной, что тогда?

И, поправивши на головѣ шляпу (она, проклятая, безпрестанно съѣзжала у меня на одинъ високъ), я спустилъ ноги на землю, на груди à la Napoléon сложилъ свои руки, и сталъ думать о дѣдушкѣ, о его житьѣ-бытьѣ, о его прямодушныхъ и дружескихъ связяхъ съ тогдашними литераторами, о его басняхъ, когда-то въ дѣтствѣ наполовину

мною изученныхъ, и не странно ли, пока я все это думалъ, я боялся поднять голову, боялся опять увидать шевелящіяся губы, и, несмотря на этотъ непреодолимый страхъ, все-таки поднималъ голову—губы шевелились попрежнему.— О! чортъ возьми! чуть не вскрикнулъ я, — ну, говорп... ну! что ты ничего не говоришь, говори, коли можешь! — Я закрылъ глаза, и, вообразите, дѣдушка Крыловъ своимъ старческимъ, добродушно-ироническимъ голосомъ, не шути заговорилъ со мной. Показалось даже — самое лицо его склонилось надо мной, какъ лицо старой няни надъ изголовьемъ засыпающаго ребенка. Не поднимая рѣсницъ, я сталъ вслушиваться, вслушиваться, и ясно услыхалъ етихотворную, прямо ко мнѣ обращенную рѣчь его:

— Попался! заперли дружка!

Ну, не сердись — бѣда не велика...

Проглянетъ солнышко — и отпрутъ ворота;

Но помни, милый, врагъ силенъ,

И въ жизни, что ни шагъ — капканъ или тенѣта...

Не думаю, чтобъ ты былъ искренно влюбленъ,

Хоть и сидишь, надувши губы.

А ночь-то сиверка — я за тебя боюсь:

Того гляди, получишь флюсь,

Иль какъ-нибудь простудишь зубы.

Закутайся, съ меня примѣра не бери,

Я и зимой снжу безъ шапки да безъ шубы:
     Чтобъ такъ сидѣть, сперва умри...
 Ты морщишься — ты думаешь, быть можетъ,
     Что баснями не кормятъ соловья, —
 И злой, какъ маленькій щенокъ, который гложетъ
     Пустую кость, косишься на меня;
 А я чѣмъ виноватъ, что молодца надули,
     И я, какъ ты, была пора, —
 У *Кумурики-Лисы* стоялъ на караулѣ,
 И какъ *Пустынникъ* ждалъ отъ *Мишенки* добра.
 И я не разъ, какъ глупая *Плотичка*
     Въ водѣ, хватался за крючокъ, —
     Былъ волокита, былъ игрокъ...
     Но у меня была привычка
 Въ самомъ себѣ подглядывать порокъ, —
     Себя сначала
     Отъ путь его освобождать,
     А ужъ потомъ и уличать
     Кого попало...

Такъ началъ дѣдушка — и странно, я вдругъ пересталъ
 его бояться — и это одно заставляетъ меня отчасти пред-
 полагать, что я дремалъ и грезилъ. Будь это наяву — я
 непременно бы заоралъ: караулъ! и меня бы непременно
 связали, какъ еумасшедшаго.

Все, что дальше говорилъ онъ—дай Богъ память!.. все, что дальше говорилъ онъ, очень и даже очень похоже на какую-то фантазмагорію—

— Не вѣришь ты, дружище, чудесамъ,—

Не вѣрь, пожалуй!

Но старымъ баснямъ вѣрь—вѣрь говорящимъ львамъ,

Осламъ, баранамъ и волкамъ,

И даже мошкѣ самой малой.

Что я такое въ сущности?—Металлъ!..

А если бы ты зналъ,

Какой со мной былъ случай странный?!

Не жди ты отъ меня фантазіи туманной;

Я никогда не залеталъ,

И никогда не порывался

Въ ту область, гдѣ-бъ мой умъ терялся.

И такъ,

Повѣришь ли, землякъ,

Что тотъ Крыловъ, который предъ тобою

Изъ мѣди отлитой, съ массивной головою,

И потемнѣвшій отъ дождя,

Сидитъ, какъ статуя, и—по всему судя,

Никакъ не можетъ шевелиться,

Однажды могъ—не только-бъ съ мѣста встать,

Не только-бъ на землю спуститься,—

Но и въ аллеяхъ погулять.
 Не вѣришь?—хорошо—но, слушай, по порядку
 Начну рассказывать, какъ есть всю правду-матку.

Однажды—поздній вечеръ былъ—
 На гнѣзда голуби слетали,
 Аврора гасла,—чуть дрожа,
 Цвѣтущихъ, сонныхъ липъ верхушки лепетали,
 Садовые ворота запирали,
 И у воротъ стояли сторожа,
 Чтобъ монументъ мой не убрали,
 (На чтò у насъ нашлись бы мастера!).

Ну, словомъ, та была пора,
 Когда для васъ, для молодежи,
 При лунномъ свѣтѣ, сгоряча
 Прелестны кажутся тѣ рожи,
 Что отъ бѣлилъ на гипсъ похожи,
 Иль отъ румянъ краснѣе кумача.
 Луна изъ облака глядѣла
 И, хоть туманъ носился надъ Невой,
 Зефиръ дышалъ такою теплотой,
 Что у меня спина съ затылкомъ отпотѣла;—
 Вдали свисталъ какой-то все свистокъ—
 Не съ фабрики, и не съ завода,
 Такъ съ парохода;
 Лиловой полосой, кой-гдѣ мелькалъ востокъ...

Вдругъ, слышу я, какъ будто вѣтерокъ
 Коснулся арфы струнъ воздушными перстами,
 Мнѣ съ юныхъ лѣтъ знакомый голосокъ
 Залепеталъ привѣтными рѣчами;
 Облокотилась бѣлая рука
 На темное плечо.—Холодная щека
 Почуяла горячее дыханье...—
 И кто, ты думаешь, уважилъ старика?
 Кто подарилъ его минуткою свиданья?
 Я Музу прежнюю мою
 Увидѣлъ, и—не утаю,
 Отъ радости, едва не началъ плакать.—
 Она сошла ко мнѣ немножко покалякать,
 А можетъ быть, и подразнить...
 Не стану я тебѣ, дружище, говорить,
 Какъ много въ ней нашлось намъ общаго, родного,
 И мнѣ замѣтно дорогого;
 Ты этого, быть можетъ, не поймешь,
 Подъ говоръ словъ моихъ заснешь
 Иль обругаешь дѣдушку Крылова.—
 Чтобъ не соскучился ты въ запертомъ саду,
 Я лучше на смѣшное перейду—
 Вѣдь ты, признайся-ка, охотникъ до смѣшного—
 . . . . .
 Такъ слушай же, —наперсница моя,

Иначе, Муза—вдругъ, изъ дѣвы горделивой
 И ясно-тихой, стала хлопотливой,
 Насмѣшливой такой, какую часто я
 Видалъ ее, когда я брился, одѣвался,
 Иль съ именинныхъ пироговъ,
 Чтобъ до-обѣденныхъ не потерять часовъ.
 Еще позавтракать собирался.

И слышу—Муза говорить:
 — Иванъ Андренчъ! гдѣ твой аппетитъ?
 И думалъ ли ты нынче объ обѣдѣ?

— Помилуй, говорю, голубушка моя,
 Или забыла ты, что я—
 И что нутро мое—изъ мѣди!
 Что если-бъ даже, наконецъ,
 Я былъ на дачу или во дворецъ,
 На праздничный обѣдъ или на завтракъ съ чаемъ
 Самой Императрицей приглашаемъ,
 Я-бъ затруднился...

— Это почему?

— Да потому,
 Что я сижу на пьедесталѣ,
 И стало быть—обязанъ, такъ сказать,
 Монументальность соблюдать,
 Куда-бъ меня ни приглашали.
 Другое дѣло—погулять

Тихонько, чтобъ себя немного поразмять,—

Да и того нельзя!—Природы-то законы
Мы знаемъ, матушка, вѣдь мы не вѣтрогоны,—
Не метафизики!—На что надежды нѣтъ,

О томъ не мыслю я нимало.

— И! чтѣ ты?—говорить,—мой свѣтъ!

Была-бъ охота!

Кто можетъ молніи бросать во всѣ концы,

Кто можетъ въ мудрецы

Пожаловать любого идиота,

Кто можетъ радугу въ болото опустить,

Тотъ можетъ и тебѣ позволить походить,

Хоть ты и вылить изъ металла.

А помнишь ли, какъ ты, бывало.

Одушевлялъ,

И говорить, и мыслить заставлялъ

Булажникъ и *Алмазъ*—и *Паруса* и *Пушки*,

Булатъ, *Мѣшокъ* и *Гребешокъ*,

И *Василекъ*,

И—помнишь,—дерева цвѣтуція верхушки

Корнями вздумалъ пристыдить...

Такъ можно и тебя вполнѣ одушевить,

Лишь стоитъ Зевса попросить...

И, чтѣ ты думаешь,—отправилась съ прошеньемъ,

И несмотря на то, что ночь уже была,

Что, усыпивши міръ, уже кутяли боги...

Она таки прошла—

Таки прошла въ Зевесовы чертоги,

И что ужъ тамъ она плела,

Кого какимъ обворожила пѣньемъ,—

Но только въ ту же ночь опять ко мнѣ сошла

Съ невѣроятнымъ дозволеньемъ.

Въ бумагѣ значилось: «*Такъ какъ Иванъ Крыловъ*

Усталъ сидѣть—то можетъ прогуляться,

И по саду ходитъ до утреннихъ часовъ,

(Не мять травы—не рвать цвѣтковъ),

А поутру опять на пьедесталъ взобратся,

И какъ сидѣлъ въ виду потомства, такъ—и състь.»

Прочтя такой курьезъ, пришелъ я въ изумленье —

Подумалъ: вотъ какая честь!

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, такого позволенья

Не получалъ

Ни мраморъ, ни металлъ.

(Одинъ примѣръ:—къ Жуану, я читалъ,

Пришла на зовъ статуя Командора...

Но и въ живыхъ, такого вздора

Я никогда за былъ не почиталъ).

— Спасибо, Муза! Что бы ни случилось,

Я буду, милая, тебя благодарить.

Но я отъ чувства былъ не въ силахъ говорить,

И Муза удалилась.
 И показалось мнѣ, что мѣдь
 Моя размякнула... Эге! Не сердце ли забилось!

Не кровь ли начала кипѣть!
 Ну, думаю,—чудесно!—слава Богу!
 Теперь я голову свою приподниму,
 И протяну отсиженную ногу.
 (Пожалуйста, любезный, никому
 Ты словъ моихъ не передай печатно:

Или ихъ вовсе не поймутъ,
 Иль, на твою бѣду, глупцы поймутъ превратно,
 Осудятъ, какъ лжеца, и позовутъ на судъ;
 Ну, что тогда своимъ ты судьямъ скажешь,
 И чѣмъ слова свои докажешь?)

. . . . .

Итакъ, любезный мой, я собрался гулять,
 Но—знаешь,—я лѣнивъ,—къ тому же размышлять,
 Какъ видно, не отвыкъ, и вѣришь ли?—спуститься
 На землю цѣлый часъ никакъ не могъ рѣшиться.

Что, если—началь думать я—
 Такая выйдетъ вдругъ статья,
 Что я,

Слѣзая, памятникъ сломаю:
 Кусокъ гранита отшибу отъ края,

Или въ изваянномъ квартетѣ
 Сломаю скрипку?!—кто въ отвѣтъ!?
 Повѣрятъ ли, что я, изъ бронзы отлитой,
 Своею собственной пятой
 Испортилъ барельефъ, заказанный казной;
 Что это—дѣдушка Крыловъ изволилъ лаять
 И этакъ напроказить!?! —
 Чтò, если,—думалъ я,—
 Да кто-нибудь другой изъ-за меня,
 Какъ виноватый, будетъ связанъ,
 Или въ примѣръ другимъ наказанъ!
 Потомъ, и то мнѣ въ голову пришло:
 Положимъ, тихо, осторожно
 Спущусь я на землю—куда ни шло!
 А ну, какъ я, судьбѣ на зло,
 Назадъ не влѣзу!!.. Въ жизни все возможно—
 И я не разъ видалъ такихъ,
 Что стòить ихъ
 Столкнуть съ ходуль пль съ пьедестала,
 И никогда ужъ имъ опять
 На прежнія мѣста не залѣзатъ!..
 Я при дворѣ такихъ знавалъ не мало!..
 Вѣдь не смоги я какъ-нибудь
 Вскарabкаться на прежнее сидѣнье,—
 Всѣ скажутъ,—Зевса я осмѣлился надуть,

На барельефъ носъ шибу у журавля,
И весь Олимпъ придетъ въ великое смятенье...

. . . . .
Итакъ, чтобъ Музѣ не вредить,
Я понялъ, что Крылову не годится
Проказничать и по саду ходить.
Одно хотѣлось мнѣ—одно,—пошевелиться...—

Какъ вдругъ,
Вообрази, мой другъ,
Мнѣ на мизинецъ Канарейка сѣла.
Была, должно-быть, взаперти, —
Неволи не смогла снести,
И въ садъ изъ кѣтки улетѣла, —
И стала щебетать, голубушка моя,
Что ей отъ галокъ нѣтъ житья,
Что воробьи и тѣ ее гоняли,
И чуть не заклевали.

И тутъ увидѣлъ я—задорный воробей,
Слѣдя за ней,
Перескочилъ съ скамейки на скамейку,
И сталъ пищать на Канарейку:
— Ага! небось,
Чтобъ участи своей избѣгнуть,
Тебѣ, голубушка, пришлось
Подъ покровительство прибѣгнуть...

Подъ покровительство!—Какая же ты дрянц!..
 Какъ заслужила ты всю нашу злость и брань!

Вотъ мы, небось, не прибѣгаемъ
 Съ мольбою къ истукану—мы его
 Хоть и боимся, да мараемъ...

А ты?.. Ну, для чего

Па насъ ты сердишься? Ужели оттого,
 Что мы, уча, тебя немножко пощипали!..

Да мы тебя,

Любя,

Обратно въ клетку загоняли.

Эй! галки! вы сильнѣе насъ,

Подбейте ей крыло, да выколите глазъ.

Не шевелился я, чтобъ не снугнуть пѣвицы:

И сталь внимать,

И сталь вникать —

И чу! вокругъ меня загомонили птицы

Разноголосыя; —имъ, видно, не спалось. —

(Кто-жь рано спить среди суетъ столицы!)

И тутъ, по чуткости моей, мнѣ удалось

Подслушать возгласы, упреки, и оставленья,

Придирки, сплетни, самовосхваленья...

Все говорило: столбики, цвѣтки,

И насѣкомыя, и птицы, и звѣрки,

Все—все, что Лѣтній садъ въ то время наполняло,
 Все, что пищало, каркало, жужжало,
 Ползло, переползало,
 Или на самый верхъ взбиралось на показъ...

.....

И вотъ,—на первый разъ,
 Не поворачивая шеи,
 Я услыхалъ ворчанье въ той аллеѣ,
 Гдѣ съ нашимъ Гнѣдичемъ я гуливалъ не разъ...
 Тамъ, Тумба вбитая, поднявъ тупое рыло,
 Хриплымъ голосомъ учила
 Юнону, (что въ тѣни подстриженныхъ вѣтвей,
 Изъ мрамора какъ снѣгъ бѣлѣлась передъ ней),—
 — «Эхъ, милая моя! сѣ Тумба говорила:
 Будь современнѣе — приноровись къ тому,
 Чтобъ въ праздникъ на тебѣ горѣли съ саломъ плоски,
 А то, къ чему,
 И для чего со мной стоишь ты у дорожки?
 Вѣдь еслибъ всѣ такой вопросъ
 По-моему, какъ слѣдуетъ рѣшили, —
 Твой носъ —
 Красавица, давно-бъ отбили»...
 Я долго ждалъ, что будетъ отвѣчать
 Статуя Тумбѣ; но — красавица молчала,
 И, можетъ быть, должна была молчать,

Чтобъ даромъ словъ своихъ на вѣтеръ не бросать.

— «Ну, погоди же ты! вновь Тумба проворчала:

«Плевать мнѣ на твои античныя брасы!

«Чтобъ у богинь сколачивать носы,

«Я на Руси найду охотниковъ не мало»...

Потомъ въ акаціи я шорохъ услыхалъ.

Туда по жердочкѣ сталъ въ чащу забираться

Снигирь, котораго, признаться,

Не скоро я по голосу узналъ;—

Онъ былъ съ своею ученицей,

А именно, съ той самою Снпницей,

Которой бабушка грозилась море сжечь.

И внучка, кажется, вела къ тому же рѣчь:

Она стонала:— «Горе, горе!

Ужели никогда горѣть не будетъ море!»

Насвистанный Снигирь носъ объ носъ съ ней сидѣлъ,

И ей скрипѣлъ:

— «Отчаяваться не годится:

«Чтобъ птицы всѣхъ сортовъ могли уху хлебать—

«Какъ знать,

«И море, можетъ быть, дымясь, закипятится;

«Лишь бы проклятый Соловей

«У насъ не пѣлъ среди ночей:

«Его заслушавшись, не стануть слушать птицы

«Не только Снигиря—Спилицы!..
 «И ужь тогда никто не побѣжить смотрѣть,
 «Какъ море начало горѣть».
 Спилица слушала, вздыхала, отряхалась,
 Отъ соловьиныхъ пѣсенъ отрекалась,
 И говорила Снигирю:
 — «Благодарю! благодарю!
 Ты мнѣ глаза раскрылъ — теперь я понимаю...
 Ты, ты—нашъ Соловей — другихъ не допускаю».—
 Насвистанный Снигирь Спилицу ободрялъ,
 А я подслушивалъ, и чуть не хохоталъ...

Итъ, думаю, какое тутъ гулянье!
 Кругомъ меня
 Идетъ какая-то, мнѣ новая возня;
 Тутъ надо, думаю, вниманье да вниманье.
 Авось, подслушаю у птицъ,
 У доморощенныхъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ
 Сюжеты басенокъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ;
 Увижу, до какихъ границъ
 Дошла хваленая свобода:
 Сатпры бичь, который васъ хлесталъ,—
 Тотъ бичь, что не щадилъ ни одного урода,—
 Насколько выяснилъ намъ русскій идеаль?—
 И—ни гу-гу!—я слушалъ,—я молчалъ,—

Я въ неподвижности суровой пребываю,
 Какъ монументу подобаю.

И слышу вдругъ: Оса тихонько выползаетъ
 Изъ-подъ травы, гдѣ у нее
 Дыра въ подземное жилище,—
 И на свиданье
 Къ Дождеву, кружась, летитъ.

Чуть слышно скромное, осиное жужжанье,
 Однако жаломъ шевелить,

И говорить:

— «Любезный Дождевикъ! какъ публицистъ, ты знаешь,

«Что у невѣжественныхъ Осъ

«Осять не мало развелось,

«И, разумѣется, ты понимаешь,

«Что ихъ развить,

«Иль, иначе сказать, предохранить

«Отъ всякаго вліянья

«Всѣмъ намъ извѣстнаго преданья,

«Гораздо мудренѣе, чѣмъ плодить.

«Вотъ, у меня, одинъ—такой Осенокъ вострый,—

«Такъ любознательнъ—что страсть!

«Зачѣмъ, кричить, у пчелъ воскъ бѣлый, а не пестрый,

«И отчего нельзя изъ меду нитки прастъ?

«И къ моему стыду, я не умѣю

«На эти умные вопросы отвѣчать
 «И, разумѣется, должна молчать,
 «И, разумѣется, краснѣю.
 «А отчего?
 «Все оттого,
 «Что пчелы лекцій Осамъ не читаютъ—
 «Не понимаютъ,
 «И какъ бы не желаютъ понимать,
 «Что я склонна къ естествознанью,
 «Почти настолько же, насколько и къ жужжанью».
 — Ну-жъ эти пчелы — нечего сказать!..
 Отвѣтилъ Дождевикъ, — въ особенности наши, —
 Всѣ—эгоисты—любятъ медь собирать
 Линь для того, чтобъ въ улей свой таскать—
 И не сварить ты съ ними каши!
 Намедни, въ дождь, сюда, подъ листикъ заползла
 Какая-то пчела,
 И я завелъ съ ней разговоръ ученый
 И разъясненія просилъ,
 Зачѣмъ и почему родился я безъ крыль,
 И не могу въ союзъ быть съ вороной?
 И что-жъ — ты думаешь — пчела?!
 Она мнѣ начала
 Доказывать своею рѣчью скучной,
 Что мой вопросъ—не есть вопросъ научный,

Что это бредь!!

— Ну, вѣтъ,

Подумалъ я,—ты врешь, а я не брежу.

И съ той поры, я такъ неукротимо золь,

Что, пыль пуская, правду рѣжу—

Ругаю пчелъ.

Опять послышалось Осы жужжанье:

— «Любезный Дождевикъ! на-дняхъ у пчелъ собранье,

«Онѣ собираются о воскѣ разсуждать,

«О медѣ, обо всемъ, что слѣдуетъ намъ знать;

«Я написала къ нимъ посланье—

«Онѣ должны сейчасъ свой улей позабыть,

«Должны сейчасъ свой медъ оставить,

«И Ось учить,

«Какъ имъ мозги свои поправить»...

Вотъ, это хорошо! подумалъ я,—Оса,

Чтобъ просвѣтить свой умъ осинный,

Желаеть мудрости пчелиной,

Да освѣжить ее небесная роса!

Всегда любилъ я тѣхъ, кто жаждетъ просвѣщенья.

— «Но, милый мой! пойми мое недоумѣнье,—

Оса добавила Дождевику:

— «Сегодня я сидѣла на суку

«И въ нашъ журналъ статью писала;

«На первый разъ я разобрала

«Полетъ орлицы и орла;
 «Они, по-моему, совсѣмъ не такъ летаютъ—
 «И я имъ нагоняй порядочный дала,—
 «Пусть Осу знаютъ!»

На этотъ разговоръ—откуда-то пчела,
 Должно быть въ улей опоздала,
 Шмыгнула по травѣ,—я на лету поймала
 Слова Осы; но такъ была
 Неснисходительна и зла,
 Что ей сказала:

— «Куда ужъ намъ тебя учить!

«Ты несомнѣнно выше насъ въ наукѣ...

«Полетъ орлицы ты умѣешь прослѣдить,
 «Орла умѣешь распушить,—
 «Тебѣ и книги въ руки!..»
 И съ ношею своей,

Въ Осѣ такое же предполагая жало,
 Пчела пропала
 Въ тѣни вѣтвей...

Дружище! для меня все это было ново:
 «Всѣ злы на все!»... и показалось мнѣ,
 Что Лѣтній садъ глядитъ особенно сурово...

При отуманенной лунѣ,
 Какъ палки, предо мной переплетались сучья,

И, мнилось мнѣ, невѣдомые крючья
 Стараются ихъ сзади удержать,
 Иначе бы они, не говоря ни слова,
 Полѣзли бы на дѣдушку Крылова,
 И ну его хлестать
 За то, что басни онъ осмѣлился писать!
 Мнѣ, признаюсь, немного стало жутко:
 Какъ видно, наблюдать да слухъ имѣть— не шутка
 Но въ жизни я моихъ враговъ,
 Ты знаешь самъ, хоть трусилъ—да не слишкомъ,
 И смѣло выставлялъ не только-что ословъ,
 Но и могущественныхъ львовъ,
 И не кадилъ животнымъ ихъ страстишкамъ.
 Такъ и теперь, хоть и пора не та,
 Скажу, какъ въ ту же ночь подслушалъ я Крота.

Слѣпорожденный Кротъ принесъ свои писанья
 На просмотрѣнье Червяку,
 (Не нынче—завтра мотыльку),
 И увѣрялъ, что онъ, какъ нѣкій Мефистофель,
 Всѣмъ нашимъ Фаустамъ наглядно доказалъ,
 Что вовсе не цвѣты прекрасны, а картофель,
 И что цвѣтовъ онъ даже не встрѣчалъ,
 Когда подземнымъ онъ путемъ предпринималъ
 Свою *экскурсію*... Червякъ ему божился,

Что смена плодовъ
 Съ плодомъ выходятъ изъ цвѣтовъ,
 И что картофель, прежде чѣмъ плодиться,
 Сперва цвѣтетъ;
 Не соглашался Кротъ,—
 Онъ былъ ученый Кротъ, и начиналъ сердиться.
 Кто сердится, тотъ виновать,
 Была пословица такая,
 Теперь у васъ пошла статья иная:
 Кто съ бранью сердится—тотъ правъ, и чуть не святъ. —
 Кротъ до того сердился
 И до того бранился,
 Что всѣ другіе червяки,
 (Не нынче—завтра мотыльки),
 На брата своего напали,
 И ретроградомъ обругали.

А тутъ случился грѣхъ—въ шести-семи шагахъ,
 Лягушка, будучи въ гостяхъ
 У Лопуха, свалилась вдругъ въ канаву,
 И начала пускать на славу
 Такіе пузыри,
 Что инда замигали фонари—
 И не отъ слезъ—отъ смѣха замигали,
 (Хоть и довольно далеко стояли)...

Итакъ, любезный, что ни говори,
 А если-бъ вдругъ моя статуя встала,
     Да зашагала,—
     Того смотри,

Всѣхъ до того бы напугала,
 Что всѣ бы отъ меня, куда попало,
     Драло!—

И я-бъ остался съ носомъ. Изъ того,
     Что дѣлается въ свѣтѣ—
     Я не узналъ бы ничего.

А тутъ, сердитый Шмель, и тотъ былъ на примѣтѣ:
 Я помню, въ эту ночь, на отсырѣвшемъ пнѣ,
     Онъ сѣлъ спиной ко мнѣ,
     И началъ въ тонѣ глухо-строгомъ
 Жужжать гостямъ, что онъ великій демагогъ,
     Что съ колыбели былъ онъ демагогомъ—

Боролся и писалъ—писалъ и изнемогъ,—
 Потомъ онъ говорилъ о загнанныхъ рабочихъ,
     Исподтишка
     Негодовалъ на право кулака,
     Однихъ бранилъ—плевать хотѣлъ на прочихъ;
 И я внималъ ему—внималъ какъ никогда.

Вотъ, думаю, теперь какіе господа!

И Шмель, и тотъ любви народной хочетъ,

Какъ попъ о попадѣ,
 Заботится о каждомъ муравѣ,
 О каждомъ муравейникѣ хлопочеть.
 Того гляди, что полетить
 По муравьинымъ городамъ и селамъ
 И, жертвуя собой, голодныхъ просвѣтитъ
 Чревоущательнымъ глаголомъ.
 Увы! лишь только Шмель окончилъ рѣчь свою,
 Откашлялся и громко плюнулъ,
 Какой-то Муравей уныло носомъ клюнулъ
 И сталъ шептать другому муравью:
 «Послушай-ка, никакъ Шмель долженъ намъ полтину,—
 «И такъ какъ мы съ тобой не прочь поѣсть, попить,
 «Нельзя ли, братецъ, попросить...»
 — Э! вѣтъ, братъ, ни за что!..
 — «А что?»
 — Огрѣть спину,—
 Дерется этотъ демагогъ,—
 Не любить, коли кто въ нуждѣ его тревожить;
 Рабочій людъ терпѣть его не можетъ.
 И попадись-ка онъ,
 Затѣйникъ,
 Въ какой-нибудь рабочій муравейникъ,
 Тамъ зададутъ ему порядочный трезвонъ...
 И оба муравья голодные спустились

Съ пенька въ траву — и тамъ росы напились;
 А Шмель сталъ уживать, шмелями окружень,
     И что-то много-много
     Распространялся о судѣ,
 О томъ, что правды нѣтъ нигдѣ;
 Но я уже не слушалъ демагога...—

Я думалъ;—но теченье этихъ думъ
 Внезапно порвалось.—Вверху, на липахъ сонныхъ,
     Туманною луною озаренныхъ,
     Я услышалъ великій шумъ.
 Сычь громко прокричала и пролетѣла надъ садомъ:
     Крылоплесканьями, какъ градомъ,
     Со всѣхъ сторонъ,
     Мгновенно былъ осыпанъ онъ
 Отъ совъ, и коршуновъ, и матерыхъ воронъ.
 Всѣ ждали онъ него ораторскаго слова.
 Сычь, фертомъ подбочась, сѣлъ въ теплое гнѣздо
     И молвилъ: — «Господа, защитника такого,
 «Какъ я, повѣрьте мнѣ, вамъ не найти другого...
     «Я всѣмъ кричу: демократія — зло!
 «Пускай цвѣтутъ верхи и пусть гниютъ коренья!
 «И думать, что идуть всѣ соки отъ корней,
     «Не значить ли опаснѣйшихъ идей
 «Быть предвозвѣстникомъ — о! это преступленье!

- «Подъ судъ, подъ судъ моихъ судьей,
 «Коли они другого мнѣнья!
 «По-моему, лишь только вы,
 «Мои друзья, почетнѣйшія птицы,
 «Одни должны, отъ береговъ Невы
     «И до китайской вплоть границы,
     «Зелеными садами обладать!
 «По гнѣзда мелкихъ птицъ отнюдь не разорять,
     «(Я либераль—всѣ это знаютъ.)
 «Итакъ, пусть коршуны цыплятъ оберегаютъ,
     «Пусть голубей хранятъ орлы,
         «И пусть степные соколы
 «Дроздамъ и ласточкамъ почтеніе внушаютъ.
 «Дрозды и Ласточки хоть грубы,—но не злы,
     «И несомнѣнно покорятся,
     «Коли на зло велѣніямъ судьбы,
         «На кольяхъ вашей городьбы
         «Да какъ-нибудь не просвѣтятся.
     «Отъ грамоты спаси ихъ Богъ!
     «Я-бъ приказалъ сажать въ острогъ
 «Того, кто-бъ захотѣлъ за школы ихъ приняться...
     «И вотъ что, господа,—повѣрьте мнѣ, пока
     «Не одолѣемъ мы проклятаго Жука,
     «Спокойствія не будетъ между нами,
 «Онъ, вѣрьте, всѣ сады подниметъ вверхъ корнями.—

«Итакъ, кричите, господа,
 «Пусть гибнетъ дерзкій Жукъ! пль—требуйте суда...»
 И птицы вновь захлопали крылами,
 Кричать: брависсимо! Вотъ спичь, такъ спичь!
 Вотъ Сычъ, такъ Сычъ!—
 Все это понялъ я;—но поясни, дружище,
 Кто этотъ Жукъ? Коли не сатана,
 Такъ это можетъ быть такой жучище,
 Что ростомъ превзойдетъ индѣйскаго слона!
 Быть можетъ съ хоботомъ, съ клыками,
 Такой что страхъ—не подходи!
 Иначе, самъ ты посуди,
 Какъ можетъ жукъ простой, не только вверхъ корнями
 Поднять старинный этотъ садъ,
 Со всѣми гнѣздами галчать,
 Но и одинъ пенёкъ чахоточной березы?!
 Не постигаю я, мой другъ, такой угрозы...
 Того гляди, что на Сыча—
 Оратора и либерала—станутъ
 Коситься, какъ на силача,
 И всѣ жуки, трусливо поворча,
 Жужжать по жучьи перестанутъ.

Я слышалъ въ эту ночь, и слышалъ заурядъ,
 Что о свободѣ всѣ пищать;

Но тамъ, гдѣ мода—лгать, хитрить и ненавидѣть, —
 Себя отстаивать, а истины не видѣть,—
 Гдѣ лицемеръ и тотъ вездѣ—
 Лишь объ одной кричить враждѣ,—
 Тамъ нѣтъ широкаго познанія природы,
 Тамъ честной правды нѣтъ, и нѣтъ святой свободы...

Но слушай! — чувствую, въ Невѣ свѣтлѣють воды,
 И въ золотой, сіяющей грядѣ
 Далекихъ звѣздъ померкли голубые
 Лучи, любимые мои,

Для васъ бездушныя, а для меня живыя,
 Какъ искры самой пламенной любви.

Не долго буду я бесѣдовать съ тобою;
 Но прежде чѣмъ мой духъ умчится въ небеса,
 Повѣдай, — не таи, дружнице, предо мною,
 Что дѣлаетъ Кума-Лиса?

О чемъ теперь ревуть Медвѣди? Сыты-ль Волки?
 Какіе въ царствѣ ихъ звѣриномъ идутъ толки?

И если эти господа

Все такъ же крадутъ медъ, все такъ же куръ таскаютъ,
 Или съ овецъ по шкуркѣ въ годъ собираютъ, —

Хотятъ ли гласнаго суда,

Или, попрежнему, Слона на воеводство?

Такъ какъ высокородный Слонъ
 Скорѣй хвостомъ прижметъ карающій законъ,
 Чѣмъ усомнится въ ихъ звѣриномъ благородствѣ.

Все это я хотѣлъ бы знать!

Вѣдь Лѣтній садъ еще не вся Россія;

Нашъ Шмель—далеко не мессія,

И не вездѣ Сычу такая благодать...

Судя по здѣшнему—Осель, Козель, Мартышка,

Да косоланый Мишка,

Опять затѣяли квартетъ...

Скажи, — ужели цѣлый свѣтъ

Такую музыку донинѣ поднимаетъ,

Что мой квартетъ напоминаетъ!

Откуда эта дребедень?

Не растолкуешь ли — пока не вспыхнулъ день,

Пока заря еще въ туманъ одѣта?..

Иль, чуя на своемъ лицѣ зарю отливъ,

Ты самъ, какъ заяцъ, сталъ трусливъ,

И старику не дашь отвѣта?

Иль, на мою бѣду,

Все то, что слышалъ я въ саду,

Тебя ничуть не занимаетъ?

Или тебя страстишка одуряетъ?

. . . . .

Чу! кто-то сталъ вдали неистово свистать—

Я слышу дальній гулъ — колеса всё — колеса!

А вонь, и солнце сквозь тумань,

Какъ истина, мелькая сквозь обмань,

Надъ нашею столицей поднялося,

Бросая тѣни здѣсь и тамъ,

По чердакамъ и площадямъ;

Его глазъ огненный въ окошки смотреть косо:

Его нпчѣмъ неотразимый взглядъ

Уже проникъ въ сады, уже проникъ въ чертоги—

И пурпуромъ блеститъ зеркальныхъ стеколъ рядъ,

Какъ будто черезъ нихъ на улицу глядятъ

Въ вѣнцахъ проснувшіеся боги!

А между тѣмъ, тамъ—пыльные столбы

Идутъ изъ-за гардинъ на золото рѣзбы,

И только стѣны день встрѣчаютъ!

Безлюдны залы,—пусть альковъ,—

Покрыть чехлами желтый штофъ;

Картины, мраморы... ихъ также покрываютъ

Колелемая вѣтромъ простыни;

Тамъ роскошь обнялась съ унылой пустотою,—

А улицы шумятъ бездушной суетою...

Вотъ лѣтній Петербургъ!..

Что, если-бъ не они —

Не тѣ малютки, что гурьбою

Сбѣгаются играть вокругъ меня порою!

И я бы, чай,
 Скучалъ на этомъ пьедесталѣ...

— Дѣдушка, куда ты? хотѣлъ я сказать, раскрылъ глаза и, словно испуганный, поднялъ голову. Шляпа моя скатилась подъ скамейку; но я долго не поднималъ ее, долго не сводилъ глазъ моихъ съ лица монументальнаго дѣдушки. Монументъ, какъ монументъ!.. Нельзя было даже вообразить себѣ, чтобъ этотъ бронзовый, серьезный старикъ—могъ хоть одну минуту говорить, мыслить и чувствовать

Утро во всемъ блескѣ сіяло, и моихъ ночныхъ галлюцинацій, такъ же какъ и ночныхъ тумановъ, слѣдъ простыль. Но я былъ еще подъ ихъ вліяніемъ. Лихорадочное чувство, какъ мурашки, ползало по спинѣ моей; мысли путались, мучила жажда, хотѣлось домой.

Казалось, вчерашней страсти не было и въ поминѣ: отъ нея оставалась на душѣ только какая-то горечь, какъ на языкѣ послѣ неудобоваримаго ужина. Разказы дѣдушки не уложились еще въ головѣ моей, бродили какъ-то безпорядочно, въ отрывкахъ, и я не скоро могъ настолько припомнить ихъ, чтобъ записать.

Желая согрѣться, я всталъ и пошелъ направо. Ворота еще были заперты. Сторожа меня замѣтили, я завернулъся въ пледъ и повернулъ налево.

Гдѣ-то, надъ вершинами сада, каркалъ вѣронъ, чилигали

воробья, мимо носу моего пронеслось какое-то насѣкомое,— не то большая муха, не то оводъ,— на дорожкѣ, около самой куртины, увидалъ я небольшую норку...

— Чтѣ вы тутъ? Откуда проявились?! закричалъ на меня кто-то сзади. Оглянулся, и вижу, въ двухъ шагахъ—сторожъ, отставной солдатъ: глаза недоувѣрчиво строгіе, носъ спытый, голосъ вѣжливо-грубый, на груди медаль...

— Пить ли, братецъ, у тебя спички, смерть курить хочется.

Солдатъ, не переставая хмуриться, сталъ молча по всѣмъ карманамъ искать для меня спички... Нашелъ одну, заназилъ, — потухла, нашелъ другую, нагнулся, сталъ ею шаркать...

Въ это время ворота отперли.

— Не нужно, не хлопочи, любезный, я закурю на пристани...

И, съ измятой, незакуренной папирсой въ зубахъ, я вышелъ на улицу.

Солдатъ какъ будто спохватился, что не успѣлъ меня выругать, и сталъ ругаться.

Разумѣется, эта запоздалая, на вѣтеръ пускаемая брань меня нисколько не потревожила; но вочевать другой разъ въ садъ не желаю, вовсе не желаю, развѣ по какому-нибудь очень счастливому случаю...

Въ концѣ сороковыхъ годовъ.

(Изъ поэмы «Братья»).

МЕЧТЫ И ВЕСЕЛЫЕ ПРОВОДЫ.

Для юношей-художниковъ все мило —
 И розы, и крапива; всѣ они
 Мечтатели, и сердцу ихъ постыло
 Все, что влечетъ къ расчету въ наши дни;
 Случайными удачами богаты,
 Они безпечны, горды, простоваты,
 То ненавидятъ всѣхъ, то любятъ всѣхъ,
 То съ грустью смотрятъ на чужой успѣхъ,
 То восторгаются. Есть исключенья...—
 Но мой Игнатъ отчасти былъ таковъ:
 То изнывалъ безъ вѣры въ Провидѣнье,
 То въ чудеса повѣрить былъ готовъ.

Порой не выносилъ онъ блеска, шума,
 Порой балы въ собраньяхъ посѣщалъ;
 Но и тогда томительная дума

Его не покидала: онъ блуждалъ
 Разсѣянно, на вѣтренныя рѣчи
 Не отвѣчалъ, казалось, новой встрѣчи
 Искать глазами; но чего хотѣлъ?
 Чего искалъ? сказать бы не сумѣлъ,—
 Быть-можетъ, взгляда, полнаго вниманья,
 Быть-можетъ, лучезарной красоты,
 Достойной клятвъ, мольбы и обожанья,
 Быть-можетъ, воплощенія мечты,—

Возвышенной мечты, ему неясной.
 Никѣмъ любимъ онъ не былъ, несмотря
 На то, что юности его, опасной
 Для юныхъ дѣвъ, румяная заря
 Сіяла пробуждающимъ разсвѣтомъ,—
 Въ Москвѣ никто ни лаской, ни привѣтомъ,
 Его нѣмой тоски не разогналъ.
 Недаромъ онъ мечтой перелеталъ
 На дальній югъ, за снѣжныя вершины:
 «Тамъ—думалъ онъ—монументальный Римъ,
 И лавры, и фонтаны, и руины,
 И—бредилъ онъ,—тамъ буду я любимъ...

«Тамъ късть Брюлова молніи съ вулкана
 Похитила, тамъ—Гоголь создавалъ

Намъ типы мертвыхъ душъ, тамъ—Іоанна
 Крестителя Ивановъ созерцаль...
 Тамъ, думаль онъ, источникъ вдохновенья...
 Туда, туда! Создатель, дай терпѣнья!
 Не выношу я жизни мелочной,
 Холодной, грязной, вялой и тупой...»
 И вотъ уже отъѣздъ его назначень,
 И вотъ ужъ братъ зоветъ его кутить.
 Игнатъ мой радъ, взволнованъ, озадаченъ,
 На все готовъ, всѣмъ хочеть угодить.

Кутить въ Москвѣ неловко показалось,
 По случаю великопостныхъ дней,
 И за городъ, по ихъ слѣдамъ, помчалось
 Семь троекъ, семь ямскихъ большихъ саней.
 Минуя Триумфальныя ворота,
 Летить стремглавъ веселая забота,
 И ночь, и вихрь навстрѣчу ей летять,
 На хомутахъ бубенчики звенять,
 Разбрасывая снѣгъ, стучать подковы,
 Подъ шапками торчатъ воротники,
 И слышенъ смѣхъ и говоръ: «что вы! что вы
 «Шалите!» и—въ ногахъ лежать куклы.

Ночь бѣлая на нихъ сквозь сонъ глядѣла,

При лунномъ свѣтѣ падала мятель,
 И у Игната (видно, кровь кипѣла)
 Распахивалась теплая шинель.
 Вотъ дача: въ залѣ музыка играетъ,
 Не топлень залъ, но это помогаетъ
 Гостямъ рѣзвѣ быть, вину—пьянѣй.
 Всѣхъ впереди шумитъ Алеша: Геи!
 И множество свѣчей, (мѣстами сальныхъ),
 По ломбернымъ столамъ кругомъ зажглось,
 И, внемя завыванью скринокъ балныхъ,
 Слетѣли съ дамъ салоны.—Началось!—

Тутъ были двѣ цыганки, двѣ сестрицы,
 И Даша, первой молодости цвѣтъ,
 И Пелагея, прямо изъ больницы
 Махнувшая къ Алешѣ на банкетъ;
 Тутъ докторъ медицины былъ, съ гитарой
 На алой лентѣ; тутъ, гуляя съ парой
 Румяныхъ грацій, толстый казначей
 Забылъ, что онъ трехъ взрослыхъ дочерей
 Плѣшивый папенька; тутъ полицейскій
 Какой-то шляпку женскую надѣлъ;
 Студентъ ораль: «быть нѣтъ не быть!» армейскій
 Корнетъ игралъ Офелію и пѣлъ...

Все было глупо, шумно и безпечно;
 Игнать былъ въ этомъ мірѣ новичокъ;
 Онъ, можетъ быть, и тронуть былъ сердечно,
 Но предпочелъ забраться въ уголокъ;
 То улыбался онъ, то брови хмурилъ:
 Какой-то балагуръ съ нимъ балагурилъ,
 Какой-то литераторъ подъ хмелькомъ
 Ему шепталъ съ таинственнымъ лицомъ:
 «Ты гений, гений! Вѣрь ты мнѣ, всѣ шансы
 «На сторонѣ успѣха—будемъ пить...»
 Распущенность! въ тебѣ есть диссонансы,
 И музыкой ихъ врядъ ли заглушить!

И трезвая душа ихъ чутко слышать,
 И хочется заплакать ей, когда
 Хрипливый смѣхъ въ лицо ей спиртомъ дышитъ
 Или развратъ, подъ маскою стыда,
 Стараются въ любви ее увѣрить.
 Какъ юноша, не могъ онъ лицемѣрить,—
 Чтобъ позабыться, лишнее онъ пилъ,
 И все-таки былъ видимо унылъ.
 Уже предъ нимъ за бѣшенымъ канканомъ
 Послѣдовалъ трепакъ—гудѣлъ, дрожалъ
 Паркетный полъ. Въ азартѣ полуныномъ
 Иной плясалъ, иной рукоплескалъ.

И подь шумокъ, въ ту залу проскользнула
 Невѣдомая гостья; на нее
 Одна лишь Даша искоса взглянула,
 И мысленно спросила: «это чье
 «Сокровище явилось?»... Гостья, вѣя
 Ночною влагой, какъ ночная фея,
 Попавшая къ сатирамъ на банкетъ,
 Дрожала, и не мудрено: паркетъ
 Гудѣлъ, трещалъ, Алеша мчался, топалъ,
 И развѣвались волосы его,
 И «браво!» «браво!» каждый вылъ и хлопалъ,
 Лишь братъ молчалъ, любуясь на него.

А гостья шла, и зимней ночи хлодъ
 Лежалъ румянцемъ на ея лицѣ;
 Румянецъ этотъ былъ, какъ утро, молодъ
 И свѣжъ, какъ роза въ свадебномъ вѣнцѣ;
 Прильнувшія къ ея кудрямъ снѣжинки
 Растаяли въ алмазы; до косынки,
 До самыхъ плечъ ея, со всѣхъ сторонъ
 Спадали кудри, русыя, какъ лень;
 Ея глаза не измѣняли цвѣта,—
 И при свѣчахъ ясна была лазурь,—
 Лазурь, напоминающая лѣто
 Въ дни жаркіе безъ пыли и безъ бурь.

Въ лиловомъ платьѣ, съ лентой надъ проборомъ,
 Въ надорванныхъ перчаткахъ, шла она,
 Скользя по лицамъ неспокойнымъ взоромъ,
 И постепенно дѣлалась блѣдна.
 Ея никто не зналъ; но что за дѣло
 До незнакомыхъ грацій тамъ, гдѣ смѣло,
 Безъ всякихъ разсужденій, всякій могъ
 Дѣвицу пригласить на вечерокъ!
 Въ ея чуть подвижныхъ и тонкихъ бровкахъ
 Чуть-чуть сквозила... (какъ бы это вамъ
 Сказать?..) та смѣлость, что въ иныхъ плутовкахъ
 Такъ нравится печальнымъ острякамъ.

Въ ней было артистическое что-то,
 Какою-то умильной простотой
 Прикрытое кокетство (иль забота
 Владѣть другими такъ же, какъ собой).
 Она была или актриса, или
 Одна изъ тѣхъ, которыхъ вы любили
 Съ безсовѣстной надеждой на успѣхъ,
 Толкали въ грязь, и золотили грѣхъ
 Наслѣдственный наслѣдственнымъ карманомъ.
 Что привело ее на сей банкетъ?
 Боязнь найти измѣну въ другѣ пьяномъ,
 Иль жажда веселиться въ двадцать лѣтъ?

Игнать не могъ не обратитъ вниманья
 На эту гостью. Никого она
 Не поражала; но очарованья
 Невыразимаго была полна.
 Она его пронзила томнымъ взглядомъ,
 Прошла, сняла перчатку, сѣла рядомъ,
 Съ усильемъ не глядѣла на него,
 Задумалась, Богъ знаетъ отчего,—
 Съ Алешей, кажется, переглянулась;
 Тотъ молча отошелъ, шепнулъ двумъ-тремъ...
 Студентъ вздохнулъ, цыганка улыбнулась,
 И гости ихъ оставили вдвоемъ.

Кто съ кѣмъ заговорилъ, ужъ я не знаю.
 Кокетливый, но скромный разговоръ
 На прозу я легко перелагаю;
 Но какъ поймать въ размѣръ невинный вздоръ!
 Ихъ разговоръ, однакоже, по счастью,
 Сталъ понемногу проникаться страстью.
 Къ его плечу припавши головой,
 Какъ голубокъ къ стѣнѣ ему родной,
 Она его о чемъ-то умоляла.
 Онъ долго, долго отвѣчать не могъ;
 Но все больнѣй, въ чаду и въ шумѣ зала,
 Звучалъ ея пѣвучій голосокъ.

— «Глазамъ не вѣрю: Господи! ужели
 «Все это бредъ и больше ничего!..»
 И слушалъ онъ, ему надъ ухомъ пѣли:
 «А помнишь, помнишь, мимо моего
 «Окна ты шелъ и я тебѣ кивала!»
 — «Окна! какого?!» — «Помнишь, я гуляла
 «Съ тобой по маскараду и—любить
 «Клялась...» — «Когда?!» хотѣлъ ее спросить
 Игнатій; но тревожный умъ терялся,
 И замиралъ въ устахъ его вопросъ:
 Позвали къ ужину,—онъ отказался,
 И братъ ему шампанское принесъ.

Шампанское! ты страсти убиваешь
 У гастронома, да у старика,
 Но въ юности ты пламя раздуваешь,
 И дѣлаешь пожаръ изъ огонька.
 Игнать мой пьетъ и чокается съ нею,
 И ей клянется, и зоветъ своею
 Возлюбленной, душой души своей,
 И плачетъ, и цѣлуетъ руки ей,
 Благодарить ее,—весь пылъ и трепеть,—
 За чтò?!—за то, что въ жизни въ первый разъ
 Его души коснулся страсти лепеть.
 Заря любви ужели занялась,—

И занялась предъ самую разлукой?!
 Все, все, о чемъ безумно онъ мечталъ,
 Ужежъ окончится безумной мукой?
 Ужь гаснуть свѣчи, блѣденъ дымный залъ,
 Зари играютъ золотыя струйки
 По отпотѣвшимъ стекламъ; шубы, чуйки,
 Салоны разбираются гостями...
 Чу! Тройки скачутъ. «Гдѣ же, чортъ возьми,
 «Мои калоши?» слышенъ голосъ сонный.
 — «Прощай, Игнатъ!» — И, стоя на крыльцѣ,
 Какъ призракъ блѣдный, какъ дитя влюбленный,
 Онъ утираетъ слезы на лицѣ.

Стоитъ съ открытой грудью... «Улетѣла!
 «И я—не полетѣлъ за ней вослѣдъ!
 «Влюбленъ, люблю,—и никому нѣтъ дѣла!
 «Любимъ,—и никакой надежды нѣтъ!
 «Разлуки ночь—въ ночь перваго свиданья!
 «За чтò, за чтò такое наказанье!»
 Алеша могъ утѣшить бы его,
 Но самъ глядѣлъ на брата своего,
 Какъ сильно пьяный, мутными глазами,
 И, будь онъ трезвъ—кто знаетъ? можетъ быть,
 Успѣлъ бы онъ двумя-тремя словами
 Все рассказать и бездну обнажить...

Ужъ по снѣгамъ, слѣдамъ ночной мятели,
 Давно струилась розовая мгла,
 Вдали кресты церквей, какъ пламя, рдѣли,
 И разносили звонъ колокола.
 Они поѣхали... домой, конечно;
 Веселіе, какъ ночь, недолговѣчно,
 Пора имъ вывѣтрить хмельной угаръ.
 Ихъ дома ждетъ прислуга, самоваръ
 И чемоданы. Но никто не знаетъ
 Своей судьбы, встрѣчая новый день,
 И, если счастье впереди сіяетъ,
 Несчастье слѣдомъ гонится, какъ тѣнь.

Плавстрѣчу нашимъ братьямъ, просыпаясь,
 Встааетъ Москва. Ихъ пошевни летятъ,
 Летятъ. То упираюсь, то качаясь,
 «Валяй!» кричитъ съ-просонья старшій братъ.
 Игнатій свѣжъ, но нравственно измученъ,
 Его картузь сердито нахлобученъ.
 Вотъ, брата обнялъ онъ одной рукой
 И мысленно прощается съ Москвой;
 Вотъ, онъ глядитъ вдоль сѣраго забора,
 И видитъ уголь дома своего.
 Но изъ Москвы онъ вырвется не скоро,
 И дилижансъ укатить безъ него...

Вотъ (помнилъ онъ), визжа, хвостомъ виляетъ
 Барбоска; няня старая съдой
 Головушкой съ любовью припадаетъ
 Къ его плечу: «Эхъ, ты, кормилецъ мой,
 «Всю ночь ждала... Безпутная башка-то,
 «Какъ нализался!.. Господи! когда-то
 «Увижусь я съ тобой, дитя мое!
 «Забудешь, чай! А я твое бѣлье
 «И платье уложила.—Все сдается,—
 «И не увидимся—охъ-хо, хо-хо!»
 Но изъ Москвы не скоро онъ урвется,
 И дилижансъ укатить безъ него...

МАЛЕНЬКАЯ НЕПРІЯТНОСТЬ.

Игнать Москву конечно бы покинулъ—
 И, такъ сказать, ужъ парусъ поднять былъ,—
 Какъ вдругъ его ладью шквалъ на мель кинулъ,
 И темною волною окатилъ.
 Игнать уже къ отъѣзду уложился,
 Разсѣянно на образъ помолился,
 Въ послѣдній разъ облобызавъ отца,—
 Ужъ ждалъ его извозчикъ у крыльца,

Алеша провожать его собирался,
 И освѣжалъ водой свой сонный ликъ.
 Какъ вдругъ, въ передней, сабли стукъ раздался,
 И замелькалъ жандармскій воротникъ.

И свой арестъ Игнатъ мой помнить живо;
 Но за него я долженъ вамъ сказать,
 Что въ оны дни никто-бъ не счелъ за диво,
 Что вздумали его арестовать.
 То было время,—время роковое:
 За старый строй, за право крѣпостное
 Дрожа, одни представили себѣ,
 Что на Козихѣ, или на Трубѣ,
 Того гляди, затѣять баррикады;
 Другихъ смутилъ осиротѣвшій тронъ
 Луи-Филиппа. Слухи и тирады
 Газетныя встревожили нашъ сонъ.

Парижъ кипѣлъ, народы волновались,
 Одни лишь мы, въѣ всякихъ бурь и грозъ,
 И мыслями, и чувствами сливались
 Какъ бы въ одинъ безтрепетный колоссъ.
 Святая Русь ни бури той, ни воя
 Не слушала, спиной къ Европѣ стоя.
 (Не все читалъ въ газетахъ высшій свѣтъ,

Народъ же вовсе не читалъ газетъ.)
 И, вдохновясь безтрепетнымъ колоссомъ,
 Не ради рюмъ, не ради звучныхъ строфъ,
 Тогда поэтъ сравнилъ его съ утесомъ
 На рубежѣ бушующихъ валовъ *).

Поэта бредъ былъ многимъ провѣренъ
 Съ тѣмъ, что другіе видятъ наяву,
 Утесъ, какъ мощный образъ, такъ былъ вѣренъ,
 Что умилялъ и радовалъ Москву.
 (Въ одномъ лишь клубѣ, кто-то очень тихо
 Замѣтилъ: «радъ, что вздули Меттерниха»,
 Но и такой анти-австрійскій духъ
 Въ тѣ дни не смѣлъ бы радоваться вслухъ.)
 И все-таки нашлись и повліяли
 На всѣ дѣла такіе мудрецы,
 Что нашъ колоссъ отъ комаровъ спасалъ,
 (То были все отечества отцы).

Былъ глупый случай (кой-кому желанный):
 Въ одной кофейной кто-то кофе пилъ,
 И на поляхъ газеты иностранной

---

*) Но огненный змѣй преломилъ свое жало,
 И весь невредимый грохочеть утесъ.

Бенедиктовъ.

Карандашомъ три слова начертилъ
 Весьма непозволительнаго свойства:
 Въ порывѣ легковѣрнаго геройства
 Онъ пожелалъ, безумецъ, чтобъ Москва
 Вдругъ сдѣлалась Парижемъ!! Какова
 Исторія! въ Парижѣ во емъ воетъ
 Не шкваль, а ураганъ; разбить компасъ,
 Оторванъ руль; а онъ гримасу строитъ,
 И что же писать? «Жаль, что не у насъ!»

И этотъ кто-то,—какова отвага!
 Какъ и другіе, вышелъ изъ дверей;
 Но такъ какъ беспардонная бумага
 Выносить все, что ни пиши на ней,
 Не онъ попался, а она попалась—
 И — караулъ! Начальство заметалось—
 Пошло писать! — Погромъ и суета!—
 Курьеры скачутъ! Мигомъ заперта
 Кофейня. (Ставни, болты и печати...)
 И самъ кондитеръ — гдѣ тутъ разсуждать!—
 Ужасно струсилъ; радъ, какъ благодати,
 Что подали надежду взятку взять.

Искали долго — не нашли писаки;
 Но тотъ, кто въ это утро кофе пилъ

Въ кондитерской, записанъ въ забяки.
 И даже тотъ подозрѣваемъ былъ,
 Кто карандашъ съ собой носилъ въ карманѣ;
 Какого-то вряля поймали въ банѣ...
 Москва разахалась, — и нашъ Игнатъ
 Попалъ не въ дилжансъ, а въ каземать.
 Въ то утро, какъ свершилось *преступленье*,
 Онъ — донесли — кофейню посѣщаль,
 Купилъ себѣ какого-то варенья
 И, уходя, кондитеру сказалъ:

«Я ѣду въ Римъ, у васъ родныхъ тамъ нѣтъ ли?
 «Я отвезу, пожалуй, коробокъ».

Изъ этихъ словъ сплели такія петли,
 Что мой герой, какъ чижъ, попалъ въ силокъ.
 Его въ кофейной знали, какъ артиста,
 И не могли принять за афериста,
 И стало-быть смекнули, что при немъ
 Былъ карандашъ съ готовымъ остріемъ.
 Кого-жь и взять?

Игнатій растерялся,
 Клялся, божился, честью увѣрялъ,
 Ну, словомъ, какъ преступникъ запирался;
 Но тайный судъ его не выпускалъ.

Пока Алеша по Москвѣ метался,
 Разспрашивалъ, куда дѣвался братъ,
 Да въ разныхъ канцеляріяхъ справлялся,
 Да клаялся властямъ — увы! Игнать,
 Не уличенный, но приговоренный,
 Лишь могъ въ окно глядѣть на дворъ казенный,
 На стойло для курьерскихъ лошадей,
 На караульню, да на голубей,
 Слетавшихъ съ кровли на помость дощатый...
 Могъ отъ порога до стола шагать,
 Могъ, наконецъ, къ подушкѣ на примятый
 Матрацъ прилечь, да съ горя задремать.

Вотъ все, что могъ на первый разъ Игнатій!
 Судьбу свою онъ проклиналъ иль нѣтъ,
 Не знаю, — не слыхалъ его проклятій;
 По не безъ ужаса на Божій свѣтъ
 Взглянулъ Игнать. Москву возненавидѣлъ,
 Былъ раздраженъ, суду конца не видѣлъ,
 Просилъ пера, чернилъ, хотѣлъ писать...
 Боялся свой разсудокъ потерять...
 Поднявъ окно, протягивалъ онъ руки
 На вольный воздухъ, и не разъ сжималъ
 Холодную рѣшѣтку, словно муки
 Своей души желѣзу повѣрялъ.

Онъ испыталъ допросы, рукъ сличенья,
 И ласки тѣ, въ которыхъ слышенъ былъ
 Намекъ и на возможность снисхожденья,
 И на возможность петли. Онъ забылъ
 Все это. Такъ, мы часто забываемъ
 Нашъ кошмаръ, когда встаемъ и знаемъ,
 Что незачѣмъ трудиться объяснять,
 Какъ это мы не въ силахъ были встать,
 Придавленные призракомъ къ постели;
 Но помнилъ онъ, какъ пламенно ждала
 Его душа свободы, какъ летѣли
 Часы и дни, какъ наконецъ пришла

Ночь Свѣтлаго Христова Воскресенья.
 Въ Кремлѣ Иванъ Великій загудѣлъ.
 Игнать не спалъ,—смирять свои сомнѣнья,
 Молился; но все тотъ же мракъ глядѣлъ
 Изъ-за рѣшетокъ въ мутныя окошки
 (Казенный дворъ не озаряли плошки);
 Торжественно лился полночный звонъ,
 И долго, долго, лёжа, слушалъ онъ,
 Какъ колебались эти волны гула.
 И въ то же время, слушалъ, какъ прошли
 Солдатики на смѣну караула,—
 То были звуки неба и земли...

Прошла Святая, наступило лѣто,
 И сталъ онъ чувствовать, что за окномъ
 Желѣзная рѣшѣтка разогрѣта
 Уже не имъ, а солнечнымъ лучомъ.
 А дѣло шло, неслышно разъяснялось,
 И узнику, должно быть, улыбалось...
 Ему позволили читать, писать
 И отъ родныхъ посланки получать.
 Записки отъ Алеши присылались
 Не иначе, какъ въ нитяныхъ носкахъ,
 Они его сердечныхъ тайнъ касались,
 И онъ читалъ ихъ не при сторожахъ.

Впервые былъ онъ откровененъ съ братомъ,
 И «кто она?» въ письмѣ его спросилъ.
 Увы! Злой рокъ смѣялся надъ Игнатомъ,
 Мечтателя онъ въ немъ не пощадилъ.
 Братъ отвѣчалъ, и вотъ что, между прочимъ,
 Писалъ ему:

«Мы о тебѣ хлопочемъ,
 «Отецъ угрюмъ, я трачусь—толку нѣтъ;
 «Но ты желаешь знать, кто твой предметъ?
 «Ты это отъ меня сейчасъ узнаешь...
 «Затѣявши пикникъ, чтобъ покутить,
 «Смекнулъ я, что ты въ карты не играешь,
 «Бракуешь грацій и не мастеръ пить.

«Итакъ, чтобъ не заслужь ты на прощанье,
 «Я для тебя Раису пригласилъ,—
 «Погибшее, но милое созданье,
 «Которое когда-то я любилъ.
 «Въ своемъ кругу она аристократка,
 «Затѣи любить, и не безъ задатка
 «Быть нѣкогда принцессой; ибо въ ней
 «Сидить бѣсенокъ и толкуеть ей
 «Съ утра до вечера, какъ нарядиться:
 «Роскошно или бѣдно, что сказать,
 «Съ кѣмъ пококетничать, въ кого влюбиться,
 «Чѣмъ кончить день, зѣвать или не зѣвать?

«Я пригласилъ. Раиса не сказала
 «Ни «да», ни «нѣтъ», и вотъ, любезный братъ,
 «Чтобъ все мое старанье не пропало,
 «Я вздумалъ съ ней побиться объ закладъ.
 «И знаешь ли, о чемъ я съ ней побился?
 «Что ты въ нее никакъ бы не влюбился,
 «И что изящный вкусъ твой такъ развитъ,
 «Что надо быть богинею на видъ,
 «Чтобъ сразу заслужить твое вниманье.
 «Брани меня, голубчикъ, виновать,
 «Я подзадорилъ милое созданье.
 « — Приѣду, говорить,—а въ чемъ закладъ?..

«Фунтъ шоколаду». — «Хорошо, прїѣду!»
 «И, чортъ возьми! чего не ожидалъ:
 «Въ мятель примчалась одержать побѣду!..
 «И я фунтъ шоколаду проигралъ.
 «Правдивая душа! Я понимаю,
 «Что я тебя немножко огорчаю:
 «Но ты меня, душа, не огорчай,
 «Люби ее, да только не страдай.
 «Она теперь съ откупщикомъ въ союзѣ,
 «Наивная и скромная на видъ,
 «Я видѣлъ самъ, въ широкой ходить блузѣ,
 «И за двоихъ имѣеть аппетитъ.

«Не спорю, братъ, изящная Райса
 «Прелестна, какъ сто двадцать пять чертей!
 «Теперь она на дачѣ. Изъ Тифлиса
 «Чудакъ одинъ волочится за ней,—
 «Тотъ самый, что на-дняхъ одной спльфидѣ
 «Мороженную кошку, въ трезвомъ видѣ,
 «На сцену бросилъ; я-бъ расцѣловалъ,
 «Его за это одолженье...»

Такъ писалъ
 Алеша къ брату. Мой Игнатъ смѣялся,
 Но горькимъ смѣхомъ, и когда въ отвѣтъ.

Писалъ къ Алешѣ, сильно выражался,
Какъ ложью возмущаемый поэтъ.

Въ тѣ дни одна поэзія спасала
Отъ пустоты и пошлости,—она
Одна кой-что внушала, врачевала,
Хоть и сама подчасъ была больна;
Ея болѣзненные вдохновенья
Пророчили намъ дни выздоровленья,
И каждый сразу понимать привыкъ
Ея метафорическій языкъ.
Никто не разумѣлъ подъ словомъ «лира»
Какой-то инструментъ, а престо строй,—
Извѣстный строй души. Еще сатира
Не думала глумиться надъ душой...

Теперь разсудка мелочной анализъ
Мы примѣнили къ языку страстей,
Мы поняли, что глупо выражались.
Погасни, сердце! Лирою моею
Не дорожу. Коли не нужно, къ чорту!
По узникъ мой, принадлежавшій къ сорту
Художниковъ, былъ юнъ и одаренъ
Живымъ воображеньемъ; вотъ какъ онъ
Писалъ къ Алешѣ:

«Братъ, отбрось сомнѣнье!

«Любовь моя мертва, погребена,
«Отпѣта... но, какъ злое привидѣнье,
«Преслѣдуетъ въ минуты полу-сна...

«Искалъ я вверхъ идущія ступени,
«Грядущій образъ истины, и что-жь?!
«Средь празднои роскоши, тоски и лѣни,
«Тотъ ангелоподобный образъ—ложь!
«Ты тѣшишься, а я изнылъ отъ боли.
«Не хлопочи, я радъ моей неволѣ...
«Къ чему свобода!..»

Такъ писалъ Игнатъ.

И это сущій вздоръ, чтобъ онъ былъ радъ
Неволѣ; но душевное разстройство
И въ прозѣ выражается темно:
Что дѣлать! у страстей такое свойство,
Таковъ языкъ,—и это ли смѣшно?

Смѣялся ль я, когда встрѣчалъ въ журнальной
Полемикѣ горячя мѣста?
Смѣшонъ ли ты, поэтъ врагъ реальнй,
Папгъ публицистъ, когда твои уста,
Въ пылу себялюбивыхъ вдохновеній,
Полны чудесныхъ олицетвореній,

Когда «лукошки», «мошки» и «стрижи»
 Такъ и мелькають? Тутъ холодной лжи
 Нѣтъ ни на каплю, мелочное чувство
 Такъ горячо, что *образно звучитъ*:
 Ликуй, лиризмъ! журнальное искусство
 Лзвить врага съ тобой вошло въ зенитъ.

Прошелъ июнь, июль. Игнатъ обжился
 Въ своихъ стѣнахъ, освоился, притихъ,
 Кой съ кѣмъ изъ полицейскихъ подружился
 И доставалъ при этомъ кучу книгъ:
 Прочелъ Лам'не, Капфига, Луя-Блана,
 Фурье, Токвиля, Сю два-три романа,
 Да запрещенныхъ вѣсколко брошюръ,—
 Соль политическихъ карикатуръ
 Сталъ ощущать: событія въ Парижѣ
 Впервые уяснились передъ нимъ,
 Въ своей тюрьмѣ онъ сталъ къ Европѣ ближе,
 Чѣмъ дома; но—мы это пояснимъ.

Къ Игнату былъ приставленъ полицейскій,
 По части наблюденій; хотъ и бралъ
 Онъ взятки, но такой ужъ тактъ житейскій
 Былъ у него, что многимъ угождалъ.
 По чуткости и смѣтливости—геній,

Изъ разныхъ подъ рукою послабленій
 Онъ мигомъ догадался, что Игнать
 Окажется совсѣмъ не виновать,
 И заключилъ, что надо приласкаться;
 «Э! думаль:—мастеръ виды малевать...
 «Изъ дружбы, даромъ, долженъ постараться
 «Съ моей жены портретикъ написать.»

Онъ разныя любовныя интрижки
 Разсказывалъ Игнату, чай съ нимъ пилъ,
 И отъ своей жены въ карманахъ книжки
 Французскія тихонько пронесилъ
 (То были все отобранныя гдѣ-то
 И у кого-то). Миновало лѣто,
 Настала осень, и въ одинъ сырой,
 Холодный день мой узникъ и герой
 Почувствовалъ, что весь онъ на свободѣ,
 Съ руками и ногами,—и,
 Счастливейшее существо въ природѣ,
 Бѣжалъ, не слыша подъ собой земли.

Нашелся ли наивный сочинитель
 Трехъ глупыхъ словъ, и праведный законъ
 Достигъ ли цѣли, яко охранитель,—
 Не знаю, но Игнатій былъ *прощень*.

Какія думы или впечатлѣнья
 Онъ вынесъ въ головѣ изъ заточенья
 (Съ весны до сентября), или какихъ
 Идей понабрался изъ разныхъ книгъ?—
 Не знаю, но домой онъ воротился
 Уже не тотъ... не вѣшалъ головы,
 Когда старикъ отецъ его сердился
 И говорилъ: «Попался! изъ Москвы

«Не выпущу...»—«Уѣду!» возражалъ онъ.
 Спѣшилъ работать, въ моду сталъ входить:
 Уже Москва старушка, замѣчалъ онъ,
 Ему, какъ внучку, стала ворожить:
 Таинственно сосѣдка улыбалась,
 Дѣвицы встрѣчь искали, собиралась
 Атаковать его со всѣхъ сторонъ
 .Любовь эманципированныхъ женъ,
 И недруги, и други руку жали,
 Какъ будто онъ ихъ чѣмъ-то одолжилъ:
 «Сидѣлъ, несчастный!» всюду повторяли,
 «Чуть-чуть-было въ Сибирь не угодилъ!»

О, публика! какъ часто ты любила,
 Прислушиваясь къ музыкѣ оковъ,
 Творить героевъ: ты производила

Не разъ въ герои даже пошляковъ,
 По глупости добившихся скандала!
 Какъ истинныхъ въ тебѣ героевъ мало!
 Игнать скандала вовсе не желалъ,
 Нечаянно въ герои онъ попалъ,
 Не оттого ль, что горя иль страданья
 Случайнаго фальшивый ореолъ
 Намъ озаряетъ темныя преданья
 О каждомъ, кто на смерть за правду шель?

Такъ иногда напоминаютъ стразы
 Блескъ настоящихъ брилліантовъ. Такъ,
 Въ отсутствіи идей, инныя фразы,
 Которыхъ искры наполняютъ мракъ,
 Обманываютъ насъ и увлекаютъ
 Не тѣмъ ли, что инымъ напоминаютъ
 Могучій свѣтъ дѣйствительныхъ идей,
 Когда-то разбудившихъ насъ? «Скорѣй,
 «Скорѣй на Западъ!» полный увлеченья
 Наивнаго, твердилъ Игнатъ: «туда!
 «Dahin! Dahin!..» стремился онъ—стремленье
 Понятное въ тѣ юныя года!

УСПѢХИ.

Чтобъ не вводить въ соблазнъ свой околodoкъ,
 И чтобъ врагомъ порядка не прослыть,
 Игнать сталъ брить усы и подбородокъ
 (Квартальный посовѣтовалъ ихъ брить).
 Подозрѣвая тайную опеку,
 Онъ велъ себя, какъ надо чelовѣку
 Себя вести, когда за нимъ слѣдятъ;
 Быть можетъ, ошибался мой Игнать,
 Но это положило отпечатокъ
 На всѣ его поступки... Никогда
 До этого онъ не носилъ перчатокъ,—
 Теперь безъ нихъ почти что никуда.

«Артистъ Илюшинъ! это что за птица»,
 Подумала одна графиня Z (зеть),
 Извѣстная въ московскомъ свѣтѣ львица,
 И заказала юношѣ портретъ.
 «А-а! какая кисть! какая сила!»
 Пришла въ восторгъ и смѣло посулила
 Игнату къ ноябрю добыть паспортъ.
 Она была влiятельна, какъ чортъ,
 Добра, какъ ангелъ; но не полагался

На милая слова ея Игнать,
 И, какъ разочарованный, казался
 Въ ея глазахъ немножко простовать.

Графиня Z Игнату въ высшемъ свѣтѣ
 Хотѣла случай выискать; а онъ
 Въ гостиной нѣмъ былъ, скученъ въ кабинетѣ,
 И явно не для свѣта былъ рожденъ;
 Онъ зналъ, что принять въ качествѣ артиста,
 Который чертить бойко, пишетъ чисто,
 Что если сунуть подъ руку ему
 Альбомъ, онъ не уступить никому,
 Усядется въ сторонкѣ, злой, серьезный,
 И выйдетъ у него изъ-подъ руки
 Какой-нибудь рисунокъ граціозный:
 «Головка нимфы», «бережокъ рѣки»,

И прочее. Графиня Z желала,
 Чтобъ онъ кончалъ какъ можно поскорѣй
 Съ нея портретъ. Она воображала,
 Что юноша неравнодушенъ къ ней,
 Что несомнѣнно въ намъ таятся страстность
 И, стало быть, предвидится опасность.
 А между тѣмъ—открою вамъ секретъ—
 Графинѣ было слишкомъ тридцать лѣтъ,

Чтò не мѣшало ей, хоть для портрета,
 Хоть въ сумерки, казаться молодой,
 И грудь у ней дышала зноемъ лѣта:
 На всемъ лежалъ тончайшій пудры слой.

Глаза горѣли, или такъ казалось,
 Когда въ лицо ей падалъ полусвѣтъ.
 Игнать писалъ, графиня рисовалась—
 И выходилъ прелестнѣйшій портретъ!
 Но съ полотна какой-то блѣдной Нормы
 Сіяли строго-дѣвственныя формы.
 Игнать краснѣлъ, какъ ни была мила
 Графиня,—кисть отчаянно лгала...
 Онъ зналъ ее по слухамъ, былъ послушенъ
 Ея причудамъ, какъ усердный пажъ,
 Но втайнѣ былъ глубоко равнодушень,
 И въ голову не приходила блажь!..

Вотъ, помнить онъ, отецъ его въ халатѣ
 Глядитъ въ окно и крестится, звонять
 Къ вечернѣ; онъ, о загулявшемъ братѣ
 Горюя, забнетъ... въ коридорѣ спятъ
 Старуха-няня, на старухѣ—кошка;
 Въ гостиной—мачиха: она немножко
 Посоловѣла и порасползлась,—

Гадаеть въ карты. На подносѣ квасъ...
 И пахнетъ мятой. Мѣрно, въ ту же ноту
 Постукиваетъ маятникъ, на всемъ
 Лежить покой, на все свою дремоту
 Кладеть тоска, и тихъ семейный домъ.

Но, чу!.. звонокъ!.. и вотъ покой нарушенъ...
 — Кто тамъ?—«Курьеръ съ пакетомъ».—Что за вздоръ!
 Какой курьеръ?! кричить старикъ Илюшинъ.
 Игнатъ встревоженъ (съ нѣкоторыхъ поръ
 Все, все его волнуетъ).—Вы откуда?—
 «Съ пакетомъ отъ графини».—Что за чудо!..
 Неужели мой паспортъ?! Боже мой!
 Сейчасъ! сейчасъ!—Кто это за тобой?..
 Ворчить отецъ, но сынъ его не слышитъ:
 Онъ прочитатъ спѣшитъ наединѣ
 Завѣтное письмо. Графиня пишетъ;
 «Надѣюсь, вы заѣдете ко мнѣ...»

Такъ наши дамы часто сами любятъ
 Похлопотать, замолвить за того,
 Кого онѣ, по всѣмъ примѣтамъ, губятъ,
 Во славу эгоизма своего.
 Графиня Z въ Игнатѣ не нуждалась,
 Но у нея конечно-бъ сердце сжалось,

Когда-бъ Игнатъ, хотъ онъ и не былъ князь
 Иль знатный франтъ, уѣхалъ не простясь.
 Ей было-бъ очень грустно усомниться
 Въ его любви, и потому Игнатъ
 Былъ долженъ непременно съ ней проститься,
 Чему онъ былъ, конечно, очень радъ.

«Несчастный!» думала аристократка,
 «Забудь меня!» и, не платя долговъ
 По разнымъ векселямъ, какъ меценатка,
 За нѣсколько альбомныхъ пустяковъ
 Да за портретъ съ Игнатомъ расплатилась
 Чуть не по-царски. Настежь отворилась
 Дверь за границу, крылья отросли,
 Кругомъ туманъ, сіяніе вдали.
 При деньгахъ какъ-то легче вѣрить въ славу,
 Чѣмъ вѣрить въ безкорыстную любовь!
 — Прощай, Москва! «А по какому праву?»
 Спросилъ отецъ, приподнимая бровь.

И въ спальню онъ ушелъ, гдѣ къ половицѣ
 Привинченъ былъ желѣзный сундучокъ,
 Сълъ на кровать, и на его рѣсницѣ
 Слеза повисла. Удружилъ сынокъ!..
 Зашибъ себѣ коцѣйку, знать не хочетъ,

Что о его кускѣ отецъ хлопочеть,
 И даже не стыдится ремесла!
 Хорошъ сынокъ!.. и грусть его взяла..
 А мачиха Игнату на дорогу
 Купила валенки, достала погребокъ,
 Стаканы, ложки... «Такъ угодно Богу»,
 Рѣшилъ старикъ и отперъ сундучокъ.

Алеша незамѣтно пристрастился
 Къ Игнату, онъ не могъ не унывать,
 На старый долгъ свой брату молча злился,
 И пьяный возвращался ночевать.
 Не много дней Игнату оставалось
 Прожить въ Москвѣ, и эта жизнь слагалась
 Такъ хорошо, такъ искренно тепло,
 Что даже онъ подумалъ: въ чемъ же зло?
 Казалось, всѣ добра ему желали,
 Казалось, всѣ заботились о немъ,
 Любили, вѣрили ему, ласкали,
 И съ грустью озирался онъ кругомъ.

Товарищи по школѣ учинили
 Подписку и затѣяли обѣдъ,
 И на обѣдъ прощальный пригласили
 Поборниковъ искусства прошлыхъ лѣтъ.

Всѣ пили за здоровіе Игната,
 Всѣ цѣловали и его, и брата,
 И Рамазановъ весело острилъ,
 И Щепкинъ анекдоты говорилъ,
 Ну, словомъ, пообѣдали отлично.
 Когда-жъ Игнатъ сошелъ на тротуаръ,
 Двоились фонари, и фантастично
 На всю Москву ночной ложился паръ.

У Иверской, какъ бы въ дыму, лампы
 Мерцали, тѣни двигались; колесъ
 Неровный гулъ катился; у ограды
 Шарманка пѣла; у фонтана песь
 Сидѣлъ и вылъ, и свѣтъ бѣлесоватый,
 Отъ башни къ башнѣ, по стѣнѣ зубчатой
 Скользиль, и теплились въ лучахъ луны
 Шпили и кровли; около стѣны
 Деревья, вѣя осенью, шептались,
 И чудилось Игнату, что они,
 Оборванные вѣтромъ, съ нимъ прощались
 На долгіе, невѣдомые дни!..

И помнить онъ, куранты заиграли,
 Пронесся звонъ, и разъ, и два, и три...
 Тотъ самый звонъ, которому внимали

И схимники, и грозные цари.
 Онъ вздрогнулъ отъ невѣдомаго чувства,
 И никакое тонкое искусство
 Не передасть вамъ страшной тонины,
 Той дѣвственной, сердечной той струны,
 Которой не затрогиваютъ страсти.
 Въ послѣдній разъ услыша этотъ звонъ,
 Игнать подумалъ: знать, не въ нашей власти
 Ни тайное предчувствіе, ни сонъ.

Луна была ужъ въ облакѣ, какъ въ дымѣ,
 И звѣздный паръ кружился надъ землей.
 — Пслушай, братъ Алеша, если въ Римѣ
 Иль на дорогѣ что-нибудь со мной
 Случится, ты изъ моего наслѣдства
 Во имя дружбы, насъ связавшей съ дѣтства,
 Хоть часть отдай на школу... да найди
 Скульптора Ванина и огради
 Отъ нищеты, чтобъ съ горя онъ не запилъ...
 «Молчи! сказалъ Алеша:—Богъ съ тобой!..»
 И обнялъ брата (иначе, облапилъ),
 И такъ они въ ту ночь пошли домой.

Еще одно воспоминанье:
 Ужъ онъ совсѣмъ собрался въ путь, какъ вдругъ

Какой-то франтъ принесъ ему посланье,—
 Отъ вѣтренной Раисы: «Милый другъ!»
 Писала эта дѣвушка къ Игнату,
 «Я васъ хочу просить, не вѣрьте брату.
 «Я вовсе не хотѣла васъ надуть.
 «Пазначьте мнѣ свиданье гдѣ-нибудь»...
 Плѣнительной Раисы образъ снова
 Въ его воображеньи промелькнулъ,
 Но «уже поздно!» молвилъ онъ сурово
 И чемоданъ ремнями затянулъ.

Вотъ сѣли всѣ, вотъ начали прощаться.
 Отецъ—*hoppi soit qui mal u pense*—
 Отецъ рыдалъ, а сынъ спѣшилъ убраться,—
 Онъ прозѣвать боялся дилижансъ.
 Чего-то жаль! онъ думалъ,—не домашнихъ,
 Не стѣнъ, не друга, не своихъ всегдашнихъ
 Заботъ, привычекъ, даже не *ее*;
 Но что-то жаль, и въ этомъ *что-то*—все.
 И много дней потомъ прошло, и много
 Онъ думалъ про себя, про брата, про отца,
 И скоро ли граница; но дорога
 Шоссейная казалась безъ конца...

Д О Р О Г А .

Хоть онъ глядѣлъ привычными глазами
 На бѣдную, безграмотную Русь,
 Но за его дорожными мечтами
 И думами слѣдить я не берусь;
 Онъ выѣхалъ въ такое время года,
 Такъ хмурилась осенняя погода,
 Что наводила сонъ или хандру.
 Туманы разстилались поутру,
 Потомъ всплывали тучи, моросило,
 Потомъ морозило, потомъ заря
 Въ прогалины густыхъ лѣсовъ сквозила
 И освѣщала слезы ноября.

Порою были свѣтлыя мгновенья,
 Какъ для природы, такъ и для него,
 И эти блески, эти впечатлѣнья,
 Еще мелькаютъ въ памяти его.
 Онъ видѣлъ Кіевъ—колыбель той вѣры,
 Которая, воздвигнувъ Кремль, прошла
 На отдаленный Сѣверъ и спасла
 Всю Русь отъ папы и отъ Магомета.

Украина посреди своихъ садовъ
 Ему сквозь осень улыбнулась; гдѣ-то,
 Онъ угощаль *юрилкой* чумаковъ.

О Наливайкѣ, о казацкой долѣ
 Онъ гдѣ-то слышалъ пѣсню кобзаря.
 И самъ мечталъ все о какой-то волѣ,
 И думаль—съ запада встаетъ заря!
 (Не зналъ онъ, что славянскіе пророки
 Зарю встрѣчать привыкли на востокѣ)...
 И двигался на западъ.

Кіевъ градъ,
 Волынъ, Варшава, все ушло назадъ...
 Ужъ по дорогѣ русскаго не слышитъ
 Онъ говора, уже ямщикъ—полякъ,
 Кондукторъ—нѣмецъ, ночь теплѣе дышитъ;
 Но нѣтъ луны... земли не видно... мракъ.

И помнитъ онъ, какъ въ этомъ мракѣ стали
 Усталые глаза его встрѣчать
 Какіе-то огни... они играли,
 Качались, поднимались и опять
 Кувыркались. То телеграфы были *),

---

*) Электрическихъ телеграфовъ въ Россіи еще не было.

И умъ его впотьмахъ они дразнили:
 Условные огни во всѣ концы
 Переносили вѣсти, всѣ дворцы
 Ихъ ожидали съ жаднымъ нетерпѣньемъ;
 А онъ дремалъ, глядѣлъ, опять дремалъ,
 Хотѣлъ понять ихъ и—воображеньемъ
 Газетныя извѣстья дополнялъ.

Недѣль пять-шесть Игнатъ мой былъ въ дорогѣ.
 (Ужъ онъ теперь границу миновалъ),
 Былъ постоянно въ нравственной тревогѣ,
 Но къ умственной свободѣ привыкалъ.
 Въ политикѣ онъ былъ не дальноророкъ,
 Но понималъ, что наступившій сорокъ
 Девятый—бурями чреватый годъ,
 Что Франція попрежнему поетъ,
 На зло бонапартистамъ, марсельезу,
 Италия шумить, Берлинъ—и тотъ,
 Раздвинувъ политическую прессу,
 Не устаеъ *дрессировать* народъ.

Въ гостиницахъ, гдѣ жить ему случалось,
 Кокетничали *Zimmermädchen* съ нимъ.
 Одна изъ нихъ, Луиза, добивалась,
 Чтобъ онъ увезъ ее съ собою въ Римъ,

Но, не желая въ Римъ везти Луизы,
 Игнать ее довезъ до ближней мызы
 И съ ней простился; въ Дрезденъ онъ спѣшилъ,
 Гдѣ ждалъ его одинъ славянофилъ.
 Сикстинская *Мадонна* Рафаэля
 Художника глубоко потрясла.
 Такъ, въ Дрезденѣ прошла одна недѣля,
 Другая въ Прагѣ, третья унесла

Въ Тироль, — туда, гдѣ каменные горы,
 Блестящія снѣга по высотамъ —
 Титанами воздвигнутые хоры,
 Гдѣ вопли бури вторять голосамъ
 Ревущихъ водопадовъ, гдѣ порою
 Такой ээирной вѣетъ тишиною,
 Что слышны далеко звонки коровъ,
 Пасущихся въ сосѣдствѣ облаковъ,
 Гдѣ въ январѣ нерѣдко засыпаютъ
 Дороги снѣгомъ; тамъ Игнать ходилъ
 Съ проводниками, но куда! Богъ знаетъ,
 Онъ дневника не велъ, а я забылъ.

Одно скажу: лицомъ къ лицу съ природой
 Онъ отдохнулъ отъ разныхъ встрѣчъ. Тогда
 Бранить Россію было общей модой.

(Пройдетъ ли эта мода, господа?)
 «Вы, вы враги свободы и прогресса!
 Вы варвары!» такъ голосила пресса,
 И ей вездѣ сочувствовалъ народъ
 За нашъ послѣдній въ Венгрію походъ;
 И Австріи мы тѣмъ не угодили...
 И много разъ несчастный нашъ Игнатъ
 Чуть не вопилъ, когда его язвили:
 «Да я-то, я-то чѣмъ тутъ виноватъ!..»

Патріотизмъ его былъ безъ защиты,
 Онъ, такъ сказать, былъ въ сердце пораженъ.
 Но снова зацвѣли его ланиты,
 И тѣломъ и душой воскреснулъ онъ,
 Когда въ горахъ, одинъ, въ часы свободы,
 Игралъ съ дѣтьми, или писалъ съ природы.
 Желѣзныхъ много строилось дорогъ,
 Но не вездѣ по нимъ летать онъ могъ,
 И только въ мартѣ передъ нимъ открылась
 Италии смѣющаяся даль.
 Италия! она уже рядилась
 Въ весеннія гирлянды, цвѣль миндаля,

Цвѣли оливы, персики, и розы
 Благоухали, и свои узлы

И нити перебрасывая, лозы
 Вились по бѣлымъ стѣнкамъ, и теплы
 Тѣ были вѣтры, что сады качали;
 И ящерицы рѣзвья взбѣгали
 На камни, яркой зеленью своей
 Почти не отличаясь отъ плющей.
 Флоренція, иль нѣтъ, всего вѣрнѣе
 Венера Медицiйская, слегка
 Склона свой станъ, какъ бы стыдась и млѣя,
 Ждала его къ себѣ издалека.

Божественно-кокетливое тѣло
 Недаромъ жило сотни двѣ вѣковъ,
 И хоть оно замѣтно потемнѣло
 Отъ ревности аскетовъ, отъ слѣдовъ
 Безчинства и царапинъ, все же было
 Богини тѣло и не позабыло
 Какой предъ нимъ курился онімiамъ,
 Когда народы вѣрили богамъ.
 И что же! (говорю безъ всякихъ шутокъ,)
 Игнать сію богиню созерцалъ
 Довольно равнодушно трое сутокъ
 И Форнарину ей предпочиталъ.

Но иначе взглянулъ черезъ недѣлю.
 Онъ въ ней постигъ всю грацію стыда,

И сталъ смекать, что даже Рафаэлю
 Могла-бъ она присниться иногда.
 Потомъ Игнатъ взялся за діалоги,
 А какъ произносить слова и слоги
 По-итальянски, спрашивалъ порой
 Онъ у одной пѣвицы молодой,
 Свое гнѣздо покинувшей въ Миланѣ;
 Погромъ австрійскій разгонялъ пѣвцовъ;
 Такъ хищной птицы крикъ въ ночномъ туманѣ
 Изъ гнѣздъ выпугиваетъ соловьевъ.

И мирное туристовъ настроенье
 Нарушилось. Въ крови дымясь, Миланъ
 Напрасно вопіялъ: vendetta! мщенье!
 Италия изнемогла отъ ранъ.
 Въ однихъ соборахъ панихиды пѣли,
 Въ другихъ — молебны. Патеры скорбѣли:
 Народъ приказывалъ молиться имъ,
 А папа запрещалъ молиться. Римъ
 Свои побѣды праздновалъ безъ боя.
 А Карлъ-Альбертъ, Сардиніи король,
 Уже въ надорванномъ вѣнкѣ героя
 Доигрывалъ трагическую роль.

Игнатъ все лѣто могъ бы оставаться
 Надъ Арно, въ обществѣ знакомыхъ, но

Взяла бессонница, и въ Римъ пробраться
 Къ началу мая было рѣшено.
 Какъ этотъ Римъ, средневѣковый, папскій,
 Сойдетъ съ пути, и какъ изъ жизни рабской
 Народный, новый Римъ начнетъ вставать,
 Не онъ одинъ хотѣлъ бы наблюдать.
 Такъ, иногда, во время изверженій
 Везувія, къ Неаполю спѣшить
 Иной искатель сильныхъ ощущеній
 И думаетъ: чудесный будетъ видъ!..

До сей поры Игнатъ грустилъ, влюблялся,
 Дружился, потѣшалъ себя, хандрилъ,
 Таилъ свои надежды, колебался —
 До сей поры онъ личной жизнью жилъ.
 Для счастья тихаго, я въ томъ увѣренъ,
 Ему судьбой былъ тѣсный кругъ отмѣренъ,—
 Теперь куда наивный мой герой
 Спѣшить верхомъ за конною толпой?
 Зачѣмъ вооруженъ, пугливъ и мраченъ?!
 Игнатъ мой, очевидно невзначай,
 Волною исторической захваченъ...
 Ужъ близокъ Римъ! Аркадія, прощай!

НОВИЗНА ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Чтобъ написать затѣи карнавала,
 Вдоль Корсо бѣгъ невзнузданныхъ коней,
 Иль женщинъ вѣющія покрывала
 При заревѣ безчисленныхъ огней,
 Въ ту ночь, когда народъ снимаетъ маски,—
 Я на мою палитру могъ бы краски
 Заимствовать у многихъ, — я и самъ,
 Во дни моеѣ весны тревожной, тамъ,
 Въ одну недѣлю сотни три букетовъ
 По окнамъ и балконамъ разбросалъ,
 И знаю, — для фантазій поэтовъ
 Даетъ не мало римскій карнавалъ.

Но описать Римъ, словно чародѣйствомъ
 Въ республику преображенный, Римъ —
 И папою, и всѣмъ его лакействомъ
 Покинутый, — Римъ, — знаменемъ своимъ
 Луи-Наполеона испугавшій,
 Римъ, бѣдный, беззащитный и поднявшій
 Вдругъ три перчатки, брошенныхъ ему
 Тремя державами, — Римъ, никому
 Безъ боя правъ своихъ не уступившій,—

Гдѣ краски?! — И споетъ ли голосъ мой,
 Давнымъ-давно на сѣверѣ охрипшій,
 Тотъ гимнъ — увы! для Рима роковой...

— Тотъ гимнъ, что протекалъ подъ знаменами,
 И заглушалъ гулъ тысячи шаговъ,
 Звуча, какъ море, мѣрными волнами
 Его поющихъ, страстныхъ голосовъ, —
 Гимнъ, льющійся изъ потрясенной груди
 Взволнованной толпы, въ которой люди —
 Всѣ братья, — всѣ одной родной семьи
 Проснувшіяся дѣти, — гимнъ любви
 Торжественной и ненависти львиной
 Къ тому, кто ходитъ въ стадо похищать
 Овецъ, какъ волкъ, прикрывшійся овчиной,
 Иль въ пастыря переодѣтый-тать.

Не безъ труда Игнатъ мой въ Римъ пробрался:
 Когда же онъ услышалъ въ первый разъ
 Народъ поющій — поблѣднѣлъ, — прижался
 Къ чужимъ воротамъ, — потекли изъ глазъ
 Невольныя, невѣдомыя слезы, —
 И никакія творческія грезы
 Такъ отозваться не могли бы въ немъ,
 Какъ это пѣнье — этотъ Божій громъ

Въ устахъ народа. — Такъ, во храмъ Софін,
 Когда въ него язычника ввели, —
 Онъ содрогнулся, въ пѣньи литургіи,
 Почуявши Спасителя земли.

Игнатъ мой въ Римѣ вель себя, какъ скромный
 Изъ темнаго угла провинціалъ,
 Нечаянно попавшій въ залъ огромный
 При яркомъ освѣщеніи на балъ.
 Онъ чувствовалъ неловкость положенья, —
 Не зналъ, что дѣлать: вѣра, страхъ, сомнѣнье,
 Восторги, — все пережѣшалось въ немъ.
 Не могъ онъ, забирая свой альбомъ
 И уходя съ квартиры утромъ рано,
 Сказать, что живъ воротится домой;
 Вездѣ онъ видѣлъ скрытаго тирана,
 Готоваго спросить: кто ты такой?

Австріецъ ты? полякъ? — или ихъ подобье?
 Зачѣмъ пріѣхалъ и куда идешь?!
 Уже не разъ глазами исподлобья
 За нимъ слѣдила чернь, какъ острый ножъ,
 Ему въ глаза сверкали эти взгляды,
 И одинокій, часто безъ отрады,
 Входилъ онъ въ храмъ Петра, — и храмъ порой

Былъ такъ громадно пусть, глядѣлъ такой
 Могилою величія — что, право,
 Казалось, жизнь оцѣпенѣла тамъ, —
 Органъ молчалъ и тѣнью величавой
 Скользила смерть по мраморнымъ плитамъ.

На лѣстницѣ, ведущей въ галерею,
 Сидѣла стража—и была пуста
 Истопанная лѣстница—надъ нею,
 При входѣ, надпись шла: «*proprieta
 Della republica*».—Она спасала—
 Та надпись все, что только прикрывала;
 Дворцы Боргезе, Доріа (—князей,
 Изъ Рима убѣжавшихъ) только въ ней
 Нашли свою защиту.—Чернь щадила
 Ихъ древнее богатство—лѣто шло
 Безъ грабежей: толпой руководило
 Презрѣнье къ роскоши—врагамъ на зло.

Римъ бѣденъ былъ; но жизнь текла богато;
 Игнатъ мой былъ пріятно пораженъ
 Всеобщей дешевизной: у Игната
 Хозяиномъ былъ гробовщикъ,—и онъ
 Платилъ ему, за комнату, за солнце,
 И мастерскую, въ мѣсяцъ два червонца;

(За ту же плату, онъ и самъ не зналъ,
 Кто безъ него квартиру убиралъ.)
 — «Съ тѣхъ поръ, какъ Пій—отецъ нашъ, уѣзжал
 «Изъ Рима, всѣхъ насъ къ дьяволу послалъ,
 «Ни одного нѣтъ въ Римѣ негодяя,
 «И все подешевѣло»,—увѣрялъ

Хозяинъ дома;—цѣлый день, бывало,
 Онъ въ лавочкѣ, то скоблить, то сверлить;
 Но спѣшная работа не мѣшала
 Ему порой принять веселый видъ,
 Сосѣда подозвать, мигнувши глазомъ,
 Похвастаться, что онъ почтенъ заказомъ
 Правительства, что это для него,
 Гробовщика, пріятнѣе всего.—
 Уже съ утра визжалъ его подпирокъ,
 Съ утра стучалъ онъ молотомъ своимъ,
 Такъ къ вечеру не мало онъ носилокъ
 Сколачивалъ и былъ неутомимъ.

Но гробовщикъ ни за какую цѣну,
 Ни для какого въ свѣтѣ мертвеца,
 Не сталъ бы дѣлать гроба: за измѣну
 Великую почелъ бы...

Вотъ жильца

Увидѣлъ онъ, подъ зонтомъ, въ сѣрой блузѣ,
 И кличетъ: «Гей! зайдите о французѣ
 «Потолковать.—Что стали говорить
 «Газеты?!—О! О! надо намъ спѣшить
 «Съ носилками. А что сказалъ Маццини
 «Съ трибуны,—вы читали?—Я читалъ...
 «Божественно!.. Э!.. никакой Рубини
 «Такъ не споётъ!.. Я губы измаралъ

«Печатными чернилами, цѣлуя
 «Газету—всю ее исцѣловалъ,—
 «И, знаете ли, что вамъ доложу я,
 «Синьоръ Иллючи! Я всю ночь не спалъ,—
 «Все думалъ: для чего имъ нужно папство,—
 «Когда оно и намъ не нужно! Рабство
 «Проклятое и больше ничего!»
 А иногда, Игната моего
 Хозяинъ озадачивалъ: «Смотрите,»
 Онъ говорилъ таинственно.—«бѣда!
 «Ужъ лучше вы, синьоръ, не выходите,
 «Пока того... Всѣ выѣзжаютъ—да!

«Не даромъ же всѣ выѣзжаютъ... Даже
 «Намедни англичане собрались...
 «Нашъ Римъ теперь стоитъ, какъ бы на стражѣ,

«Все ждётъ чего-то,—и въ него сошлись
 «Защитники:—кто на большой дорогѣ
 «Разбойничалъ, и тотъ теперъ въ тревогѣ,—
 «Безпечно жилъ,—теперъ пришелъ стоять
 «За новые порядки. Какъ тутъ знать,
 «Что можетъ быть?! Сидите дома».—
 . . . . .
 — «Что я люблю Римъ—это изъ альбома
 «Увидить всякій», возражалъ Игнатъ.

О! я-бъ желалъ достать альбомъ Игната...
 Но какъ достать!—Погибъ онъ или нѣтъ?
 Судьба вещей, которыя когда-то
 Намъ были дороги (какъ тотъ портретъ,
 Который ваша бабушка снимала
 Въ подарокъ дѣдушкѣ), меня нимало
 Не забавляетъ: то, что на столахъ
 У васъ блеститъ,—безъ васъ, въ чужихъ рукахъ,
 Утратитъ блескъ иль въ соръ преобразится,
 И для далекаго потомства, можетъ быть,
 Изъ тысячи рисунковъ сохранится
 Едва одинъ, чтобъ рѣдкостью прослыть.

Не праздникъ ли? однажды, просыпаясь,
 Спросилъ Игнатъ,—конечно, онъ спросилъ
 Объ этѣмъ у окна, со сна встрѣчаясь

Глазами съ позднимъ солнцемъ,—онъ любилъ
 Предупреждать зной утра; но былъ боленъ
 И трусилъ лихорадки.—Съ колоколенъ
 Неслись трезвоны всѣхъ колоколовъ,
 Казалось, сотня мѣдныхъ языковъ
 Кричали: встаньте, граждане!.. спѣшите,
 Насталъ великій день!—Но, можетъ быть,
 Идетъ процессія?—Тутъ, какъ хотите,
 А надо встать, одѣться и спѣшить.

Народъ сноваль—колокола звучали...
 Вотъ, увидалъ двухъ женщинъ нашъ Игнатъ.
 Въ свои платки закутавшись, стояли
 Онѣ въ тѣни, какъ статуи стоятъ;
 Но не было въ лицѣ ихъ и намека
 На праздничное чувство,—нѣтъ, широко
 Раскрытые глаза ихъ ничего
 Кругомъ не замѣчали,—ни его,
 Ни пробѣгающей толпы,—казалось,
 Онѣ прислушивались.—Мой Игнатъ
 Почувствовалъ, какъ въ немъ вдругъ сердце сжалось,—
 Вдоль жаркой улицы онъ бросилъ взглядъ.

Куда идти? хотъ лица женщинъ этихъ
 Ему сказали: уходи домой!

Онъ медлилъ,—онъ какъ бы не смѣлъ задѣть ихъ
 Своимъ вопросомъ, и онѣ съ толпой
 Вошли на паперть. Нищіе шептались,
 Стучали фуры, лавки запирались...
 Вотъ проскакаль Россели *), горяча
 Хлыстомъ коня, и подвялъ пыль, брянча
 Прицѣпленною саблей;—показался
 Вдали отрядъ—онъ площадь проходилъ;—
 Блескъ стали подъ лучами загорался,
 Билъ барабанъ тревогу—рогъ трубилъ.

Колокола попережнему звучали;
 Но молчаливъ былъ подвижной народъ,
 Какъ будто для него часы настали
 Особенныхъ какихъ-нибудь заботъ.
 Вотъ, съ мрачнымъ видомъ, взводъ народной стражи
 Прошелъ подъ окнами, и бельэтажи
 Раскрыли окна,—городъ запестрѣлъ
 Цвѣтными флагами, какъ бы хотѣлъ
 Дѣйствительно отпраздновать, Богъ знаетъ,
 Какой счастливый день. Великъ народъ,
 Который въ день грозы не унываетъ!—
 Пришла гроза—французы у воротъ.

---

*) Одинъ изъ римскихъ военнопачальниковъ.

Грядущая имперія штыками
 Грозить республикѣ... Такъ вотъ зачѣмъ
 Повсюду римляне идутъ толпами
 Вооруженными, средь вѣвущихъ эмблемъ
 Своей свободы, вотъ зачѣмъ сверкаютъ
 У всѣхъ глаза и руки всѣхъ сжимаютъ
 Ружейные приклады; словно братъ
 Родной имъ сталъ губительный булатъ,
 Защитникъ сердца, родины и чести!
 Вотъ почему, какая-бъ ни была
 Обида личная, вѣтъ личной мести,
 Вотъ почему звонять колокола.

«Къ стѣнамъ, народъ!—къ стѣнамъ, граждане!»
 Команда эта мигомъ разнеслась,
 И въ мирномъ Римѣ, какъ въ военномъ станѣ,
 У каждаго въ груди отозвалась.
 Мясникъ, башмачникъ, ювелиръ, факины,
 Купцы, виноторговцы, веттурины,
 Художники—(и нашъ одинъ граверъ), *)
 И поселяне изъ окрестныхъ горъ,
 И слуги изъ гостиницъ, всѣ бросаютъ
 Обычныя занятя и дѣла,

---

*) Ф. И. Иорданъ.

Идутъ, грозятъ, оружьемъ потрясаютъ...—
 Вотъ почему звонятъ колокола.

Вотъ, папскіе сады пестрятъ стрѣлками,
 Вотъ, Гарибальди двинулся впередъ,
 И на распутьяхъ сталъ за воротами.
 Съ нимъ краснoblузники... Герой не ждетъ,
 Спѣшитъ врага онъ пулями поздравить
 Съ нашествіемъ, и не даетъ направить
 Ему передовой свой батальонъ
 На верхъ горы, откуда весь бастьонъ,
 И вся почти защита Ватикана,
 Какъ на ладони.—Вотъ ружейный дымъ
 Зардѣлъ на солнцѣ: изъ его тумана,
 За куполомъ Петра, услышалъ Римъ

Звукъ перваго сраженья,—рокотъ ружей
 И пушекъ, эхомъ повторенный громъ,—
 И вотъ, на Пинчіо Игнатъ досужій
 Взбирается, идетъ, дыша съ трудомъ
 Отъ тайнаго волненья; съ напряженьемъ
 Съ горы слѣдитъ онъ взоромъ за сраженьемъ.
 Но гдѣ же войско?—Косвеннымъ столбомъ
 Завихрившись, дымъ пушекъ надъ холмомъ
 Ближайшимъ къ Риму началъ разстилаться,—

Ружейный рокоть словно зампралъ,
 Сталь уходит куда-то—сталь теряться...—
 Чтò-бъ это значило?—Никто не зналъ...

Кто побѣдилъ? кого поколотили?
 Вѣстей ни приходило. Знойный Римъ
 Затихъ—колокола ужъ не звонили,—
 Лишь женщины у алтарей въ нѣмыхъ
 Церквахъ толпой колѣнопреклоненной
 Рыдали;—воздухъ солнцемъ накаленный
 Всѣхъ собиралъ подъ своды, и пустымъ,
 Судя по улицамъ, казался Римъ,
 Одни ослы по площадямъ бродили
 Безъ всякаго надзора,—за водой
 Никто не шель; уединенно били
 Фонтаны,—часъ прошель—насталъ другой.

Шло время къ ночи—Римъ не шевелился.
 Онъ словно замеръ—слухи до него
 Не доходили—Римъ не торопился
 Услышать вѣсти,—сердце у него
 Пугливо ныло за своихъ любимыхъ
 Гарибальдйцевъ, за неутомимыхъ
 Своихъ защитниковъ... Никто не зналъ,
 Что первый батальонъ врага попалъ

Въ засаду—падалъ—и кричалъ: пощада!
 Что часть сдалась—другая съ Удино
 Пошла назадъ въ Кастель-де-Гвидо.—«Надо
 «Подумать—это вовсе не смѣшно»...

Сказалъ французскій вождь, воображавшій,
 Что римляне не смѣютъ воевать.
 И тутъ, скажу заранѣе, пославши
 Въ Парижъ курьера, онъ рѣшился ждать
 Отъ президента новыхъ подкрѣплений;
 Хотѣлъ онъ, чтобъ побѣдоносный геній—
 Любимый геній Франціи, у ногъ
 Ея властителя, съ размаху могъ
 Свободную республику увидѣть
 Въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ.
 Кто смѣетъ честь французскую обидѣть!
 Шестъ тысячъ отступало,—по пятамъ

Шли сотни сорванцовъ.—Побѣда! Гдѣ вы,
 Служители святого алтаря!
 «Те Деум» пойте! Вы, святыя дѣвы,
 Поблекшія въ стѣнахъ монастыря,
 Страдалицы за вѣчное спасенье
 Своей души—несите облегченье
 Страдающимъ за братьевъ! Гдѣ бинты

Для раненыхъ, для падшихъ—гдѣ цвѣты?!
 И всталъ весь Римъ, и огласились стономъ
 Его площадки, паперти церковей
 И лѣстницы;—но съ похороннымъ звономъ
 Сливалась музыка:—среди тѣней

Надъ трупами склоняющихся, тѣни
 Восторженно поющихъ провели
 Французскихъ плѣнныхъ угощать въ кофейни.
 Вотъ ночь сошла, вездѣ огни зажгли,
 Героямъ дня толпы рукоплескали;
 Съ носилокъ раненые поднимали
 Повязанныя головы; на ихъ
 Померкшихъ лицахъ, холодно-нѣмыхъ,
 Сквозь выраженье нестерпимой муки
 Проглядывала сила—и стонать
 Они переставали, свѣсивъ руки,
 Въ надеждѣ чью-нибудь въ толпѣ пожать.

И было множество рукопожатій
 Со всѣхъ сторонъ,—да, въ эту ночь, весь Римъ
 Сносилъ свои страданья безъ проклятій
 И былъ въ своей любви неистощимъ.
 И Гарибальди имя повторялось
 Впервые такъ, какъ никогда,—рождалась

Невѣдомая слава—для вѣнца
 Петлѣннаго,—и братскія сердца
 Народа колыбель новорожденной
 Поставили высоко въ эту ночь,
 Чтобъ видѣлъ міръ, неправдой возмущенный,
 Италиі воинственную дочь.

Растроганнымъ пришелъ домой Игнатій,—
 Съ такимъ же чувствомъ онъ пришелъ домой,
 Съ какимъ изъ первыхъ, трепетныхъ объятій
 Давно-любимой дѣвушки—иной
 Бѣднякъ, иль труженикъ, людьми забытый,
 Въ часъ ночи, мѣсячнымъ лучемъ облитый,
 Одинъ приходитъ къ ложу своему,
 И ужъ оно не кажется ему
 Такимъ пустымъ, какимъ вчера казалось.
 Нѣтъ! новая волшебница—мечта
 Съ нимъ обнялась,—тепло къ нему прижалась
 И къ невидимкѣ льнуть его уста...

ЭНТУЗИАЗМЪ И ПОЛИТИКА.

Такъ не давалось сразу водворенье
 Святого папы съ помощью штыковъ.
 Луи-Наполеонъ былъ (нѣтъ сомнѣнья)
 Межъ двухъ огней:—подачу голосовъ
 (Suffrage universel) подготовляя,
 Онъ долженъ былъ достать ключи отъ рая
 И, стало-быть, беречь карманъ поповъ...

. . . . .
 Не только папѣ, но и папской свитѣ
 Онъ долженъ былъ усердно угодить,—
 Или готовиться къ его защитѣ,
 Или ужь императоромъ не быть.

А что республиканцы скажутъ? Эти,
 Готовы лѣзть прямо на штыки,
 Трехъ революцій уличныя дѣти,
 И наконецъ—такіе чудаки,
 Что имъ присяга, даже честь—дороже
 Наполеона. —

— «Это не похоже
 «На то, къ чему веду я мой народъ;
 «(Не я, сама исторія ведетъ...)»

Такъ думалъ президентъ, сосредоточенъ
 На мысли все прибрать къ рукамъ своимъ,
 Онъ тайнымъ былъ расчетомъ озабоченъ,
 И для начала выбралъ вольный Римъ.

Падъ нимъ въ вѣнцахъ орлы-мечты играли,
 И страхъ паденья, ежась, ползалъ въ немъ...
 Но ничего глаза не выражали
 Своимъ какъ бы потускнувшимъ свинцомъ.
 Республика кой-что подозрѣвала
 И, гнѣвная, уже едва скрывала
 Свое негодованье: рокоталъ
 Подземный громъ, надъ кратеромъ вставалъ
 Зловѣщій дымъ,—предтеча бури—тѣна
 Уже катилась по морю съ волной,
 Какъ чайки крикъ, носился крикъ: измѣна!
 Парижъ шумѣлъ предъ новою грозой.

А онъ, грозой барышниковъ пугая,
 Являлся имъ въ сіяніи щита,
 Спасающаго міръ, и, обольщая
 Солдатъ, тайкомъ готовилъ *сoup d'état*.
 За нимъ стояла тѣнь Наполеона,
 Имъ вызванная, и ступеньки трона
 Предъ нимъ мелькали такъ же, какъ порою

Сквозь сонъ мелькаютъ рѣмы предо мной.
 (Пожалуйста, отъ этого сравненья
 Ты не сгори, о муза! отъ стыда, —
 Пусть нашъ Зоилъ придетъ въ недоумѣнье
 И разбранить,—не велика бѣда!)

Такъ президентъ короны добивался, —
 Онъ въ папу такъ же вѣрилъ, какъ и я,
 Не больше; но—за папу ополчался
 И, стало-быть, похожъ былъ на меня
 Такъ точно, какъ на правду ложь похожа.
 Стремленьемъ къ власти духъ свой не тревожа,
 Блаженъ я—мнѣ до паны дѣла нѣтъ,
 Меня не мучить красный духъ газетъ,
 Ни темный духъ моей родни отжившей;
 Я не давалъ присяги охранять
 Республику и каждой, вновь возникшей,
 Сочувственную руку подавать.

Въ своей палаткѣ, наконецъ, дождался
 Отвѣта Удино—онъ застегнулъ
 Сперва мундиръ свой, (хоть и задыхался
 Отъ жару), а потомъ ужъ развернулъ
 Письмо отъ президента.

«Подкрѣпленсь»,

Писалъ сей претендентъ, «безъ замедленья
 «Къ вамъ будетъ выслано; до той поры,
 «Спасайте ваше войско отъ жары
 «И лихорадокъ. Отступите въ горы, —
 «Республики не надо раздражать;
 «Пока Лесекъсъ ведетъ переговоры,
 «Не начинайте бомбардировать.

«Безъ штурма все уладить будетъ можно,
 «А если нѣтъ—да будетъ невредимъ
 «Алтарь Петра—громите осторожно,
 «По съ торжествомъ войдите въ славный Римъ,—
 «Въ ворота или—просто черезъ брешн.»
 Таковъ былъ смыслъ таинственной депеши.
 Въ ней между строкъ еще кой-что вилось
 И пряталось, какъ змѣйка между розъ,
 Какъ между водяныхъ растений—рыбка,
 Какъ на устахъ спокойнаго лица
 Коварно-проскользнувшая улыбка,—
 Но Удино все повялъ до конца.

Французскій лагерь гангренознымъ чирьемъ
 На тѣлѣ Римской области засѣлъ,
 Опасный чирей!—Хитрымъ перемирьемъ
 Спасая лагерь, Удино глядѣлъ

На Римъ сквозь пальцы—ждалъ и лицемѣрилъ.
 Его французской чести Римъ повѣрилъ
 И быстро перенесъ на югъ свой громъ;
 Едва король Неаполя тайкомъ
 Убрался изъ Валетри,—подъ командой
 Россели, Гарибальди наскочилъ
 И городъ взялъ съ размаху;—Фердинанда,
 Какъ короля, онъ этимъ огорчилъ.

Разубѣдясъ въ чудесномъ предсказаньи,
 Король смутился, и его полки
 Уже на благородномъ разстояньи
 Бросали ружья, сабли и мѣшки.
 Завертывали ночью въ одѣяла
 Колеса пушекъ, чтобъ не грохотала
 Ихъ артиллерія, чтобъ какъ-нибудь
 Не разбудить врага и скрыть свой путь,
 Благоразумный путь—путь отступленья!
 Шестъ тысячъ римлянъ не могли никакъ
 Склонить ихъ тридцать тысячъ на сраженье,
 И Гарибальди занялъ ихъ бивакъ.

Но воспѣвать его я не намѣренъ,—
 Едва ль настало время воспѣвать
 То, что само поетъ! Кто-жъ не увѣренъ,

Что это имя будетъ вдохновлять
 Италію—столѣтъя! Нѣтъ, ужь лучше,
 Безъ громкихъ фразъ вернемся мы къ Иллючи,
 Или къ Игнату,—къ Риму онъ привыкъ,
 Сталь лучше понимать его языкъ,
 И былъ спокоенъ до исхода мая,
 Наивный человѣкъ! Онъ полагаль,
 Что Римъ спасенъ,—такъ, каждый день читая
 Газеты, онъ въ политику вникаль.

Увы! не онъ одинъ, другой ребенокъ,
 Маццини, триумвиръ,—воображалъ,
 Что эта, вышедшая изъ пеленокъ,
 Республика, прочна, какъ идеаль,—
 Тотъ идеаль, который никакія
 Превратности судебъ, ни бури злыя
 Въ его душѣ не въ силахъ сокрушить.
 Онъ думаль Римъ отъ ядеръ сохранить
 Крестомъ распятаго, щитомъ святыни—
 Сіянемъ правды,—словомъ, отрицаль
 Политику задумчивый Маццини,
 И, какъ пророку, Римъ ему внималь.

Когда съ побѣднымъ крикомъ пробѣгала
 По улицамъ горячая молва,

Казалось, въ Римѣ все торжествовало,
 Сердца мужали въ блескѣ торжества,
 И шумно побѣдителей встрѣчали:
 «Зачѣмъ вы Фердинанда въ плѣнъ не взяли?»
 Одинъ въ народѣ слышится упрекъ.
 «Французы! Мы и вамъ дадимъ урокъ,
 «Коли вы сами съ честью не уйдете!»
 Лесексъ бѣсился (бѣдный дипломатъ!),
 И Удино сказалъ ему: Вы ждете,
 А я такъ дождался,— Римъ будетъ взятъ.

И вотъ, въ лазури неба вѣщей птицей
 Заклокотала—и, мѣрный полукругъ
 Чертя, спускаться стала надъ столицей
 Дымящаяся бомба—ниже, ниже... вдругъ
 Пасть кровлями разорвалась,—осколки
 Посыпались на черепицу,—съ полки
 У нашего Игната въ мастерской
 Слетѣли вмѣстѣ съ гипсовой ногой
 Двѣ стклянки съ масломъ—и кусочки глины
 Посыпались,—куда ужъ тутъ писать!
 Онъ быстро отшатнулся отъ картины
 И блѣдный всталъ, не зная что начать.

А! началось!—и грозное начало
 Не предвѣщало добраго конца.
 Игнать вставалъ съ зарей, и что-жь? бывало,
 Одѣться не успѣть—ни лица
 Водю освѣжить, какъ за лучами
 Проснувшагося солнца, надъ домами
 Уже летать чугунные шары—
 Греться,—и утра свѣжіе пары
 Ужъ пахнуть порохомъ,—неволью
 Онъ выбѣгалъ на улицу. Народъ,
 Вооружась, на смерть шелъ добровольно
 И, къ счастью, не заглядывалъ впередъ.

Римъ пересталъ подозрѣвать измѣну
 Въ своихъ стѣнахъ, и на неравный бой
 Шелъ съ облегченнымъ сердцемъ,—такъ на сцену
 Идетъ, смѣясь, трагическій герой.
 Но тамъ, гдѣ служатъ вѣковыя стѣны
 Кулисами,—тамъ, не такія сцены,
 И не такія логи,—шпроко
 Онѣ разставлены, и высоко
 Сидятъ тамъ короли въ вѣнцахъ,—златая
 Тіара свѣсилась—мундиръ посла
 Блеститъ,—министръ, министра надувая,
 Накивно спрашиваетъ: какъ дѣла?..—

На римской сценѣ совершалось много
 Такого, что въ нашъ меркантильный вѣкъ
 Напоминало дни, когда за Бога
 Съ богами шель бороться человекъ.
 Вотъ, у крыльца, на каменной площадкѣ
 Два женскихъ трупъ: на груди ихъ складки
 Изорванной рубашки припеклись
 Къ изорванному тѣлу. Вотъ сошлись
 Сосѣди,—маленькія дѣти жмутся
 Къ подоламъ женщинъ,—старики намѣтъ
 Хотятъ поставить—руки ихъ трясутся,—
 Игнать мой за носилками идетъ.

За полчаса несчастныя божились
 Изъ бомбы вырвать трубку или фитиль,—
 Заспорили, и обѣ устремились
 На подвигъ, сквозь поднявшуюся пыль
 Надъ мостовой, ударомъ потрясенной,—
 Обѣимъ захотѣлось имъ зажженный
 Фитиль схватить — и вотъ, надъ фитилемъ
 Онѣ бороться стали. — Грянулъ громъ —
 Не съ неба грянулъ — небеса молчали
 Въ тотъ мигъ, когда осколки чугуна
 Ретивыя сердца ихъ разорвали
 И выбили въ кофейной два окна.

А вотъ одной изъ южныхъ горожанокъ
 Такой же подвигъ удался вполне...
 Художники! вы пишете вакханокъ,
 Венеръ, Діанъ на вашемъ полотнѣ,
 Оставьте мнѣ — посмотрите: гордо
 Подъемя кисти рукъ, походкой твердой,
 Вся смуглая, подъ солнечнымъ лучомъ
 Она идетъ, сіяя торжествомъ...
 Толпа за ней — и всѣ кричатъ ей «браво!»
 У ней на головѣ чугунный шаръ...
 На цѣлый день ее безсмертитъ слава,
 И эту славу празднуетъ базаръ.

Но никогда еще Игнатъ мой смѣха
 Такого не слыхалъ, какъ въ день, когда
 На улицахъ народною потѣхой
 Былъ листъ съ проклятьемъ папы, — никогда
 Онъ не слыхалъ еще такихъ визжаній,
 Такихъ гнусливыхъ дудокъ, завываній —
 Концерта не сравнимаго ни съ чѣмъ;
 Я думаю, чертямъ въ аду, и тѣмъ
 Отъ этихъ диссонансовъ было-бъ тошно,
 Самъ сатана сгорѣлъ бы отъ стыда.
 (Такой концертъ придуманъ былъ нарочно:
 Такъ пьяныхъ въ Римѣ водятъ иногда).

Проклятье папы или отлученье
 Прибито было къ палкѣ — и надъ нимъ
 Песли дырявый зонтикъ, — безъ сомнѣнья,
 Самъ Пій не ждалъ съ проклятиемъ своимъ
 Такого всенароднаго почета.
 Илюшинъ молча шелъ, — но сзади кто-то
 Его толкнулъ и далъ ему свѣчу:
 Песи! — и онъ понесъ; — не умолчу,
 Какъ покраснѣлъ сконфуженный Игнатій,
 Какъ онъ рукой старался защитить
 Огонь свѣчи, — какъ, не боясь проклятій,
 Боялся онъ толпѣ не угодить.

А бомбы падали... О! бомбы эти
 Не ты ли, добрый пастырь, мечешь въ Римъ!
 И бьютъ онѣ дѣтей твоихъ — и дѣти
 Хохочутъ надъ проклятиемъ твоимъ.
 Твоею гордою душой Христось не понять, —
 Ты храмы заперъ, — слушай, какъ трезвонять
 Колокола... они благовѣстятъ,
 Что дѣти выросли... и что наврядъ
 Тебѣ ихъ испугать своимъ проклятьемъ...
 Такъ думалъ про себя Игнатій — онъ...
 На этотъ разъ былъ пресмѣшнымъ Игнатиемъ,
 Такъ гордо выступалъ, что былъ смѣшонъ.

Смѣшонъ не такъ, какъ иногда бываетъ
 Смѣшонъ болванъ, когда въ толпѣ гостей
 Онъ на себя вниманье обращаетъ,
 Забавно-важной пошлостью своей.
 Нѣтъ, въ той толпѣ, гдѣ роль ему досталась,
 Почти ни на кого не обращалось
 Вниманья, — каждый роль свою игралъ
 По вдохновенью — каждый понималъ,
 Что это смѣхъ народа — смѣхъ притворный,
 У многихъ на лицѣ сквозь этотъ смѣхъ
 Дрожали слезы, — Римъ въ борьбѣ упорной
 Не ждалъ и не желалъ такихъ потѣхъ.

Еще толпа была религіозна
 И суевѣрна. — Можно доказать, —
 Такъ, на примѣръ, однажды, послѣ грозной
 И жаркой канонады, чтобъ занять
 Народъ, друзья народа учинили
 Такое зрѣлище: они сложили
 На площади del' Popolo костры
 И запалили. (Далеко съ горы
 Французы увидали сѣроватый
 Столбъ дыму, — Удино вообразилъ,
 Что городъ загорѣлся отъ гранаты, —
 И громъ пальбы на время прекратилъ).

На площади-жъ del' Popolo — свершали
 Ото-да-фе, — какъ казнь новѣйшихъ дней:
 Кареты кардиналовъ сожигали,
 Такъ точно, какъ когда-то жгли людей;
 Тѣ люди были въ саваны одѣты, —
 Но не нуждались въ саванахъ кареты.
 Въ тѣ дни, когда вездѣ торжествовалъ
 Духъ инквизиціи, — стонъ землю оглашалъ, —
 Теперь же кардиналовъ экинажи
 Трещали очень весело, когда
 Со всѣхъ сторонъ огонь лизалъ ихъ — даже
 И не вздохнули, — только иногда

Атласныя подушки, слишкомъ плотно
 Обсиженныя, покорясь нуждѣ,
 Горѣли какъ-то очень неохотно,
 Шипѣли, какъ блины въ сковородѣ.
 Пока трещали кузова, и стекла
 Въ нихъ лопались, — румяные, какъ свекла,
 Народные ораторы порой,
 Чтобъ какъ-нибудь подняться надъ толпой,
 На козла вспрыгивали, на запятки
 Влѣзали и — орали, не боясь,
 Что прогорятъ у башмаковъ ихъ пятки,
 Или шальная искра выжжетъ глазъ.

Такъ, за монашескія преступленья
 Народъ монашескую роскошь жегъ.
 Свершая это жертвоприношенье,
 Онъ, разумѣется, никакъ не могъ
 Забыть одну... преступную карету,
 Карету папы, — колесницу эту,
 Украшенную дорогой рѣзбой
 И золотомъ, какъ жертву на убой,
 Уже везли, кто уцѣпясь за дышло,
 Кто за рессоры... всѣ кричали: жечь! —
 Жечь грѣховодницу! — и что же вышло?..
 Ее спасла нечаянная рѣчь —

Рѣчь одного поклонника искусства.
 Любуясь изумительной рѣзбой
 Фигуръ и орнаментовъ, онъ, изъ чувства
 Къ прекрасному, невольно крикнулъ: стой!
 Стой! прежде выслушайте адвоката...
 Я адвокатъ... Карета виновата —
 Она возила папу, — стало быть,
 Ее намъ также слѣдуетъ казнить;
 Но слушайте, другое назначенье
 Мы ей дадимъ... Взгляните на нее,
 Какая прелесть эти украшенья —
 Гирианды... ангелы. — Пѣть! мнѣніе мое —

Такое мнѣнье... мы карету эту
 Тому Христу-малюткѣ подаримъ,
 Который, гордому не внемля свѣту,
 Такъ любить насъ и нами такъ любимъ;
 Какъ Пій, Онъ никогда не брезгалъ нами,
 Стучался въ двери къ намъ, когда слезами
 Мы обливались,—къ бѣднымъ и больнымъ
 Онъ шель охотно, какъ родной къ роднымъ,
 Какъ къ братьямъ братъ; вездѣ, гдѣ умирали,
 Вездѣ полупотухшіе глаза—
 Его, какъ Бога, съ вѣрою встрѣчали,
 И вспыхивала мутная слеза.

И что-жь! пока въ каретѣ мы возили
 Святѣйшаго отца,—какъ сироту,
 Съ открытою головкой, въ жаръ, носили
 Небеснаго младенца... Мы Христу
 Не посвятили даже балдахина!..
 Мы видѣли, какъ маленькій (bambino)
 Мокъ подъ дождемъ... и не жадѣли мы
 Спасителя, когда во дни зимы
 Онъ къ нищимъ шель, какъ нищій neodѣтый.
 О, братья! мы должны загладить грѣхъ,
 Загладить грѣхъ нашъ этою каретой...

Другого средства нѣтъ—пошлюсь на тѣхъ,
 На тѣхъ пошлюсь, въ комъ вѣра не остыла

И не замолкла совѣсть,—не дадимъ
 Христа въ обиду, въ немъ вся наша сила...
 — «Такъ что-жь намъ дѣлать?»

— «Вотъ что, подаримъ

Мы эту золоченую карету
 Христу, пускай онъ ѣздитъ».

И на эту

Простую рѣчь откликнулся народъ
 Восторженно: — къ Христу, къ Христу! — и вотъ
 Пока одни, водой наполнивъ шляпы,
 Гасили уголья, другіе повезли
 Великолѣпную карету папы
 Подъ звонъ колоколовъ къ царю земли,

Иль къ дѣтскому его изображенью.
 Такъ простодушной вѣры полонъ былъ
 Народъ не вѣрующій отлученью,
 Такъ, ненавидя папу, Римъ любилъ
 Распятого, и такъ необычайно
 Спаслась карета (этотъ фактъ—не тайна,
 Его всѣ знаютъ)... — Только отнята
 Теперь карета эта у Христа,

И въ дни парадные въ каретѣ этой
 Опять качается святой отецъ,
 Любовью, правдой, разумомъ отпѣтый
 И, стало быть, давно живой мертвецъ.

БОЛЬШАЯ НЕПРІЯТНОСТЬ.

Гроза росла;—но не извивы молній,
 А выстрѣлы сверкали. Никогда
 И самъ Зевесъ съ Олимпа въ міръ нашъ дольний
 Не низвергалъ такихъ громовъ, когда
 Съ титанами боролся. Облаками
 Клубился дымъ, ихъ стѣрыми волнами,
 Какъ нѣкій древній богъ, со всѣхъ сторонъ
 Вольнолюбивый Римъ былъ окруженъ.
 Гроза росла—къ французамъ приливали
 Тѣ силы, что позднѣе шли стѣной
 На вольныхъ парижанъ и запятали
 Свой стягъ братоубійственной враждой...

Онѣ теперь надъ Римомъ упражнялись:
 Зигзагами кой-гдѣ траншеи шли,
 Кой-гдѣ росли, тянулись, приближались

Окопы и—мелькали фитили.
 Окрестности отъ залповъ содрогались,
 Осадныя орудья разгорались,
 Съ холма на холмъ свинецъ дождемъ летѣлъ,
 На груды тѣлъ валились груды тѣлъ;
 Республика держалась за стѣнами;
 Но этихъ стѣнъ кирпичъ за слоємъ слой
 Срѣзали ядра,—мусоръ стѣнъ, мѣстами
 Заваливая рвы, лежалъ горой.

Римъ сталъ дышать не воздухомъ, а дымомъ...
 Однажды, изъ окна, на этотъ дымъ
 Глядѣлъ Игнатъ—глядѣлъ, любуясь Римомъ,
 И думалъ, злымъ отчаяньемъ томимъ:
 Неужели отъ этого пожара
 Останется цѣла одна тіара!
 Неужели врагъ мысли и труда,
 Народа врагъ — не общій врагъ, когда
 Онъ на своихъ чужое поднялъ знамя...
 И съ ужасомъ воображалъ Игнатъ,
 Какъ фрески Рафаэля лижетъ пламя,
 Какъ, накалившись, мраморы трещать...

«Съ однимъ великимъ именемъ я связанъ
 Былъ съ раннихъ лѣтъ, и это имя — Римъ;

Я лучшею мечтой ему обязанъ—
 Обязанъ и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ...
 Такъ юноша-художникъ волновался.
 Ужъ подъ столомъ альбомъ его валялся,
 Ужъ высохла палитра, ужъ давно
 Пожухлое пылилось полотно.
 Унылый скромникъ сталъ неузнаваемъ:
 На перевязки рвалъ свое бѣлье,
 Иль, освѣжая поспѣшно русскимъ чаемъ,
 Двухствольное захватывалъ ружье
 И выбѣгалъ. . . . .
 . . . . .

Свѣжее преданье.

Разсказъ, сотканный изъ юношескихъ воспоминаній.

ГЛАВА I.

Давно Таптыгинъ, князь извѣстный
 Въ Москвѣ, какъ солнце въ поднебесной,—
 Затихъ, шампанскаго не пьетъ
 И вечеровъ ужъ не даетъ.
 Куда, злодѣй, онъ путь направилъ,
 Гдѣ онъ слѣды свои оставилъ?
 Зачѣмъ исчезъ, какъ метеоръ?
 Кто князя помнить? Но съ тѣхъ поръ
 Боговъ россійскаго Парнаса
 Перевели на задній дворъ,
 Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, во имя Спаса,
 Успѣли выстроить соборъ,
 Прошла желѣзная дорога,
 Палъ Севастополь,—въ добрый часъ

Иная ломка началась,
 И утекло воды такъ много,
 Что, можетъ быть, Таптыгинъ князь
 Давно ужъ превратился въ грязь.
 Давно въ Москвѣ его забыли:
 Забылъ и тотъ, кто обыгралъ,
 И тѣ, которые трубили,
 Что онъ невѣжда и нахаль,
 И та, которую любовнымъ
 Письмомъ онъ нѣкогда сразилъ,
 И тотъ, кто нѣкогда грозилъ
 Ему процессомъ уголовнымъ...

Когда я прилеталъ въ Москву,
 Какъ юноша, когда-то праздный,
 Любилъ я старую молву
 Ловить за хвостъ немножко грязный,
 И помню какъ одинъ приказный
 Съ какимъ-то чувствомъ говорилъ,
 Какъ этотъ князь его побилъ,
 И какъ онъ щедро наградилъ
 За свой поступокъ безобразный.
 Когда же я его спросилъ:
 Какъ звали князя, гдѣ онъ жилъ,
 Гдѣ онъ служилъ и куролесилъ, —

Сѣдой пьянюшка носъ повѣсилъ
 И повинился, что забылъ:
 «Забылъ, сударь! забылъ, признаться!
 «Забылъ—кажись бы я не пьянъ».
 Такъ часто трудно добираться
 До историческихъ имянь.

Жена Таптыгина, Ульяна
 Ивановна, довольно рано
 Покинула московскій свѣтъ.
 Я зналъ ее: она въ разводѣ
 Жила у брата на заводѣ.
 (Теперь ея въ живыхъ ужъ нѣтъ,—
 И только тѣнь ея страданья,
 Въ досужій часъ воспоминанья,
 Очамъ души моей видна.)
 Старушка блѣдная, она
 Ходила въ темномъ одѣяньи;
 Какъ у игуменьи, у ней
 Былъ гордый видъ, но не спесивый
 Глаза ея, что никогда
 Не оживлялись суетливой
 Мечтою, съ грустью молчаливой,
 Миѣ смутно говорили: да
 Еще ты молодъ, по губамъ

Я это вижу; что-то будетъ,
 Какъ ты съ мое-то поживешь!?!—
 Ума прибавится на грошъ,
 А сердца на алтынъ убудеть.

Въ рукахъ она всегда съ собой
 Носила бархатный мѣшочекъ,
 Тамъ было все: платокъ, клубочекъ,
 Наперстокъ, ея начатой
 Чулокъ, рогулька для вязанья,
 Молитвенникъ и поминанье.

Порой черты ея лица
 На юность навѣвали скуку.
 Я помню два большихъ кольца
 У ней на пальцѣ; помню руку
 Худую, блѣдную,—она
 Была дѣйствительно блѣдна,
 Какъ бѣлый воскъ... Не исчезаетъ
 Она изъ памяти моей;
 И право странно, мнѣ объ ней
 Всего скорѣй напоминаетъ
 Одеколонъ, когда его
 Я слышу запахъ... отчего?

Старушка добрая, она
 Была не нынѣшняго вѣку;
 Я для нея ходилъ въ аптеку,
 Когда она была больна,
 Пилъ чай, рассказывалъ ей сказки,
 И даже гладилъ, не безъ ласки,
 Ея любимаго кота.

О мужѣ темныя преданья
 Она могла бы пояснить,
 Да мало было въ ней желанья
 Со мной объ этомъ говорить.
 Бывало, все молебны служить,
 Чего-то ждать, о чемъ-то тужить...
 Не разъ, хваля обѣдъ простой,
 Да подливая супъ грибной
 Въ тарелку съ гречневою кашей,
 Я спрашивалъ: а гдѣ вашъ мужъ?
 И что княжна? отъ дочки вашей
 Ужъ нѣтъ ли писемъ? почему-жъ
 Она не пишетъ?

— Мужъ въ имѣнны

И, говорятъ, сталъ нелюдимъ;
 Моя княжна, конечно, съ нимъ...
 Она въ большомъ уединеннн
 Живеть, почти-что никого

Не видитъ; некого и видѣть —
 Степь, лѣсъ и больше ничего;
 Богъ милостивъ, и не обидитъ
 Ее, бѣдняжку!..

Тутъ рука

Княгини явно начинала
 Дрожать, и дѣло безъ платка
 Не обходилось...

Изъ сего

Я заключилъ, что хладнокровно
 Она допроса моего
 Не можетъ слышать. Такъ невольно
 Я заставлялъ ее страдать;
 Такъ ей, замѣтно, было больно
 Мнѣ отвѣчать.

И то сказать,

Пріятно въ старость принимать
 Въ свой домъ безпечнаго повѣсу,
 Его кормить, ему внимать;
 Но передъ нимъ сорвать завѣсу
 Съ той сцены, гдѣ судьба, смѣясь,
 Когда-то безъ пощады въ грязь
 Насъ повалила и топтала,
 Или, какъ съ мышью котъ, играла —
 Увы! не всякому легко.

Не все, что скрыто глубоко
 У насъ въ душѣ, легко всплываетъ;
 Любовь погибшая, и та
 На откровенныя уста
 Печать молчанья налагаетъ.

Я помню — разгорался день,
 Но облака ходили низко,
 И на Москвѣ лежала тѣнь.
 Отъ насъ Москва была не близко,
 Хоть и мелькали съ двухъ сторонъ
 Ея макушки. Ранній звонъ
 Колоколовъ ея въ туманѣ
 Носился смутно надъ землей.
 На первомъ планѣ, надъ рѣкой,
 У ближней рощи, на полянѣ,
 Сидѣли кучками цыгане;
 Дымился таборъ кочевой.
 Въ кустахъ посвистывали птицы;
 Вдоль сѣрыхъ грядокъ свекловицы
 Тянулся низенькій заборъ;
 За нимъ ряды фабричныхъ зданій,
 Сушильня, кузница, двѣ бани
 Глядѣли окнами на дворъ;

Косую тѣнь бросали трубы
 На дернъ покатаго двора;
 Изъ темной пасти ихъ съ утра
 Выбрасывались дыма клубы,
 Столбомъ тянулись въ облака,
 Потомъ на западъ уходили
 И тамъ терялись въ тучахъ пыли.
 За банями текла рѣка;
 Тамъ раздавался стукъ валька:
 Фабричные бѣлье тамъ мыли.
 Налѣво — шелъ сосновый лѣсъ,
 А я подъ небольшой навѣсъ
 Присѣлъ на пыльные ступеньки
 Избы, что съ краю деревеньки,
 Гдѣ я въ то время нанималъ
 Чуланъ съ окномъ и сѣноваль.

Княгиня къ своему сосѣду
 Хоть недовѣрчива была,
 Однако, иногда звала
 Меня по праздникамъ къ обѣду;
 И въ это утро, предо мной
 Ея служанка появилась,
 Какъ будто листъ передъ травой,
 Сперва болтать со мной пустилась

И, наконецъ, договорилась:
 — Васъ просить на десять минутъ
 Пожаловать.

— Чтò это значить!

Ужь не больна ли?

— Нѣтъ, все плачеть...

. . . . .

Княгиню я застала одну
 Въ какомъ-то шлафрокъ, съ букетомъ
 Фіалокъ, и въ чепцѣ, надѣтомъ
 Немножко на сторону.

— Ну,

Любезный мой! не осудите
 Старуху — послужите ей.
 — Все, что прикажете!

— Сходите

Въ Москву, мой милый. Отъ моей
 Княжны, вотъ видите ли, нѣту
 Совсѣмъ извѣстій. Я боюсь:
 Онъ тамъ сживетъ ее со свѣту...
 Ей-Богу, толку не добыюсь...
 Сходите, милый.

— Чтò-жь могу я?..

Скажите...

Плача и тоскуя,

Съ лицомъ взмятымъ, раза два
 По комнатѣ прошлась старуха;
 У ней качалась голова,
 У ней недоставало духа
 Со мной бесѣдовать...

— А вотъ,

Я дамъ вамъ адресъ: онъ живетъ
 Близъ *Курьихъ ножекъ*... Вотъ... возьмите
 Хоть это перышко... Пишите:
 Домъ Савиной — второй кварталъ...
 Я взялъ перо; перо скрипѣло
 И брызгало... Я записалъ...

— Вотъ видите — какое дѣло...

Чего я не могу постичь...
 Но, впрочемъ, если Петръ Ильичъ
 Камковъ васъ приметъ, то, быть можетъ,
 Расскажетъ вамъ. (Меня тревожитъ
 Одно: не померъ ли Камковъ?
 Онъ былъ всю зиму нездоровъ;
 Все кашлялъ—этакое горе!)
 Спросите: не было ли вскорѣ
 Послѣ Святой, какъ былъ Матвѣй,
 Письма отъ дочери моей.

Пусть сходить справится въ конторѣ...
 Мой другъ, утѣшите вы меня;
 Всю жизнь вамъ благодарна буду...

И вечеромъ того же дня
 Я шель Москвой. Не позабуду,
 Какъ, послѣ дождика съ грозой,
 Надъ Воробьевыми горами,
 И надъ пустынными дворцами,
 И надъ садами, за рѣкой
 Гасъ тихо вечеръ золотой;
 Какъ съ теплотой боролся холодъ;
 Какъ подрумяненъ былъ и молодъ
 Маслитый Кремль съ его стѣной...

. . . . .
 Какъ были зелены бульвары;
 Какъ тамъ заманчиво въ тѣни
 Влюбленные гуляли пары,
 (Такъ мнѣ казалось въ оны дни);
 Какъ пахло хлѣбомъ изъ пекарень...
 И помню я, какъ въ тишинѣ,
 Изъ-за гардинъ, въ одномъ окнѣ,
 Я услышалъ: «зайдите, баринъ»...
 Я останавливался... и
 Усталый, потный, весь въ пыли,

Вновь шель, какъ запоздалый странникъ,
 Спѣша, и, какъ судьбы избранникъ,
 Не вѣдалъ самъ чему я радъ,
 И пробирался на Арбатъ.

Фантазіи наивный данникъ,
 Я представлялъ себѣ, каковъ
 Собою долженъ быть Камковъ
 Объ немъ уже молва блуждала
 Въ той бѣдной, маленькой средѣ,
 Которая благословляла
 Зародыши талантовъ,—гдѣ
 Авторитеты колебали,
 И новизнѣ исподтишка
 Не громко, но рукоплескали;
 Смотрѣть ходили изъ райка
 Мочалова,—передавали
 Кольцова стихъ изъ устъ въ уста,
 И въ «Наблюдателѣ» искали
 Стиховъ подъ литерой О.
 Итакъ, объ немъ слыхалъ я прежде.
 Я думалъ: гений и поэтъ—
 Синонимы; и былъ въ надеждѣ,
 Что славой онъ покроетъ свѣтъ...

Я был настолько-жъ легковѣренъ,
 Насколько зеленъ былъ душой,
 А потому и не намѣренъ
 Смияться надъ моей мечтой
 Почтенной публикѣ въ угоду.
 (Пора оставить эту моду!).
 Я и теперь, читатель мой,
 Увѣренъ въ томъ, что будь вы геній,—
 Не всямля крику пошлыхъ мнѣній,
 Я былъ бы раньше самъ собой,
 И былъ бы выше головой.
 Но что объ этомъ!..

Близъ Полянки,

Камковъ жилъ у одной мѣщанки
 Во флигелѣ. Къ его сѣнямъ
 Прошелъ я по сырмъ доскамъ
 И сталъ стучаться. Оказалось,
 Что дверь была не заперта
 И очень просто отворялась.
 Вхожу—передняя пуста.
 Тутъ, признаюсь вамъ, я смутился:
 Вообразите вы, что вдругъ
 Я у поэта очутился
 Съ пустою вѣшалкой самъ-другъ.

Я думалъ: за перегородку
Идутъ слѣды Камень—и что-жь
Увидѣль?—половую щетку,
Да пару стоптанныхъ калошъ!

. . . . .

«Я дома, дома!» отозвался
Вдругъ тихій голосъ: онъ звучалъ
Какимъ-то дѣтскимъ нетерпѣньемъ,
Какъ будто звалъ меня больной,
Капризный другъ. Съ благоговѣньемъ
Вошелъ я въ комнату.

Худой,

Въ халатишкѣ, одной ногой
Поймавши тюфлю, онъ съ дивана
Приподнялся... то былъ Камковъ.
Я началъ: «Къ вамъ меня Ульяна
Ивановна»...—«Я нездоровъ»,
Онъ перебилъ:—«и поджидаю
«Къ себѣ давно кого-нибудь.
«Вообразите, самъ не знаю,
«Что дѣлать?—Собираюсь въ путь,
«И обреченъ на злую скуку:
«Лежу весь день—совсѣмъ разбитъ».

«Бока болят и грудь болят.
«Садитесь».

Протянувши руку,
Онъ для меня подвинулъ стулъ,
И словно въ душу заглянулъ
Большими сѣрыми глазами.
. . . . . Надъ бровями
Его, замѣтной складкой, шла
Морщинка—знакъ упорной воли,
Иль напряженья мысли. Онъ
Былъ моложавъ, но сокрушонъ,
Подавленъ чѣмъ-то...

Поневолѣ,

Я на него глядѣлъ—глядѣлъ,
И слушалъ, и понять хотѣлъ...
Но и теперь никакъ постичь я
Не въ состояннн, отчего
Сначала мнѣ въ лицѣ его
Почудилось что-то птичье,
Тогда какъ черезъ часъ потомъ
Глядѣлъ онъ просто добрякомъ:
Улыбка мягкая скользила
По очертанью тонкихъ губъ,
И прямо, ясно говорила:

Повѣрьте мнѣ, Камковъ не грубъ,
Хоть и бываетъ золь и ѣдокъ.

Я сѣлъ—онъ сѣлъ—и напоследокъ
Мы познакомились.

Друзья!

Пиши я въ прозѣ, вѣрно-бъ я
Вамъ описалъ его каморку,
Столъ, кресла, книги подъ столомъ
И на столѣ, да съ табакомъ
Кисеть! — Но, господа, что телку
Намъ въ описаніи такомъ!
Жилище моего Камкова
Теперь напоминаетъ мнѣ
Мое студенчество; другого
Сказать вамъ вѣчего.

Вполнѣ

Довольный тѣмъ, что я съ дороги
Напился чаю съ калачомъ,
Тогда я думалъ, что мы боги —
Сошлись и судимъ обо всемъ...

Камковъ просилъ меня любезно
Отвѣтъ княгинѣ передать,
Ничуть не думая скрывать,

Чтò было вовсе бесполезно.
 И тутъ кой-что узналъ я,—по
 Одной страницѣ изъ романа
 Мнѣ не довольно... и смѣшно
 Вамъ раскрывать ее—и рано.

Знакомство наше началось
 Простымъ и грустнымъ разговоромъ,
 И тронулъ онъ меня до слёзъ
 Однимъ рассказомъ (о которомъ
 Теперь умалчиваю). Споромъ
 Мы заключили разговоръ.
 О чемъ былъ сей великій споръ?
 Не помню. Я уже порядкомъ
 Отъ метафизики отсталъ;
 Уже давно не повѣрялъ
 Своихъ идей по тѣмъ тетрадамъ,
 Въ которыхъ нѣкогда писалъ
 Дневникъ мой: тайно признавался,
 Какъ я любилъ, какъ я терзался,
 Какъ правды-истины искалъ,
 И—на себя наивно лгалъ.
 Я только помню впечатлѣнье, —
 Я только помню— какъ живой
 Своею рѣчью молодой

Моей души святой покой
 Онъ нарушалъ безъ сожалѣнья...
 Онъ не смѣялся надо мной,
 Не нападалъ,—но понемногу
 Одолъвалъ, и въ міръ пной,
 Не огражденный никакой
 Стѣною, сталъ казать дорогу...

Оставшись до другого дня
 Въ его каморкѣ, помню, я
 Заснулъ подъ утро. Для меня
 Камковъ дѣйствительно былъ геній,
 Хотя онъ замѣтнаго слѣда
 Среди общественныхъ явленій
 Нѣ оставилъ, господа.
 Онъ былъ далеко не ребенокъ,
 Все понималъ: и жизнь, и вѣкъ,
 Зло и добро—былъ добръ и тонокъ,
 Но—въ свѣтѣ лишній человекъ.
 Какъ часто, самъ сознавшись въ этомъ,
 Искалъ онъ дѣла—и грустилъ;
 Хотѣлъ ученымъ быть, поэтомъ,
 Рвался и выбился изъ силъ.
 Онъ бѣденъ былъ, но не нуждался,
 Хотѣлъ любить—и не влюблялся,

Какъ будто жаръ его любви
 Былъ въ головѣ, а не въ крови.

Онъ по лѣтамъ своимъ былъ сверстникъ
 Бѣлинскому. Станкевичъ былъ
 Его любимецъ и наперсникъ.
 Къ нему онъ часто заходилъ
 То сумрачный, то окрыленный
 Надеждами, и говорилъ —
 И говорилъ, какъ озаренный.
 А то такъ надъ собой трунилъ
 Или пріятелю твердилъ:
«Какъ зналъ ты жизнь—какъ мало жилъ!» *)

Какую роль игралъ онъ въ свѣтѣ,
 И какъ онъ въ высшій свѣтъ попалъ,
 Когда не ѣздилъ онъ въ каретѣ
 И модныхъ галстуковъ не зналъ...
 Туда, сказать вамъ откровенно,
 Попалъ онъ необыкновенно,
 И вовсе роли не игралъ...
 Самаринъ тамъ его встрѣчалъ....
 Онъ появлялся блѣдный, скромный.
 Всегда съ улыбкою заемной,

---

*) Стихъ Веневитинова.

Всегда одинъ, всегда вдали
 Отъ пышныхъ дамъ, хоть эти дамы
 И были какъ нельзя милѣй,
 Вообразивъ, что на мужей
 Онъ сочиняетъ эниграммы.

Но не пора ли кончить мнѣ
 Бесѣдовать наединѣ
 Съ моею музой простодушной,
 Чтобъ за моимъ героемъ вслѣдъ
 На время окунуться въ свѣтъ,
 Холодный свѣтъ, но не бездушный,
 Свѣтъ не бездушный, но съ душой
 Опутанной, нѣмой, слѣпой,
 Коварнымъ идоламъ послушной...

ГЛАВА II.

Въ Москвѣ жилъ-былъ одинъ баронъ.
 Какъ всѣ бароны, вѣрно опъ
 Былъ человѣкомъ не безъ вѣса:
 Онъ былъ богатъ, игралъ въ бостонъ,
 Поутру дѣлалъ моціонъ,
 И—былъ дуракъ. Но баронесса...
 Была особая статья!

О! будь я дама, вѣрно-бъ я
 Ей подражалъ, иль, ужь повѣрите,
 Возненавидѣлъ бы до смерти.
 (Пишу по слухамъ мой разсказъ),
 Я къ сожалѣнью только разъ
 И видѣлъ, какъ она въ концертѣ
 Съ тетрадкой нотъ сидѣла, и,
 Рѣсницы длинныя свои
 Склоня къ колѣнамъ, какъ маэстро,
 Карандашомъ подъ громъ оркестра
 Чертила что-то.

Гордый Листъ,
 Извѣстный вамъ фортепьянистъ,
 Когда изъ Венгрии опасной
 (Артистовъ модный идеаль)
 Онъ прилетѣлъ и взволновалъ
 Нашъ Сѣверъ славой музыкальной,
 Ее недаромъ посѣтилъ:
 Былъ пьянъ и гениально мплъ.

Педаромъ Щепкинъ знаменитый,
 Поборникъ Гоголя маститый,
 Ея гостямъ «Разъѣздъ» читалъ,
 Смѣшилъ, смѣялся и зѣвалъ.

Недаромъ зеленью, цвѣтами
 Въ морозъ крещенскій убрала
 Она свой уголь, и была
 Всегда особенно мила
 Съ московскими профессорами.
 Стихи читала, какъ поэтъ,
 Хоть и безъ лишнихъ декламацій,
 И на защиту диссертаций
 Ъзжала въ университетъ.
 Недаромъ въ обществѣ старались
 Ей потихоньку подражать:
 Хвалили, громко заступались,
 Или за нравственность боялись,
 И торопились клеветать.
 Но ложь была такого рода,
 Такая радужная ложь,
 Что ей завидовала мода
 И восхищалась молодежь.

Баронъ былъ мужъ довольно вялый,
 Не дѣлалъ ни добра, ни зла;
 Жена, конечно, не могла
 При немъ быть женщиной отсталой.
 У ней былъ сынъ—неглупый малый,
 Но недогадливый—въ отца;

Когда онъ въ зеркало глядѣлся,
 Чертами своего лица
 Онъ любовался и вертѣлся*
 И этого-то молодца
 Училъ Камковъ. Воображаю,
 Какъ онъ внушалъ, какъ прививалъ
 Онъ философію къ лѣнтяю.

Однажды, право, я не знаю,
 Кто баронессѣ подсказалъ,
 Что это—золото-учитель,
 Что онъ магистръ и сочинитель,
 Что онъ, какъ древній Ювеналь,
 Не только знаетъ по-латынѣ,
 Но, что довольно рѣдко нынѣ,
 Прочелъ Гомера до конца,
 И такъ же изучилъ глубоко
 Языкъ боговъ и духъ слѣпца,
 Какъ баронесса Поль-де-Кока.

Такая новость не могла
 Не изумить ее сначала,
 Но баронесса отвѣчала
 Спокойно,—то-есть солгала,
 Не покраснѣвъ:—я это знала,

Для сына я его брала...
 Потомъ какъ будто испугалась,
 Пошла и сѣла въ уголокъ,
 Когда Камковъ давалъ урокъ.

Черезъ недѣлю оказалось,
 Что онъ, хотя и латинистъ,
 Но вовсе не семинаристъ,
 И такъ же знаетъ по-французски
 И по-нѣмецки, какъ по-русски.

Какъ говорить онъ! Боже мой,
 Какъ миль!

Упала съ глазъ завѣса:

Онъ чловѣкъ передовой,
 Вообразила баронесса.

Ему восторженно внимать,
 Ему безмолвно поклоняться,
 За нимъ карету посылать,
 Задерживать и въ свѣтъ толкать,
 И за Камкова распинаться—
 Она повсюду, гдѣ была,
 За первый долгъ себѣ сочла.

Не будь Гамлетомъ мой ученый,
 Онъ натолкнулся бы на грѣхъ.
 Рѣшивъ онъ смѣло быть вороной
 Въ павлиньихъ перьяхъ,—и успѣхъ
 Его завидный ждалъ бы въ свѣтѣ;
 Но, бѣдный, на чужомъ паркѣтѣ
 Онъ спотыкаться не желалъ,
 Себя цѣнилъ и наблюдалъ.
 Любилъ онъ юность, свѣжесть, стройность,
 Паряды, штофы, зеркала,
 Картины, мраморъ, даже зла
 Паружную благопристойность:
 Не приглядѣвшись ни къ чему,
 Онъ все любилъ,—но не по страсти
 Къ кумирамъ, и не потому,
 Чтобъ вѣрилъ,—нѣтъ, Камковъ отчасти
 По складу сердца былъ артистъ,
 А по уму идеалистъ.
 И не людей онъ ненавидѣлъ,
 Нѣтъ! въ нихъ таинственной судьбы
 Онъ временную жертву видѣлъ,
 Непризванную для борьбы.
 Конечно, къ дикимъ отношеньямъ,
 Отъ поколѣнья къ поколѣньямъ
 Переходящимъ, какъ завѣтъ,

Онъ чувствовалъ антипатію,
 Но... какъ дитя, любилъ Россію,
 И вѣрилъ въ то, чего въ ней нѣтъ.

Всегда съ протянутой рукою
 Баронъ Камкова принималъ;
 Передъ ученою женою
 Онъ какъ-то смутно сознавалъ
 Свое ничтожество: являлся
 На полчаса, флинтилъ, игралъ
 Съ собачкою,—и пропадалъ.
 Женѣ во всемъ онъ довѣрялся,
 И о Камковѣ отзывался,
 Что это *перль*. Что-жь? можетъ быть,
 Онъ зналъ (недаромъ же учился),
 Какъ неприлично походить
 На пѣтуха, который рылся
 Въ навозѣ—и *нашедь* зерно
 Жемчужное: «Къ чему оно?»
 Воскликнулъ и распѣтушился.

Итакъ, мой бѣдный другъ Камковъ
 Барономъ не былъ забракованъ:
 Онъ скоро былъ рекомендованъ
 Всѣмъ знаменитостямъ,—инымъ

Онъ правился умомъ своимъ
 Оригинальнымъ и живымъ,
 Другими самъ былъ очарованъ.

Въ тѣ дни Тургеневъ молодой
 Еще на пажитяхъ чужой
 Науки думалъ сѣять розы,
 Глядѣлъ на женщинъ, какъ герой,
 Писалъ стихи, не зная прозы,
 И былъ преслѣдуемъ молвой
 Съ какимъ-то юношескимъ жаромъ,
 Что суждено ему недаромъ
 Ходить съ большою головой...

Аксаковъ былъ еще моложе;
 Но—юноша—глядѣлъ онъ строже
 На жизнь, чѣмъ патріархъ иной.
 Весь до костей проникнуть вѣрой
 Въ туманный русскій идеалъ,
 Онъ счастье гордо отрицалъ
 И называлъ любовь химерой.
 Краснорѣчивый Хомяковъ,
 Славянства чуткій предвозвѣстникъ,
 Камкову былъ почти ровесникъ.
 Камковъ нерѣдко съ первыхъ словъ

Сходилса съ ними. Разговоры
 Ихъ часто до пяти часовъ
 Утра тянулись. Эти споры
 Звалъ мой насмѣшливый Камковъ
 Взаимнымъ щупаньемъ головъ.
 Иные на него косились,
 Потомъ какъ будто ничего
 Въ немъ не нашли,—и подружились.
 Иные, раскусивъ его,
 Тянули на свою дорогу,
 Ему замазывали ротъ,
 И лъстили,—словомъ, понемногу
 Заманивали въ свой приходъ...
 Иные... но мы только знаемъ,
 Что онъ въ сороковыхъ годахъ
 Былъ на виду, былъ приглашаемъ,
 И сталъ являться на балахъ.

Вотъ онъ на улицу выходить
 Въ елотѣ, въ шляпѣ и кашне.
 Ужъ ночь. Все глухо. Въ сторонѣ
 Собака лаетъ... кто-то бродитъ...
 Мятель, шума по чердакамъ,
 Съ дощатыхъ кровель снѣгъ сдуваетъ;
 Фонарь таинственно мигаетъ

Двумъ отдаленнымъ фонарямъ,
 Закрыты ставни у сосѣдей;
 Высоко гдѣ-то на стеклѣ
 Свѣтъ огонька дрожить во мглѣ.
 — Вотъ подлинно страна медвѣдей!..
 Онъ ѣдетъ. Носъ его поникъ
 Въ заиндевѣлый воротникъ;
 Извозчикъ клячу погоняетъ;
 Камковъ сидитъ и размышляетъ:
 — Кой чортъ несетъ меня туда?
 А впрочемъ, что же за бѣда!
 Балъ охраняетъ нашу личность,
 Такъ какъ никто—и... генералъ—
 И тотъ не скажетъ неприличность
 Тому, кто приглашенъ на балъ,
 Хотя бы этотъ приглашенный
 Былъ самый жалкій подчиненный,
 Балъ нашихъ женщинъ обновилъ
 И насъ съ Европой породнилъ.

Такъ ѣдучи да размышляя
 О томъ, о семъ, онъ у Тверскихъ
 Воротъ очнулся. Десять бьетъ
 На монастырской башнѣ. Вотъ
 И Дмитровка. Освобождая

Свой носъ, глядитъ онъ: у воротъ
 Четыре плошки,—въ бель-этажѣ
 Сіяютъ окна,—экипажи
 Пустые ѣдутъ со двора:
 Надъ ихъ двойными фонарями
 Торчатъ, какъ тѣни, кучера.
 Одинъ изъ нихъ: «куда ты, лѣшій!»
 Кричитъ на Ваньку въ воротахъ:
 «Опѣшилъ, что ли?»—Самъ опѣшилъ!—
 Бормочетъ Ванька впопыхахъ,
 И барина благополучно
 Подвозитъ по двору къ сѣнямъ,
 На зло суровымъ кучерамъ.

Камковъ идетъ, ему не скучно,
 Онъ радъ внезапному теплу,
 Онъ всѣмъ доволенъ: завываньемъ
 Оркестра, вазой на углу
 Воздушной лѣстницы, сниманьемъ
 Салоповъ, обнаженныхъ плечъ
 Благоуханной бѣлизною,
 Блондинкою, что передъ нимъ
 Идетъ легко, шурша своимъ
 Атласомъ,—стройная,—одною
 Рукою платье приподнявъ,

Другую опустивъ съ букетомъ.
Камковъ былъ правъ, смѣясь надъ свѣтомъ.
Но, я любясь, былъ онъ правъ,
Когда на все глядѣль поэтомъ.
Вотъ, посреди толпы живой,
Онъ озаренный залъ проходить.
Тутъ, слава Богу, мой герой
Два или три лица находить
Ему знакомыхъ; ухватилъ
За пуговицу, чуть не обнялъ
Его одинъ славянофилъ,
И, милый спорщикъ, тутъ же поднялъ
Вопросъ: чѣмъ вѣче началось
Новгородское?—Вопросъ
Не бальный, но зато мудреный.
— Мирскою сходкой, отвѣчалъ
Ему Камковъ. Захоталъ
Славянофилъ; но споръ ученый
Былъ какъ-то скоро прекращень.
Ихъ разлучили.—Съ двухъ сторонъ,
Танцующихъ гремя подъемлетъ
Летучій вальсъ своимъ жезломъ,
Толпа ему послушно внемлетъ...
Вотъ подъ его пѣвучій громъ
Несутся пары... вотъ кругомъ

Тѣснятся зрители... Межъ нимп,
 Засунувъ палець подь жилеть,
 Стоить, весь въ черное одѣтъ,
 Съ лицомъ задумчивымъ, съ живыми
 Глазами, съ складкою на лбу,
 Камковъ, какъ нѣкій вождь, впервые
 Вдали слышавшій пальбу.

О чемъ онъ думаетъ, въ какія
 Мечты душою погружонъ?
 Кого въ толпѣ замѣтилъ онъ,
 За кѣмъ слѣдитъ онъ такъ прилежно?
 Въ числѣ танцующихъ была
 Одна особенно мила.
 Нѣжна, какъ ландышъ самый нѣжный,
 Свѣжа, какъ роза. На плечахъ
 У ней (не только на щекахъ)
 Игралъ застѣнчивый румянецъ;
 Игралъ онъ даже на локтяхъ,
 Когда ее, какъ деспотъ, танецъ
 На середину увлекалъ.
 Въ ея глазахъ огонь пугливый
 То вспыхивалъ, то померкалъ;
 Она переходила залъ
 То медленной, то торопливой

Походкой;—такъ была робка,
 Такъ граціозно неловка,
 Такъ непохожа на плутовку,
 Что странно, кто рѣшиться могъ
 Надѣтъ вакхическій вѣнокъ
 На эту дѣтскую головку.

Она дитя,—но кто она?
 Камковъ невольно знать желаетъ.
 — Кажись, Таптыгина княжна,
 Ему знакомый отвѣчаетъ,—
 А, впрочемъ, право, чортъ ихъ знаетъ!..
 Я, можетъ-статься, и совралъ.
 У ней,—онъ вяло продолжалъ,
 Поднявъ лорнетъ,—недурень профиль..
 Но я, товарищъ старый мой,
 На все гляжу какъ Мефистофель.
 Чтò дѣлать? Пожилъ, братецъ мой,
 И вкуса въ сливахъ недозрѣлыхъ
 Не вижу:—вяжутъ, чортъ возьми!
 Люблю я барынь угорѣлыхъ
 Лѣтъ, этакъ, двадцати восьми...

Камковъ немножко удивился
 Такимъ рѣчамъ,—посторонился,

И на знаконца своего
 Взглянулъ съ усмѣшкой. Для него
 Такого рода мнѣнье было
 Довольно ново и—смѣшило.
 Вотъ началась кадрили—одна,
 Другая, третья,—кто ихъ знаетъ
 Какая?! Балъ не отдыхаетъ.
 Въ фигуры переплетена,
 Толпа скользитъ,—перебѣгаетъ
 Рука въ рукѣ,—по жемчугамъ,
 По бриліантамъ, по цвѣтамъ,
 По золоту огонь играетъ,
 Тѣнь бѣгаетъ по рукавамъ,
 И музыка, гремя, сливается
 Людскія рѣчи въ птичій гамъ.
 Кто ихъ подслушаетъ—едва ли
 Съ невольной грустью не вздохнетъ...
 Да, въ нашемъ обществѣ на балѣ
 Тотъ и уменъ, кто больше вретъ.

Греми же, музыка, сильнѣе!
 Рычи, охрипый контрабасъ!
 Пускай никто не слышитъ насъ;
 Себя же слушать не краснѣя
 Давно привыкли мы,—и намъ

Недостаетъ лишь только дамъ,
Чтобъ быть подчасъ еще пустѣе.

Камковъ кадрили не считалъ,
Но такъ глядѣлъ, и такъ вникалъ,
Какъ будто, право, каждый бантикъ
Въ нарядахъ дамскихъ изучалъ.
Философическій романтикъ,
Быть-можетъ, въ танцахъ открывалъ
Онъ всенародное значенье;
Слѣдя, быть-можетъ, за княжной,
Онъ дѣвственную красотой
Проникнуть былъ до умиленья...
Сбираясь на этотъ балъ,
Онъ, вѣрно, Шиллера читалъ.
Но тотъ, кто вѣчно наблюдаетъ,
Тотъ часто ходитъ какъ слѣпой.
Такъ скромный наблюдатель мой
Рѣшительно не замѣчаетъ,
Какъ отъ него близка гроза,
И чьи ревнивые глаза
За нимъ давно слѣдятъ на балѣ.
Вотъ три часа. Въ сосѣднемъ залѣ,
По двумъ раздвинутымъ столамъ
Приборы ставятъ. По угламъ

Сидять разрозненныя пары.
 Кому до танцевъ дѣла нѣтъ
 Идетъ въ хозяйскій кабинетъ
 Курить хозяйскія сигары.
 Вотъ и мазурка. Пышный балъ
 Подходить къ ужину. Усталъ
 Камковъ, спѣшить убраться,
 Ужъ онъ спиной къ дверямъ стоять,
 Но баронесса оставаться
 Ему до ужина велить.

Игралъ вѣеромъ, вздыхая
 Всею грудью, — словно отдыхая,
 Она задумчиво сидитъ.
 Онъ долженъ низко наклоняться,
 Чтобъ слушать, — дама говорить:

— Вы не хотѣли увлекаться,
 И не хотѣли танцовать,
 Я. — надо правду вамъ сказать. —
 Васъ изучаю...

— Много чести...

— Нѣтъ... увѣряю васъ безъ лести,
 Что вы предобрыи челоувѣкъ,
 Но, знаете! — больной нашъ вѣкъ

Вамъ повредить, — вашъ умъ озлобленъ
 И сердце спить, — не грѣхъ ли вамъ?
 — Нѣтъ, баронесса, я къ баламъ
 Былъ съ юныхъ лѣтъ неприспособленъ:
 Когда я гимназистомъ былъ,
 Я все змѣйки пускать любилъ.—
 Когда въ студенты поступилъ,
 Я самого себя пустилъ
 Подъ облака, и въ нихъ терялся,
 Леталъ — пока не оборвался.
 Такъ прозѣвать я жизнь и свѣтъ.
 Танцмейстеру же въ тридцать лѣтъ
 Платить за рѣзвые уроки
 И прыгать въ образѣ сороки
 Смѣшно тому, кто учитъ самъ —
 Судить людей не по ногамъ.
 — А знаете, что я желаю
 Быть вашей ученицей, — я
 Боюсь...

— Я васъ не понимаю.

— Недавно съ вами о любви
 Я спорила... вы слишкомъ строги;
 Вы забываете, что мы
 Простые люди, а не боги...
 Конечно, жить въ стѣнахъ тюрьмы

Я не хочу, — но и на волѣ
 Нельзя всегда на свѣтъ безъ боли
 Глядѣть. Вы хоть немножко тьмы
 Намъ дайте, — для вдохновенья, —
 Ну... хоть немножко, — для меня...
 Камковъ любилъ опредѣленья,
 (Педантъ — не правда ли, друзья?!):
 — Чтò значить ваша тьма? Позвольте
 Спросить, — къ роскошному плечу
 Склонясь, бормочегь онъ.

— Увольте

Отъ объясненій, — не хочу
 Я объясняться... отвѣчаетъ
 Она поспѣшно. На щекахъ
 У ней румянецъ, — на губахъ
 Усмѣшка, — тихо пожимаетъ
 Она плечомъ, — опять глядитъ
 Ему въ лицо и говоритъ:
 — Чтò значить тьма? Да развѣ съ вами
 Былъ вѣчно свѣтъ? Да развѣ сами
 Вы... не блуждали никогда?
 Ни разу не были счастливы?
 — Я? никогда!

— Ужели?

— Да!..

— Такъ что-жъ вы такъ краснорѣчивы!

Вы убиваете меня...

— Но, баронесса, если я
 Въ моихъ невольныхъ увлеченьяхъ
 Одно мученье почерпалъ,
 Метался, путался въ сомнѣньяхъ,
 Какъ будто выхода искалъ
 Изъ лабиринта иль хаоса,
 И, если самая любовь
 Глядѣла на меня такъ косо,
 Что въ жилахъ не кипѣла кровь,
 А застывала, — неужели
 За это надо васъ просить
 Меня, какъ варвара, казнить...
 Прощайте! — накрываютъ ужинъ...
 Какъ кавалеръ, я вамъ не нуженъ,
 Къ тому же... право, сплю давно —
 И даже брежу...

— Уѣзжайте,

Богъ съ вами! Мнѣ самой пора.
 Итакъ, М-г Камковъ, прощайте...
 И... до свиданья... до утра...

ГЛАВА III.

Ночь на исходѣ. Снѣжнымъ комомъ,
 Уединенна и блѣдна,
 Виситъ надъ кровлями луна,
 И дымъ встаетъ надъ каждымъ домомъ,
 Столбообразнымъ облакамъ
 Подобно, медленно и грозно
 Онъ къ потухающимъ звѣздамъ
 Ползеть.

Неужели такъ поздно?!

Лѣнливо удаляясь прочь,
 У башенъ спрашиваетъ ночь.
 Который часъ?

— Уже девятый!

Звонить ей Спасская въ отвѣтъ,
 И ночь уходитъ. Ей вослѣдъ
 Глядитъ, зардѣвшись, кремль зубчатый
 Сквозь призму неподвижной мглы.
 Надъ сѣрыми его зубцами
 Кресты, и вышки, и орлы
 Горятъ пурпурными огнями,
 И утро съ розовымъ лицомъ
 Стучится въ ставни кулакомъ:
 «Вставай, лѣнтяй! вставай, затворникъ!»

II просыпается Камковъ.
 Уже къ нему съ вязанкой дровъ
 Ввалился неуклюжій дворникъ.
 Вотъ онъ на корточкахъ сидитъ
 Передъ заслонкою, трещить
 Подъ пальцами его береста,
 И печка топится.

«Морозъ-то

Какой Богъ далъ,—такой лихой,
 Что инда *жгетъ*.

— А что, большой?

— Да такъ-себѣ, изрядный: галка,
 И та, вишь, мерзнетъ на лету.

Камковъ (ему какъ будто жалко,
 Что птицу вольную, и ту
 Не пощадилъ морозъ проклятый),
 Облокотясь одной рукой
 На край своей подушки смятой,
 Хандрить, и кажется ему,
 Что онъ похожъ на инвалида,
 Что онъ не можетъ ни къ кому
 Пристать, какъ каторжникъ безъ вида,
 Тайкомъ покинувшій тюрьму,
 Что предаваться увлеченьямъ

Не смѣть онъ, и на себя
 Глядять герой мой съ сокрушеньемъ,
 И мыслить: чортъ возьми тебя,
 Камковъ! ты нигуда не годенъ.
 Вотъ, погляди: мужикъ, сей рабъ,
 И такъ здоровъ, а ты свободенъ,
 И—непростительно такъ слабъ!
 Да я-бъ дрова колоть, да я-бъ
 Таскать тебя заставилъ воду,
 Чтобъ ты здоровую свободу
 Благословлялъ.

Ну, словомъ, мой
 Герой всталъ лѣвою ногой.
 Такъ онъ хандрилъ.—Конечно, это
 Хандра минутная была,
 Но иногда она вела
 Его къ стихамъ, произвела
 Его для многихъ въ чинъ поэта,
 Хоть элегическихъ стиховъ
 Своихъ терпѣть не могъ Камковъ.

Блаженъ, кто съ раннею зарею,
 Или къ полуденной порѣ,
 Проснувшись съ свѣжей головою,
 Не спросить: что-то на дворѣ?

Какая-то теперь погода?
 Кому и счастье и природа
 Равно всегда благоволят;
 Кто сильно молодъ, иль богатъ;
 Кому въ минуты пробужденья
 Мечта пророчить наслажденья,
 Поеть ему: ты мой женихъ,
 Сердечный, милый, ненаглядный!
 Тебя на крыльяхъ золотыхъ
 Я унесу въ чертогъ нарядный:
 Тамъ, посреди зеркальныхъ стѣнъ,
 Я проведу тебя украдкой
 И положу въ истомѣ сладкой
 У трепетныхъ ея колѣнъ.
 Или поеть: мой другъ, сегодня
 Лети на биржу, да бери
 Съ собою акцій пукъ, да ври
 Безсовѣстнѣй какъ можно, и
 Авось для праздника Господня
 Попрежнему кого-нибудь
 Я помогу тебѣ надуть,
 И будешь ты богаче вдвое,
 И разжирѣешь на покоѣ.

Или поэтъ: начальникъ твой
 Тебѣ сегодня улыбнется...
 Недаромъ у тебя такъ бьется
 Сердчишко; ты любимецъ мой;
 Повѣрь, что у слѣпой Оемиды
 Есть на тебя большіе виды,
 И наканунѣ именной
 Къ тебѣ слетитъ желанный чинъ.

Итакъ, друзья, блаженъ кто грѣшенъ
 Безъ ссоры съ золотой мечтой;
 Кто ласкою ея утѣшенъ,
 Тотъ, вѣрно, лѣвою ногой
 Не встанетъ съ утренней постели,
 Не скоро сброситъ свой халатъ,
 И ни морозы, ни мятели
 Его блаженства не смутятъ.

Камковъ не долго оставался
 Въ своемъ халатѣ, потому
 Что было некогда ему.
 Онъ брился, мылся, одѣвался:
 Ну, словомъ, выѣхать спѣшилъ.
 Едва-едва онъ не забылъ,
 Что ровно въ десять начинался

Урокъ, что цѣлый пансіонъ
 Дѣвицъ учить обязанъ онъ;
 Что ученицы молодья
 Нетерпѣливы, что инья
 Съ утра долбять: «Платонъ», «Сократъ»,
 «Периклъ», «Софоклъ», «Алкивиадъ»,
 И такъ долбять, и такъ слѣшать,
 Что даже, недоѣвши булки
 За чаемъ, посовали ихъ
 Въ кармашки фартучковъ своихъ.
 Камковъ, какъ вижу я, прогулки
 Въ Аѳины съ ними совершалъ,
 Ихъ юность въ древность посвящалъ.

Вотъ мой герой напился чаю,
 И не въ Аѳины ѣдетъ,—онъ
 На ванькѣ ѣдетъ къ Ермолаю
 Въ вышереченный пансіонъ,
 Туда, гдѣ помавая бровью,
 Не разъ онъ съ жаромъ говорилъ,
 Гдѣ платонической любовью
 Двѣ-три шалуни заразилъ,
 И тѣмъ заставилъ ихъ смириться,
 Сидѣть прямѣе, не болтать,

За нимъ въ Элладу улетать,
И чуть не взапуски учиться.

Увы! подсыѣжные цвѣты,
Прощайте!.. Выросла крапива,
Дурманъ, цикорій, хмель для пива...
Деревья, травы и кусты
Уже блестятъ въ нарядахъ лѣта,—
Прощайте, дѣтскія мечты!
Вы позабыты въ шумѣ свѣта
Подъ вѣяньемъ житейскихъ грезъ,
Страстей, борьбы, заботъ и слезъ.

Изъ пансіона къ молодому
Барону ѣдетъ мой Камковъ,
(Хоть онъ и несовсѣмъ здоровъ),
Но къ баронессѣ, даже къ дому
Ея, невольно какъ-то онъ
Привыкъ: замѣтно окруженъ
Предупредительнымъ вниманьемъ
Хозяйки, — могъ онъ тамъ курить,
Входить въ гостиню, смѣшнить,
Пугать хандрой, иль отрицаньемъ
Житейскихъ всякихъ пустяковъ.

Такъ незамѣтно мой Камковъ
 Сталъ баронессѣ тѣмъ пріятель,
 Что былъ и простъ, и непонятель:
 Ей нравиться не прилагалъ
 Онъ ни малѣйшаго старанья,
 А потому и привлекалъ.
 Ея намеки иль признанья
 Полушутливыя, (давно
 Другой бы появля ихъ: одно
 Изъ нихъ мы слышали на балѣ),
 Его нисколько не смущали:
 Ея пріязнь онъ принималъ
 За симпатію убѣжденій,
 Другихъ же тайныхъ побужденій
 Покуда не подозрѣвалъ.
 Такъ, ѣздя на урокъ съ урока,
 Въ наукѣ жизни недалеко
 Ушелъ ученый мой поэтъ;
 Но, говорятъ, кто съ юныхъ лѣтъ
 Нѣмецкой мудростью напудренъ,
 Не можетъ быть не цѣломудренъ.

Попробуйте вообразить,
 Положимъ, Гегеля — Фоблазомъ,
 Иль Канта — Казановой: разомъ

Поймете вы, что совмѣстить
 Такіе типы высшій разумъ
 И тотъ не въ силахъ. Только бракъ
 И можетъ сочетать съ наколкой
 Философическій колпакъ;
 И если — кофе и табакъ
 Сольются запахами, — смолкой
 Ихъ духъ не выкуришь никакъ.

Не странно-ль! — Эти замѣчанья,
 Позднѣй, въ часъ горькаго признанья,
 Отъ самого Камкова я
 Подслушалъ. Самого себя
 Онъ не щадилъ нисколько. Съ этимъ
 Глумленьемъ надъ самимъ собой
 Онъ былъ (мы отъ себя замѣтимъ)
 Гамлетомъ съ русскою душой.
 И вспомнимъ кстати, что Гамлета
 Тургеневъ громко осмисталъ;
 Но кто же, кто имъ не бывалъ
 Изъ тѣхъ, кто мыслилъ и страдалъ,
 Кто раболѣпно не склонялъ
 Колѣнъ предъ идолами свѣта,
 Кто сердце честное ломалъ
 Объ ихъ желѣзный пьедесталъ:

И кончилъ тѣмъ, что притворился
Юродивымъ, или смирился?..

Отъ баронессы мой герой
Спѣшить обѣдать то въ кофейной,
То у друзей, или домой
Летить забиться въ уголь свой,
Заняться новой книжкой Гейне,
Прочестъ романа свѣжій томъ,
Иль углубиться надъ трудомъ
Историка. Все, отъ Гиббона
До современнаго Прудона, —
Онъ все читалъ, какъ будто медь
Изъ нихъ высасывалъ. Но тотъ,
Кого считалъ онъ великаномъ,
Кто въ черепѣ своемъ вмѣщалъ
Весь міръ, хотя и прикрывалъ
Философическимъ туманомъ
Зерно идей своихъ, чей взоръ
Въ границахъ отыскалъ просторъ, —
Нашелъ, что духъ всему основа,
Для малаго и для большого,
Для зла и для добра, — и то.
Что абсолютное ничто
Всему есть вѣчное начало;

Ну, словомъ, Гегель для него
 Былъ первый другъ и заповало.
 Изъ отвлеченностей его
 Онъ много разныхъ истинъ вывелъ
 И даже — чуть не оплѣшивѣлъ.
 О! часто думалъ я, — родись
 Камковъ мой въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ —
 Въ философическую высь
 Ушелъ бы мой герой, и нынѣ,
 Быть-можетъ, въ парикѣ, въ очкахъ,
 Шумѣлъ бы съ кафедръ, — писалъ бы
 Трактатъ ученый, — издавалъ бы
 Въ ста двадцати пяти частяхъ
 Иль выпускахъ свои творенья;
 Въ нихъ разрѣшилъ бы всѣ сомнѣнья,
 Доволенъ былъ бы самъ собой,
 Своей дешевою сигаркой,
 Сентиментальною кухаркой,
 Или кухаркою-женой,
 Своимъ уютнымъ, скучнымъ домомъ,
 И докторскимъ своимъ дипломомъ,
 И — былъ бы счастливъ.

Не таковъ

Былъ мой талантливый Камковъ.

Онъ радъ былъ день и ночь трудиться,
 Но увѣрялъ, что не годится
 Въ московскіе профессора,
 И увѣрялъ, что самъ предвидитъ,
 Какъ ничего изъ-подъ пера
 Его хорошаго не выйдетъ.
 «Я, говорилъ онъ, — я похожъ
 «На скрипача. Едва начнешь
 «Играть въ своей каморкѣ тѣсной
 «Какой-нибудь концертъ, — сдва
 «Смычокъ, струна и голова
 «Сольются въ музыкѣ чудесной
 «Какъ вдругъ какой-нибудь сосѣдъ,
 «Больной подагрой иль чахоткой,
 «Стучится за перегородкой
 «И вамъ кричитъ: — Эхъ, мочи нѣтъ,
 «Мнѣ ваша скрипка спать мѣшаетъ!
 «И вотъ чувствительный скрипачъ
 «Отъ струнъ смычокъ свой отрываетъ,
 «И въ нѣжномъ сердцѣ ощущаетъ
 «Такую злобу, что хоть плачь.
 «Вотъ ночь проходитъ. Солнце всходитъ.
 «На скрипача опять находятъ
 «Охота душу отогрѣть,
 «И вотъ, опять смычкомъ онъ водитъ,

«И вотъ ужъ гимны сталъ онъ пѣть.
 «— Чу! кто тамъ? — Отъ хозяйки Прошка.
 «Зачѣмъ ты? — Начали говѣть
 «И просятъ погодить немножко,
 «Недѣлку эту не скрипѣть...
 «И вспомнилъ онъ, что и намедни
 «Его просили не играть,
 «Затѣмъ, что попъ прошелъ къ обѣдни.
 «Что дѣлать бѣдняку? Искать
 «Другое мѣстопребыванье,
 «Иль оказать непослушанье?..
 «А такъ какъ робость на него
 «Нашла, что выгонять его
 «Съ квартиры на морозъ безъ денегъ, —
 «Карманъ-то, видно, былъ пустенекъ, —
 «То вы изъ этого всего
 «И выводите заключенье...»

Камковъ былъ мастеръ на сравненья;
 Онъ, вѣроятно, испыталъ,
 Чтò значать камни преткновенья,
 И съ видомъ остряка желалъ
 Передъ друзьями оправдаться.
 Но онъ отъ этого, признаться,
 Ни выигралъ, ни проигралъ.

Чудакъ! писалъ бы, да писалъ,
 И вѣрно бы не хуже многихъ
Судей рѣшительныхъ и строихъ *)
 Къ намъ въ просвѣтители попалъ.
 Чего ему недоставало?
 Знать, не было геройства? Да,
 Такого свойства, господа,
 Въ моемъ героѣ было мало,
 А безъ геройства, чортъ возьми,
 Какъ трудно вѣдаться съ людьми!

Уроки, чтение, споры... Боже!
 Ужели все одно и то же?
 Но дни бѣгутъ, какъ за волной
 Волна, сказалъ бы я въ сравненье,
 Когда бы съ русскою зимой
 Могло мое воображенье
 Себѣ представить волнъ теченье...
 Стояли рѣки въ берегахъ,
 Но дни къ веснѣ текли, — и ночи
 Замѣтно дѣлались короче,
 Хотя попрежнему морозъ

---

*) Стихъ А. Пушкина

Знобилъ народъ, и зябкій ность
 Краснѣлъ порядкомъ. Но едва ли
 На то вниманье обращали
 Всѣ тѣ, кому вездѣ тепло,
 Куда бы ихъ ни занесло.
 Пусть въ берегахъ рѣка застыла
 И снѣгу много намело,
 Москва попрежнему кутила
 Природѣ пасмурной на зло.
 Въ сердцахъ, по милости лохматыхъ
 Шкуръ, содранныхъ съ лисницъ, волковъ,
 Медвѣдей, котиковъ, бобровъ,
 Звѣрей, ничѣмъ не виноватыхъ,
 По милости печей и дровъ,
 Играла кровь, вставали страсти,
 Просили счастья, денегъ, власти,
 И волновались зимой
 Еще сильнѣе, чѣмъ весной,
 Однимъ на смѣхъ, другимъ на горе.

И вотъ, нечаянной волной
 Страстей волнуемое море
 Плеснуло даже на него...
 Камковъ влюбился!

Но въ кого,

Вопросъ?—Ужели въ баронессу?
 Что-жь, развѣ это мудро!
 Ей двадцать девять слишкомъ, но
 Она свѣжа, она повѣсу
 Любого можетъ вдохновить
 И сонъ блаженства подарить.

Но Петръ Ильичъ Камковъ повѣсой—
 Ни разу не былъ, и—увы!
 Поэтому, друзья мои,
 Не могъ плѣниться баронессой:
 Онъ къ ней привыкъ и, такъ сказать,
 Ужь слишкомъ началъ уважать
 Въ ней умъ и сердце; а извѣстно,
 Какъ это чувство неумѣстно
 Тамъ, гдѣ великій самодуръ
 Шалить и тѣшится Амуръ!

ГЛАВА IV.

Судьба, ты русло жизни. Рядъ
 Случайностей неумовимыхъ:
 Неровность почвы, цѣпь преградъ,
 То шаткихъ, то неодолимыхъ,
 Опредѣляетъ вѣчный скатъ...

Жизнь русская не водопадомъ
 Слетѣла съ каменныхъ вершинъ,
 Не сыпалась жемчужнымъ градомъ
 И не спѣшила средь долинъ,
 Освободясь отъ пышной пѣны,
 Подъ сѣнью дремлющихъ руинъ,
 Плескаться въ мраморныя стѣны.

Нѣтъ! наша жизнь текла иной
 Дорогой,—тихою рѣкой;
 Надъ ней таинственно шумѣли
 Непроходимые лѣса,
 И сѣверныя небеса
 Въ ней отражались..

Помню мелп

Песчанья, волнистой мглой
 Подернутыя,—сосны,—ели,
 Солѣму,—копоть,—волчій вой,—
 Пѣснь заунывную,—далекій
 Звонъ колокола,—одинокій
 Шалашъ,—костерь,—кой-гдѣ слѣды
 Пожара, да изъ-подъ воды
 Виднѣющіеся пороги.

И долго я искалъ дороги,
 И медленно, гдѣ только могъ,

Я плыль, толкая мой челнокъ;
 И вѣрилъ я въ существованье .
 Иныхъ, счастливыхъ береговъ:
 Мнѣ говорилъ о нихъ Камковъ,
 Герой недавняго преданья.

Не разъ, въ излучинахъ рѣки,
 Сходились наши челноки...
 Онъ старше былъ, пловецъ усталый,
 Я былъ предъ нимъ ребенокъ малый,
 И онъ училъ меня весломъ
 Махать смѣлѣе. Вдругъ пахнуло
 На насъ мятежью... Все кругомъ
 Вдругъ побѣлѣло, и потомъ
 Его чуть въ тину не втянуло,
 Меня чуть не затерло льдомъ.

И я мой челнъ разбитый бросаю.
 Порой на берегъ выхожу:
 Тамъ вижу я обломки весель,
 И пригорюнившись сижу...

Валомало ледъ—и тѣ же волны
 Стремятся вдаль, и по волнамъ
 Плывутъ другихъ другіе челны

Къ обѣтованнымъ берегамъ.
 Привѣтъ вамъ, братья! Путь счастливый!
 Я, по пословицѣ правдивой:
 «Рыбакъ узнаетъ рыбака»,
 Васъ узнаю издалика.

Привѣтъ вамъ, братья! Но не знаютъ...
 Знать не хотятъ... не узнаютъ...
 И на привѣтъ не отвѣчаютъ,
 И мимо берега плывутъ...

Кто въ самого себя лишь вѣритъ,
 И говорить, что вѣра въ немъ
 Еще кипитъ живымъ ключемъ,
 Тотъ или недалеко умомъ,
 Иль очень тонко лицемѣритъ.
 Что значить вѣрить въ самого
 Себя!?. Въ себя,—въ свою особу!—
 Нулемъ быть, подвигаться къ гробу
 Отдѣльной точкой, ничего
 Кругомъ не видѣть, злою жаждой
 Томиться вѣчно, ибо каждый
 Изъ насъ, какихъ бы ни былъ сплъ,
 Одинъ—ничтожество, и гений,
 Безъ дружныхъ рукъ, безъ увлеченій

Простынетъ, если не простылъ.
 Гдѣ сердце тухнетъ, гдѣ не свѣтитъ
 Сей факель гордаго ума,
 Тамъ, можетъ-быть, вопросовъ тьма
 Изъ жизни встанетъ: жизнь отмѣтитъ
 Ихъ, можетъ-быть, но не отвѣтитъ
 Ни на одинъ пзъ нихъ...

Любви!

Огня, огня побольше!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Что дѣлаетъ Камковъ? Читаетъ?
 Статью ли пишетъ?—Нѣтъ, страдаетъ.
 Но—что за вздоръ! Ужели онъ
 Seriously, не шутя влюбленъ!
 Спросите. Этого не знаетъ
 Пока никто, а за него
 Я, право, не могу ручаться,
 Онъ можетъ вдругъ опять приняться
 За философію. Тогда
 Мы будемъ съ носомъ, господа,

И первый буду я сконфуженъ:
 Скажите, безъ любви кому
 Тогда романъ мой будетъ нуженъ?
 Конечно, другу моему
 Не чужды были увлеченья,
 Но—это были тревоженья,
 Похожія на вдохновенья:
 Онъ какъ-то вспыхивалъ и—гасъ.
 Я знаю, что Камковъ не разъ
 Плѣнялся красотой женской,
 То городской, то деревенской,
 Плѣнялся выраженьемъ глазъ,
 Плѣнялся милой простотою...
 (Неужто болѣе ничѣмъ?)
 Но онъ до глупости былъ нѣмъ,
 Суровъ до самоотреченья,
 До невозможности желать
 Взаимности... Я размышленья
 Его могу вамъ передать.
 — Камковъ! онъ думалъ:—ты опять
 За старое... Тебѣ ли съ рыломъ
 Суконнымъ да въ гостинный рядъ!
 Ты въ одиночествѣ уныломъ
 Уже заплакъневѣль, измать
 Ты рано внутренней борьбою...

И ничему не поддаюся,
 И ни за чѣмъ не погнаюся.
 Тебѣ-ль роскошничать! Чтò страсти?!—
 Вѣдь это роскошь жизни. Мнѣ-ль
 Сгорать и млѣть у нихъ во власти?
 Вонъ, на дворѣ шумить мятель...
 Въ окошки дуетъ... сыро, чадно...
 Бьютъ Пушкина одинъ парадно
 Стопть и лоснятся въ углѣ.
 Поэтъ! спасбо (хоть за это,
 Бѣднякъ, благодарнъ поэта!)...
 Вонъ, безпорядокъ на столѣ,
 И старыхъ лексиконовъ томы
 Такими кислыми глядятъ,
 Что, кажется, чихнуть хотять.
 Увы! въ такія ли хоромы,
 Къ пнымъ мечтамъ приучена,
 Взойдетъ она—моя жена,
 Иль хоть любовница?.. Быть можетъ,
 Любовь моя все превозможетъ,
 (Все можетъ статья на бѣду!)
 Чѣмъ я отпраздную побѣду?
 Вдвоемъ съ ней къ Печкину пойду
 Или въ Сокольники поѣду?..

• • • • •

Извольте видѣть, господа,
 Какъ размышлялъ онъ иногда.
 И размышляй всегда онъ этакъ,
 Я-бъ убѣдился напоследокъ,
 Что изъ героя моего
 Не выйдетъ ровно ничего.
 Байронствующій Подколесникъ,
 Онъ былъ бы для меня несносенъ.
 Но не любилъ онъ, а мечталъ:
 Незыяснимый идеалъ
 Незыяснимой красотою
 Его дразнилъ, манилъ и ждалъ.
 Передъ больнои его душою
 Онъ встанетъ тѣнью молодой,
 Неуловимой, роковой,
 И умъ его не развѣнчаетъ,
 Ея чела... Недаромъ онъ
 Какъ бы предчувствіемъ страдаетъ—
 Какъ будто чѣмъ-то огорченъ,
 Сердить,—и не подозреваетъ,
 Какъ онъ великъ и какъ смѣшонъ.

Вотъ онъ на циферблатъ косится,
 Семи часовъ зачѣмъ-то ждетъ,
 Какъ будто опоздать боятся,

И въ то же время тайно злится,
 Что стрѣлка медленно ползеть.

У баронессы онъ обѣдалъ,
 И хоть шампанскаго отвѣдалъ,
 Но былъ не веселъ, и домой
 Пришелъ сердитый.

— Боже мой!

Ему сказала на прощанье
 Жена барона:— васъ просить
 Хотятъ черезъ меня, учить
 Одно премилое созданье,
 Княжну Таптыгину. Ей лѣтъ
 Шестнадцать, и она ужъ въ свѣтъ
 Пустилась. Думаю, учиться
 Ей некогда; къ тому-жъ она
 Собою очень недурна;
 За нею стануть волочиться,
 И ужъ волочатся.

— Но я,

Сказалъ Камковъ,—ужъ двѣ недѣли
 Хожу къ нимъ въ домъ, и вамъ меня
 Просить не нужно.

— Въ самомъ дѣлѣ!..

Уже?!

И взоръ ея скользнулъ
 Куда-то въ сторону! Минута
 Прошла въ молчаньѣ. Почему-то
 Герой мой фракъ свой застегнулъ,
 Вдохнулъ и руку протянулъ
 За шляпой.

— Признаюсь вамъ,—рада
 Я за княжну, но не за васъ...

— Во всякомъ случаѣ мнѣ надо
 Спѣшить домой... Который часъ?

— Опять домой! Ну, погодите,
 Не важничайте. Расскажите...
 Неужели не скучно вамъ
 Сидѣть съ княжной и по складамъ
 Ее учить! Княжну я знаю:
 Она мнѣ дальняя родня,
 Хоть и бываетъ у меня
 Довольно рѣдко. Князь—отсталый
 Помѣщикъ и гордецъ немалый,
 Подчасъ хвастунъ и враль большой,
 Въ разводѣ съ бѣдною женой,
 Въ долгахъ по горло, утопаеть
 Въ шампанскомъ и лакеевъ бьетъ.

Дочь съ папеньки примѣръ беретъ,
 И маменьки не уважаетъ:
 Какъ та ее не умоляетъ
 Видаться съ ней,—она какъ ледъ,
 И нѣтъ въ ней сердца. И ужели
 Княжна умна! Вы двѣ недѣли
 Даете ей уроки—ну,
 Какъ вы находите?

— Княжну

Я мало знаю...

— Не успѣли

Вы раскусить...

— Да,—подтвердилъ

Камковъ:—еще не раскусилъ.

И баронессѣ показалось,
 Что онъ надулся. Подошла
 Она къ роялю, провела
 Рукон по клавишамъ, взяла
 Аккордъ, и громко засмѣялась:
 — Ахъ, чтобъ раскусывать, у васъ
 Недостаетъ зубовъ подчасъ:
 Вы только мастера кусаться!

Камковъ упрямо сталъ прощаться,
 Сказалъ, что ѣдетъ на урокъ.

— Я-бъ заперла васъ ни замокъ,
 Я посадила бы васъ въ клѣтку,
 Когда-бъ могла! Зачѣмъ вы рѣдко
 Являетесь? По четвергамъ
 Зачѣмъ васъ нѣтъ?.. И какъ же вамъ
 Не грѣхъ, не стыдно?!

Такъ игриво,
 И строго, и полшутливо,
 Съ особеннымъ умѣньемъ дамъ
 Велкосвѣтскихъ, баронесса
 Его бранила и была
 Любезна. Вдругъ—оборвала
 Потокъ рѣчей... не юдала
 Руки, и вышла вонъ...

— Мила,
 Какъ бѣсъ; но похитрѣе бѣса!—
 Подумалъ про себя Камковъ...

Домой пришелъ онъ въ шесть часовъ
 И трубку закурилъ, и ходитъ,
 Какъ будто мѣста не находить,
 Или не знаетъ, что начать...
 Но вы, друзья, хотите знать,

Какъ могъ Камковъ отъ обожанья
 Прелестной женщины, съ такимъ
 Умомъ и сердцемъ развитымъ,
 Дойти до страннаго желанья
 Противорѣчить ей, сердить...
 Давно ли онъ почти безъ скуки
 Могъ съ нею время проводить,
 Смѣяться, спорить, говорить
 Съ ней объ открытiяхъ науки,
 И объ искусствахъ, и о томъ,
 Куда мы наконецъ идемъ,
 Какая всѣхъ насъ ожидаетъ
 Судьба,—и прочее. Къ тому-жъ
 Жена мила, довѣрчивъ мужъ,
 Сынъ тупъ—и все какъ подобаетъ...

Давно ли странный мой герой
 Былъ далеко не хладнокровенъ,
 Когда Моцартъ или Бетховенъ
 Былъ оживленъ ея игрой,
 Когда рояль ея гремѣла,
 Какъ Божiй громъ, иль нѣжно пѣла,
 И слышался кристальный звукъ
 Подъ пальцами искусныхъ рукъ;
 Когда у ней лицо горѣло,

И темные, какъ ночь, глаза
(Которыхъ ни одна слеза
Не оросила) покрывались
Блестящей влагой и къ нему
Съ завѣтной тайной обращались.
Когда—Богъ знаетъ почему—
Она невольно любовалась
Своимъ вліяньемъ... то терялась
Въ мечтахъ—была оживлена,
То становилась вдругъ блѣдна,
Игру внезапно прерывала,
И говорила: «Что же вы
«Молчите?»—и сама молчала,
Не подымая головы.
Когда она его встрѣчаетъ
И руку нехотя даетъ,
И также нехотя беретъ
Ее назадъ,—не отвѣчаетъ,
Или глазами провожаетъ,
Когда спѣшитъ онъ, не простясь,
Уйти домой въ урочный часъ,—
Ужели онъ не замѣчаетъ
Въ ней перемѣны, и не лстать
Его такая перемѣна!
И онъ не ждетъ, не дорожить

Минутами!

Какая пѣна

Морская, взбитая волной,
 Сравнится съ млечной бѣлизной
 Ея роскошныхъ плечь и шей?
 Чей голосъ мягче, взоръ смѣлѣй?
 Что въ свѣтѣ можетъ быть темнѣй
 Ея волосъ? Они, какъ змѣи,
 Крутятся, и Камковъ не разъ
 Ихъ видѣлъ издали, косясь,
 И, передъ позднимъ баломъ, въ бальномъ
 Костюмѣ онъ ее видалъ,
 И утромъ иногда встрѣчалъ
 Ее у сына—въ бѣломъ спальномъ
 Нарядѣ, въ блузѣ и чепцѣ,
 Съ дремотной томностью въ лицѣ,
 Съ тѣмъ тонкимъ неостывшимъ жаромъ
 Постели, ночи и всего,
 Что было тайной для него...
 Какъ баронесса умудрилась
 Въ него влюбиться? чѣмъ плѣнилась?
 Иль, можетъ быть, у ней въ кровъ
 Везувій тлѣлъ!—Къ чему напрасно
 Судить, ридить плъ обвинять!
 Природа—деспотъ: самовластно

Царить и любить направлять
 Людей на собственные цѣли,
 Чтобы не слишкомъ разжирѣли,
 Чтобы не застаивалась кровь—
 И посылаетъ намъ любовь.

И это все герой мой видѣлъ
 (Хоть и не скоро увидалъ).
 За что-жъ природу онъ обидѣлъ?
 За что, злодѣи, возненавидѣлъ
 Ея кокетство? Дурь нашла,
 Или природа обожгла
 Его за то, что онъ, случайно,
 Какъ трусь, ей въ очи заглянулъ,
 Иль по незнанью оттолкнулъ
 Онъ чашу съ нектаромъ, и тайно
 Раскаивался въ этомъ?—Да,
 Была минута, господа..
 И онъ домой пришелъ смущенный,
 Почти всю ночь не спалъ и, сонный,
 Страдалъ, какъ будто кошмаръ
 Его давилъ...

Что это значить?

Не то ли, что любви запросъ
 Того, кто въ бѣдности возросъ,

Всегда сначала озадачить?
 Не то ли, что сердечный жаръ
 Могъ заразить его? Горячка
 Не такъ прилипчива, какъ то,
 Чего мы скрыть не въ силахъ. Кто
 Матрость, того морская качка
 Не можетъ не качать; унять
 Ее по щучьему велѣнью
 Нельзя: попробуйте придать
 Къ любви сомнѣнье, къ увлеченью--
 Разсудокъ или долгъ, и васъ
 Начнетъ покачивать какъ-разъ.

И долго былъ обуреваемъ
 Камковъ, и у него едва
 Не закружилась голова.
 Онъ устоялъ—мы это знаемъ.
 Минервы зоркая сова
 Спугнула голубей Венеры,
 Онъ заглянулъ въ лицо Химеры...
 Я не завидую ему
 И не браню...

Тамъ, гдѣ блаженство, гдѣ страданье,
 Тамъ, гдѣ кипитъ страстей потокъ,—

Что добродѣтель? что порокъ?
 Кого винить? чѣмъ восхищаться?
 Кого безжалостно казнить?
 Предъ кѣмъ безмолвно преклоняться?
 Кто лучше, выше наконецъ —
 Въ нашъ вѣкъ въ невѣріи созрѣлый,
 Умъ пламенный, въ развратѣ смѣлый,
 Иль благороднѣйшій глупецъ?
 Та дѣвушка, что отдавалась
 Любви и счастью—сполна
 И, судьями оскорблена,
 Наплакалась и настрадалась,—
 Или бездушная жена?

Вопросовъ тьма. Кто съ ними сладить,
 Кто ихъ обсудить и рѣшить?
 Любви и счастья кодексъ вѣренъ
 Стариннымъ спискамъ, но давно
 Кой-къмъ то здѣсь, то тамъ похѣренъ—
 Справляться стало мудрено,—
 Различно каждый понимаетъ...

Ужель Камковъ воображаетъ,
 Что философія должна
 Другіе сердцу дать уставы,

Что, наконецъ, рѣшить она,
 Въ чемъ наша воля, въ чемъ мы правы?
 Или намѣренъ онъ создать
 Теорію любви сначала,
 Чтобъ хоть *идея* оправдала
 Его любовь, чтобъ онъ сказать
 Могъ смѣло, почему онъ любить—
 И гибнетъ самъ иль жертву губить?
 Или онъ думаетъ: любя
 Жену другого, подкупая
 Лакеевъ, мужа надувая,—
 Какъ онъ посмотритъ на себя?
 И если правдѣ онъ измѣнить—
 Чѣмъ онъ въ душѣ ее замѣнить?
 Не правда ли, для многихъ онъ
 И непонятенъ, и смѣшонъ?

Итакъ, Камкову не давалась
 Любовь—онъ это видѣлъ самъ
 («Гдѣ тонко, тамъ и рвется»). Вамъ
 Самимъ, я думаю, случалось
 Такія страсти испытать:
 Ихъ, право, можно доконать,
 Перекрестившись, въ двѣ недѣли.
 Я этотъ срокъ нарочно даль,

Ибо герой мой, въ самомъ дѣлѣ,
Ихъ въ двѣ недѣли доконалъ.

За что-жь, однако, баронессу
Онъ хитрой женщиной назвалъ
И даже уподобилъ бѣсу?
За что? За то ли, что она
Къ нему немножко ревновала?
Кто-жь не ревнуетъ! Что княжна
Ее немножко напугала,
Что безтолковый мой герой,
Съ тѣхъ поръ, какъ занять сталъ княжной,
Все брови хмурить,—увѣряетъ,
Что онъ страдаетъ головой,
Что онъ, быть можетъ, ей мѣшаетъ,
Когда заходить по утрамъ
Къ ней въ кабинетъ,— учтивъ и скучень...
И сталъ замѣтно равнодушень
Къ ея радушнымъ четвергамъ!
Никто на этихъ вечерахъ
Не могъ читать у ней въ глазахъ...
И сдержанное нетерпѣнье
Въ ней истощилось,—перешло
Въ тревожный сонъ, въ недоумѣнье,
Въ желанье дерзкое — на зло

Всему, — во что бы то ни стало,
Имъ овладѣть... Она страдала.

Конечно, ей не привыкать
Страданье смѣхомъ прикрывать;
А кто привыкъ — тому не надо
На это хитрости большой.

Такъ ошибался мой герой;
Но говорила въ немъ досада.
— А! думалъ онъ: вы не щадите
Княжны, вы рады клеветать
На дѣвушку — и вы хотите,
Чтобъ я былъ веселъ!.. Нѣтъ, пора
Мнѣ отрезвѣть! Мнѣ надоѣли,
Мнѣ скучны ваши вечера:
Ни зла въ нихъ нѣту, ни добра.
Какая польза, въ самомъ дѣлѣ,
Предъ этой свѣтскою толпой
Мѣшать науку съ болтовней,
И, никого не убѣждая,
Хозяевъ тѣшить ради чая?
И все, что вызвано трудомъ,
Нуждой, бессонными ночами,
И жаждой знанья, и слезами,

Нести, какъ дань, въ богатый домъ,
 Гдѣ всѣ такъ праздны, все такъ ложно...
 Но, признаюсь вамъ, невозможно
 И передать всего того,
 Что лѣзло въ голову его.

На подмороженныя лужи
 Ступая всей своей ступней,
 Не чувствуя вечерней стужи,
 Онъ шелъ съ поникшей головой.
 Но... не забылъ онъ объ урокъ...

Заря блѣднѣла. На востокѣ
 Туманъ лиловый холодѣлъ,
 Надъ кровлями и надъ крестами
 Ночь тихо двигалась. Блестѣлъ
 Далекій млечный путь звѣздами.
 Москва, подобно небесамъ,
 Спѣшила засвѣтить другія,
 Таинственныя, но земныя
 Созвѣздія — и къ фонарямъ
 Послала будочниковъ. Вамъ
 Извѣстно, что и съ фонарями
 Въ Москвѣ, какъ въ небѣ со звѣздами,
 Порой такъ глухо и темно,

Что можно заблудиться; но,
Друзья, примите въ разсужденіе:
Чѣмъ пасмурнѣе освѣщеніе,
Чѣмъ наши улицы грязнѣй,
Тѣмъ вдвое больше наслажденія
Сидѣть въ семьѣ иль у друзей,
Или съ возлюбленной своей
Передъ шипящимъ самоваромъ
Вести пріятную вдвоемъ
Бесѣду (ворковать), иль ромъ
Въ чай подливая, спорить съ жаромъ.
И жизнь халатная тогда
Милѣ вдвое, господа.
Камковъ не ѣздилъ за границу,
Не видѣлъ газовыхъ пучковъ
Огня при блескѣ зеркаловъ,
И нашу древнюю столицу
Съ матеріальной стороны
Считалъ тогда довольно сносною.
Теперешніе крикуны
Тогда ходили съ рожей постной,
И громко ни одинъ изъ нихъ
Не смѣлъ безчестить мостовыхъ...
Ихъ фельетоны были слабы
(То были розы безъ шиповъ).

Но, господа,—бьетъ семь часовъ.
 Куда стремится мой Камковъ
 На подрѣзяхъ черезъ ухабы?
 Вотъ площадь, вотъ гостиный рядъ,
 Огни, возы, крестьяне, бабы...
 Капустой пахнетъ... вотъ висять,
 Какъ бусы, прѣсныя баранки;
 Стоять мальчишки надъ лоткомъ,
 И сбитень пьетъ подъ фонаремъ
 Приказный...

Ковыляютъ санки, —

Камковъ не видитъ ничего,
 Миръ будничный предъ нимъ мелькаетъ,
 И брызжетъ грязью на него...

Урокъ — обязанность святая!—
 Камковъ стремится на урокъ,
 И ѣдетъ онъ, не забывая,
 Что ждетъ его семья друзей,
 Стаканы съ чаемъ, кренделей
 Тарелка, трубка, разговоры
 На тысячу ладовъ, мечты,
 Пріятельскія остроты,
 Философическіе споры,

И Б., и К., и Г. *), и тотъ,
 Кого онъ скоро обойметъ
 Въ послѣдній разъ и вдаль проводить,
 И тотъ, кто Гейне переводить,
 И тотъ, кто вѣчно всѣхъ смѣшить,
 И тотъ, кто иногда груститъ
 О запертой на ключъ невѣстѣ...

Когда они собирались вмѣстѣ —
 Никто изъ нихъ не козырялъ,
 Не напивался: пьянство, карты
 Къ инымъ изъ нихъ — увы! — позднѣй
 Пришли — уже на склонѣ дней,
 Когда Беконъ и Декартъ
 И Гегели отъ насъ ушли,
 Какъ волны теплаго тумана,
 Что поутру, поднявшись рано,
 Плынуть съ прозябнувшей земли
 Черезъ верхушки лѣса въ небо,
 Не зная сами, что весной
 Подъ ихъ волнистой пеленой
 Для зеренъ будущаго хлѣба
 Спасительная теплота
 Была незримо разлита.

---

*) Бакунинъ, Кетчеръ, Герценъ.

Друзья Камкова собирались
 Въ тотъ вечеръ цѣлою семьей
 Затѣмъ, что мысленно прощались
 Уже другъ съ другомъ; разлетались
 Они съ грядущею весной...

Но мы ихъ общество покинемъ
 И въ новый, незнакомый домъ
 Отправимся.

Пора! — войдемъ,
 Суконный занавѣсъ раздвинемъ,
 Отворимъ лаковую дверь.
 Посмотримъ, гдѣ-то онъ теперь—
 Герой нашъ? Вотъ онъ, — новой сферой,
 Какъ чародѣйствомъ, окружонъ,
 Какъ будто воодушевленъ
 Или проникнуть новой вѣрой,
 (Таковъ его вечерній видъ),
 Въ уютной комнатѣ сидитъ
 Передъ молоденькой княжною,
 Съ раскрытой книгой подъ рукою,
 И двѣ свѣчи предъ нимъ горять,
 И двѣвухи глаза блестять
 Своей прозрачной глубиною.
 Въ нихъ отъ рѣсницъ ея порою

Тынь неподвижная стоитъ,
Съ наивнымъ, робкимъ изумленьемъ
Она ему въ лицо глядитъ,
Какъ будто все, что говорятъ
Камковъ, какимъ-то страннымъ пѣньемъ
Ей кажется. Ея уста
Полураскрыты... грудь не смѣетъ
Дышать, какъ будто тихо вѣетъ
Предъ ней великая мечта
О жизни... Словно провидѣнье,
А не учитель передъ ней
Сидитъ и разъясняетъ ей
Души святое назначенье,
На землю сводитъ небеса
И въ этомъ видитъ чудеса.
То прозу, то стихи читаетъ,
Не спрашиваетъ ни о чемъ,
Вопросы самъ подозрѣваетъ,
Молчитъ съ минуту — и потомъ
За ученицу отвѣчаетъ
Такъ просто и съ такимъ лицомъ
Спокойно-яснымъ, что признаться,
Друзья, вамъ можетъ показаться
При этомъ случаѣ, что онъ
Порядочный хамелеонъ.

Куда дѣвалась вся досада?
 Гдѣ эта глупая хандра?
 Но, господа, уже пора
 Давно, чтобъ съ силами собраться,
 Мнѣ съ этою главой разстаться.

ГЛАВА V.

Зачѣмъ стихи, зачѣмъ не проза?
 Зачѣмъ не тополь, а береза?
 Зачѣмъ не лѣто, а зима —
 Не свѣтъ, а тьма, и вѣчно тьма,
 Все покрывающая разомъ:
 И тушоуміе, и разумъ,
 И честный подвигъ, и обманъ,
 И вашъ протестъ, и мой романъ?..
 Когда стихи журчатъ и льются,
 И свѣжи, какъ потокъ лѣсной,
 Или какъ черти надъ водой
 Поютъ и воютъ и смѣются, —
 Я вслѣдъ за ними уношусь
 И ближе къ жизни становлюсь,
 И чувствую, что жизнь большая
 Мнѣ не чужая, а родная, —

Родная, кровная моя,
 Что съ ней невольню связанъ я
 То ненавистью, то любовью,
 Какъ чуткѣй нервъ съ живою кровью,
 Какъ съ моремъ зыбкая волна,
 Или какъ съ арфою струна.

. . . . .

Итакъ, въ назначенные сроки,
 А именно по середамъ
 И пятницамъ (по вечерамъ),
 Онъ сталъ княжнѣ давать уроки.
 Иныхъ—повѣрте, господа,—
 Иныхъ дѣвицъ учить бѣда
 Тому, кто слишкомъ деликатень.

Камковъ былъ вѣжливъ, былъ приятень,
 Уступчивъ, но и онъ подчасъ
 Былъ раздражителень. Не разъ
 Больная жолчь его страдала.
 Кому пріятно убѣждать,
 Что дважды-два совсѣмъ не пять?
 Онъ утомлялся—и, бывало, (
 Съ душой измученной спѣшилъ
 Домой, ложился и хандрить.

Ужъ я не знаю, оттого ли
 Камковъ взялся княжну учить,
 Что и въ тискахъ суровой доли
 Не позабылъ, не могъ забыть
 Ту ночь, тотъ балъ, какъ сонъ минувшій,
 Тотъ образъ дѣвушки мелькнувшій...
 Тотъ образъ ангела безъ крыль,
 Который такъ его плѣнилъ.
 Иль мой философъ простодушный
 Взялся за подвигъ оттого,
 Что оставалось у него
 Довольно времени...

Признаться,
 Въ послѣднемъ можно сомнѣваться.

Начавъ учить княжну, онъ былъ
 Такъ вѣжливъ, что не приступилъ
 Къ экзамену; нашель, что поздно
 Учить грамматикѣ. Серьезно
 Онъ это все сообразилъ,
 Или, подкупленъ красотою,
 Съ своею совѣстью хитрилъ.

Еще не вѣдая, не зная,
 Насколько милая княжна

И развита, и смышлена,
 Онъ сталъ учить ее, читая
 Любимыхъ авторовъ своихъ.
 Читая Пушкина, Кольцова,
 Онъ разбираетъ ихъ каждый стихъ,
 Доканывался до живого,
 До сердцевины—и потомъ
 Въ теорію влетаетъ картины
 Изъ русской жизни, безъ затѣй
 Мѣшая были нашихъ дней
 Со временами пугавщины *).
 Онъ сталъ бесѣдовать съ княжной
 Какъ будто съ очень развитой
 Дѣвицей—и негодованья
 На общество, на ложь, на зло
 Онъ не скрывалъ, и упованья
 Свои высказывалъ... (Зѣло
 Онъ вѣрилъ, что заря мерцаетъ,
 Что грязь мѣстами подсыхаетъ
 И что недаромъ Гоголь насъ
 Кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ).
 Онъ говорилъ не запинаясь

---

*) Въ Москвѣ случилось мнѣ слышать «пугавщина»—вмѣсто *пугавщины*.

И ужь, конечно, не стѣснясь...
 Межь тѣмъ, въ глубокой тишинѣ,
 Миссъ Плэдъ сидѣла въ сторонѣ
 И, свѣсивъ локонъ, наклоняла
 Сѣдую голову—читала,
 Писала письма, иль вязала
 Предъ лампой съ темнымъ колпакомъ,
 Филейнымъ шевелю крючкомъ.

Миссъ Плэдъ—Ларисы гувернантка
 Была отчасти пуританка,
 Пять лѣтъ въ Парижѣ провела,
 Перевела трактатъ о рабствѣ
 И, говоря, сестрою въ братствѣ
 Евангелическомъ была;
 Отлично знала по-французски,
 Но... трудно говорить по-русски,
 По-русски словъ до десяти
 Она могла произнести.
 Когда же слушала Камкова —
 Не понимала ни полслова,
 Чтò не мѣшало ей подчасъ,
 Немного щури лѣвый глазъ,
 Подглядывать съ недоумѣньемъ,
 О чемъ Камковъ мой говорить

Княжнѣ съ такимъ одушевленьемъ
И почему она молчить.

Княжны суровая нугливость,
Задумчивая тишина
Ея лица, неторопливость
Ея движеній, глубина
Очей лазурныхъ, молчаливость,
«Да», «нѣтъ» и больше ничего —
Все это друга моего
Сначала трогало, и было
Ему *такъ ново и такъ мило*.
Потомъ сомнѣнье вдругъ нашло,
Какъ тѣнь, на блѣдное чело
Довѣрчиваго педагога.
Однажды—на грядущій сонъ—
«Ужъ не глупа-ль?» подумалъ онъ...
И думалъ онъ объ этомъ много
И долго мучился. «Княжна
Такая странная! Кто знаетъ,
Твердилъ онъ, можетъ-быть, она
Меня совсѣмъ не понимаетъ.
Но... Господи! какъ хороша!
Мадонна въ дѣтскихъ сновидѣньяхъ
Рафаэля!.. Чтò за душа

Въ глазахъ, во всѣхъ ея движеняхъ
Какая прелесть!.. Пусть она
Неразвита и не умна..
Зато... и не глупа же очень...»
Въ одну изъ пятницъ, озабоченъ
Такимъ сомнѣньемъ,—«Нѣтъ же, нѣтъ! —
Онъ мысленно себѣ въ отвѣтъ
Твердилъ упрямо,—«нѣтъ, глазами
Такими тупость не глядеть!
Она меня благодарить
И молчаливыми устами,
И этимъ взглядомъ. Боже мой!
Какъ я неправъ передъ княжной!»
И вотъ проклятый Мефистофель
(Московскій, стало—безъ затѣй)
Ему надъ ухомъ шепчетъ: «Эй!
Не слишкомъ вглядывайся въ профиль
Княжны загадочной моей.
Вѣдь это не мечта поэта
И не мадонна, въ безднѣ свѣта
Межъ ангеловъ по облакамъ
Грядущая, и не Психея
Изъ мрамора, среди музея
Поставленная знатокамъ,
Такимъ, какъ ты, на удивленье:

Нѣтъ, это смертное творенье—
 Княжна Таптыгина.. Простись
 Съ надеждами—и отвернись!
 Вѣдь ты и чирика подь сѣтью
 Держать не станешь; стало-быть,
 Гебѣ, мой другъ, обуха плетью
 Вовѣки не перешибить!»

Такъ бѣсъ поддразнивалъ Камкова
 Онъ зналъ, съ чего ему начать.
 Другое на ухо другого
 Онъ, вѣрно, сталъ бы напѣвать.
 Въ аристократку педагога
 Влюбить—задача недурна,
 Особенно для психолога.
 Конечно, швейка и княжна,
 Мѣщаночка и баронесса—
 Для любознательнаго бѣса
 Всѣ одинаково равны,
 Всѣ для него испечены
 Изъ одного того же тѣста;
 Но—у людей разряды есть,
 У всякаго свое есть мѣсто,
 Своя особенная честь,

И надобно, чтобъ грѣхъ попуталъ,
 Чтобъ кто-нибудь все это спуталъ...

Пусть говорятъ: «попуталъ грѣхъ!»
 Я, господа, грѣха не вижу
 Въ томъ, что люблю и ненавижу,
 Кого хочу... Но ѣдкій смѣхъ,
 Надменный тонъ, расчеты свѣта,
 Мертвящій холодъ этикета,
 Сердце продажныхъ маскарадъ —
 Какой любви не охладять,
 Кого не оттолкнуть?

Далеко

Отъ шума свѣтскаго жила
 Моя княжна. Она ждала,
 Какъ развлеченія, урока...
 И тишина была кругомъ,
 Когда Камковъ являлся въ домъ.
 Самъ князь въ ту зиму былъ въ отлучкѣ.
 Пустымъ казался бель-этажъ,
 Когда Камковъ касался ручки
 Звонка. Дверей парадныхъ стражъ,
 Швейцаръ, являлся безъ ливрен. —
 Лакей въ душѣ, какъ всѣ лакеи,
 Почуя носомъ бѣдняка,

Глядѣль немного свысока,
И молча принималъ Камкова,
Какъ господина, нанятаго
Въ извѣстный часъ, въ извѣстный день,
Тревожить княжескую лѣнь.
И, какъ обычный посѣтитель,
Шелъ безъ доклада мой учитель.
Сперва по лѣстницѣ шагаль,
Потомъ черезъ холодный залъ,
Покашливая, направлялъ
Свои шаги онъ къ коридору
Довольно темному, къ дверямъ,
Завѣшаннымъ ковромъ—и тамъ
Встрѣчалъ застѣнчивую Лору,
Или Ларису,—у окна
Или у лампы съ книгой. Станный
Былъ взглядъ у ней, когда она
Его встрѣчала. Такъ со сна
Глядитъ на вась ребенокъ, рано
Разбуженный и чѣмъ-нибудь
Пріятно изумленный. Грудь
Прикрывши книжкой, подходила
Она къ столу, не говорила
Ни слова и была блѣдна.
Она къ уроку приступала

Какъ будто къ таинству; она
Какъ будто молча изучала
Камкова. (Мой ученый другъ
Сталь унывать). Она молчала,
Молчала три недѣли—вдругъ
Пришла въ себя, заговорила,
И такъ Камкова изумила,
Что онъ... и руку протянулъ,
И усмѣхнулся, и вздохнулъ
Отъ радости... И, Боже мой!
Съ какою милой простотой,
Съ какой улыбкою привѣтной,
Съ какою искренней, замѣтной
Довѣрчивостью, начала
Она съ нимъ говорить!.. Призналась,
Какъ въ первый разъ она боялась
Его прихода; какъ была
Она тупа и какъ страдала,
Когда его не понимала.
—«Я думала, что на меня
Вы будете кричать,—сказала
Она, рѣсницы опустя,
Съ зардѣвшимся лицомъ:—вѣдь я,
Сказать по правдѣ, безтолкова.
Такъ напимѣрь, что значить слово

«Сосредоточенность?..» Потомъ
 Княжна, чертя карандашомъ
 Какой-то носъ въ пустой тетрадки,
 Сказала: «не могу смекнуть,
 Чтò значить «личность». Брань, нападки?
 Или другое что-нибудь?»

. . . . .
 . . . . . Княжна мечтала,
 Ждала чего-то впереди,
 И думала, что все возможно...
 И сердце въ дѣвственной груди
 Полнѣе билось; сонъ тревожный,
 Смыкая очи, не смыкала
 Горячихъ усть... Онъ рисовалъ
 Не за предѣлами могилы,
 А въ жизни—разума и силы
 И чести свѣтлый идеаль...
 Камковъ ей часто намекалъ,
 Что есть у всякаго народа
 Святая цѣль—его свобода.
 По-своему онъ понималъ
 Свободу. Быть вполнѣ свободнымъ—
 Онъ думалъ—значило связать
 Себя во многомъ, сочетать

Свой личный идеаль съ народнымъ.
 Такъ отчего же мой Камковъ
 Не сдѣлался славянофиломъ?
 Друзья! не тратя лишнихъ словъ,
 Скажу, что бѣдный мой Камковъ
 Не вѣрилъ потаеннымъ силамъ.
 «Нѣтъ! часто думалъ онъ:—пока
 Нашъ мужичекъ безъ языка,—
 Славянофильство невозможно
 И преждевременно, и ложно...»

А баронесса начинала
 Не въ шутку волноваться; знала
 Она, что съ ней, но не могла
 Понять, что съ нимъ: онъ сталъ желтѣе,
 Разсѣяннѣе, холоднѣе,
 Скорѣй придирчивъ, чѣмъ остеръ.
 — Ужель, княжна!.. Нѣтъ, это вздоръ!
 Нѣтъ, это только подъ сомнѣньемъ...
 («Ужь если я не увлекла!»)...
 И баронесса съ нетерпѣньемъ
 Влюбленной женщины ждала
 Развязки...

Въ маѣ, за границу
 Она съ собой его звала;

Она звала Камкова въ Ниццу,
 Въ Венецію, въ Неаполь, въ Римъ,—
 Столицу паны, пдіотовъ—
 Поповъ, натурщицъ, патріотовъ
 И мраморныхъ боговъ. Предъ нимъ
 Она хвастливо раскрывала
 Большой съ рисунками альбомъ,
 Рассказывала, намекала
 Гдѣ можно умереть вдвоемъ... *)
 Камковъ шутилъ, и бѣсъ лукавый
 Въ ней колебалъ разсудокъ здравый.
 На что ужъ, кажется, она
 Была умна и учена.

Въ тотъ день, когда княжна Камкова
 Такъ удивила, ужъ никакъ
 Не ждалъ сюрприза онъ другого.
 Домой вернувшись, мой чудакъ—
 Нашелъ записку; распечатать,
 Прочелъ... еще прочелъ—и спряталъ...
 Писала женская рука,
 Но не по женски коротка
 Была записка. Лаконична,

---

*) Стихъ А. Н. Майкова.

Насколько можно, и ясна,
 Насколько должно. Я отлично
 Ее запомнилъ.

Вотъ она:

ЗАПИСКА БАРОНЕССЫ.

«За что вы стали избѣгать
 «Друзей? Чудагъ вы!.. Развѣ честно
 «Такъ съ женщинами поступать?
 «Позвольте прямо вамъ сказать:
 «То, что изволить васъ пугать,
 «Не можетъ быть для васъ нежелтно...
 «Мнѣ ваше сердце неизвѣстно,—
 «Свое я не хочу скрывать...
 «Къ чему скрывать! вѣдь я страдаю
 «Не оттого, что я люблю,
 «А оттого, что я не знаю:
 «Любима ли? Я васъ молю
 «Меня не мучить!.. Дайте слово,
 «Что завтра въ *десять* вы у насъ.
 «Я для другихъ больна: для васъ
 «Я буду вечеромъ здорова...»

И только!.. Если не считать
 За этимъ—точекъ... Точки эти
 Затѣмъ и выдуманы въ свѣтъ,
 Чтобъ непонятно выражать
 Понятное. Блаженъ, кто можетъ
 По нимъ о счастья гадать,
 Кого ихъ тайный смыслъ тревожить!

И эти точки мой герой
 Невольно принялъ къ сердцу близко.
 Но откровенная записка—
 Увы! не сердце, а покой
 Больной души его смутила...

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

И вотъ, не безъ душевныхъ слезъ,
 Припалъ онъ жаркой головою
 Къ своей подушкѣ, не раздѣтъ
 И не разуть, точь въ точь поэтъ,
 Неумолимою судьбою
 Въ темницу брошенный, и тамъ,
 На жертву крысамъ и мечтамъ
 Покинутый...

Свѣча горѣла

И догорала... Онъ лежалъ,
 Лежалъ... потомъ лѣниво всталъ,
 Раздѣлся... Полночь прогудѣла
 На дальней башнѣ; онъ задулъ
 Свѣчу и, наконецъ, заснулъ.

Герой мой спить.— Чу! зачиликалъ
 На мокрой кровлѣ воробей:
 Не солнце, а весну онъ кликалъ.
 Заря все шире, все теплѣй
 Вставала... въ полдень дождикъ капалъ
 Съ дощатыхъ кровель, рыхлый снѣгъ
 Былъ смѣшанъ съ грязью, санный бѣгъ
 Каменья мостовой царапалъ,
 Колесъ глубокіе слѣды
 Сплывались,—не было ѣзды
 Ни на саняхъ, ни на колесахъ...
 Весна протягивала посохъ
 И слышался со всѣхъ сторонъ
 Въ Москвѣ великопостный звонъ.

Еще довольно было рано,
 Чтобъ ѣхать въ гости къ холостымъ;
 Но мы старушкѣ извинимъ.

Въ ворота въѣхала Ульяна
 Ивановна, слыша застать
 Камкова, и была серьезно
 Удивлена, что онъ такъ поздно
 Еще изволить почивать.
 Она пріѣхала съ служанкой,
 Съ своимъ мѣшочкомъ и съ вязанкой
 Баранокъ.— «А когда-жъ онъ встать
 «Изволить? скоро будетъ восемь
 «Часовъ; мы разбудить попросимъ».
 Пошла кухарка отворять
 Скрипучій ставень. Всталь съ постели
 Герой мой и глаза протеръ,
 И удивился:

— Неужели

Княгиня?.. гдѣ? съ которыхъ поръ?..
 Сейчасъ одѣнусь.—

— «Не сердитесь,

«Отецъ мой: ѣду изъ Москвы
 «Молятся къ Троицѣ...»

— Ужъ вы

И за меня тамъ помолитесь,—
 Сказаль онъ, отворяя дверь.

Она вошла...

— «Ну да, конечно,

«Мой милый Петръ Ильичъ, теперь
 «Угоднику поклоны вѣчно
 «Я буду класть и за тебя».
 — За что-жъ такъ долго за меня
 Вы будете трудиться? Я
 Такихъ моленій недостойнъ...

— «Ну, милый, ты ужъ будь покоенъ
 «На этотъ счетъ. Вѣдь это я
 «Уладила, что ты уроки
 «Дасшь моей княжнѣ. Была
 «У родственницы и дала
 «Твой адресъ. Я тебя въ пророки
 «Какіе-то произвела:
 «Сказала... ну, что я сказала,
 «Про то молчу. Вѣдь я слыхала,
 «Какой ты мастеръ: говоришь
 «Какъ книга--и не улетитъ
 «Вслѣдъ за тобой, и не поймаешь:
 «Такъ высоко ты забрасаешь!
 «Недаромъ ты одну изъ дамъ
 «Приворожилъ; чуть не свихнула
 «Съ ума... ну да!»—И по губамъ
 Старушки блѣдной проскользнула
 Усмѣшка. Впрочемъ, не кольнуть

Камкова я не намекнуть
 Хотѣлось ей на что-нибудь:
 Напротивъ, бѣдная хотѣла
 Ему польстить и не умѣла.

«О!»—выслушавъ ея слова,
 Камковъ подумалъ:—«о, Москва!
 «Москва!..» (вчерашее посланье
 Мелькнуло въ головѣ его),
 Неужели твое призванье—
 Все знать, не дѣлать ничего
 И сплетничать?..

Совсѣмъ иное

Происходило въ головѣ
 Старушки, и не о Москвѣ
 Напоминало ей больное
 Въ душѣ мѣстечко! Можетъ быть,
 Довольная своимъ вступленьемъ,
 Она, съ замѣтнымъ нетерпѣньемъ,
 Рѣшилась вдругъ его спросить:
 — «Что дочка? и чему ты училъ?»
 «И скоро ли ее приучишь
 «Меня за вѣдьму не считать?
 «Вѣдь я люблю ее... я мать!»

Камковъ очнулся,—не съ ума ли
Она сошла?..—Что вы сказали?
Какая вѣдьма?..—

— «Отчего-жь,

«Когда она меня встрѣчаетъ,
«Ее, голубушку, бросаетъ
«Всю въ лихорадочную дрожь?
«Ты ей скажи, я не желаю
«Пугать... не подойду... Я знаю,
«Какъ тяжело и страшно ей
«Встрѣчаться съ матерью своей.
«Вотъ и на-дняхъ она каталась
«Съ своей мадамой, и на ней
«Былъ бархатный салопчикъ,—ей
«Остановиться-бъ... Сильно жжалось
«Во мнѣ сердечушко, когда
«Она какъ вѣтерокъ промчалась.
«И то сказать, прошли года
«Съ тѣхъ поръ, какъ я съ княжной разсталась!
«Тогда еще и трехъ годковъ
«Ей не было. Отецъ боялся,
«Что я приду за ней: суровъ
«Онъ былъ со мной и горькихъ словъ
«Мояхъ не слушалъ. Богу клялся,

«Что мнѣ, какъ собственныхъ ушей,
«Не видѣть дочери моей...»

Княгини голосъ оборвался..
Камковъ съ усиленіемъ молчалъ.

— «Ну вотъ, онъ клятву и сдержалъ!..»
Она съ тоской договорила,
И съ безпокойствомъ повела
Платкомъ по подбородку...

— «Зла

«Я не желаю»,—начала
Опять княгиня:—«только знаешь,
«Какія дѣются дѣла
«На свѣтѣ! и не разгадаешь,
«Какъ поступать...»

— Что-жъ было съ вами?»

Спросилъ Камковъ, моргнувъ глазами.
— «Не вынесла, мой другъ. Въ нашъ домъ
«Князь помѣстилъ свою Любашу,
«Цыганку. Заваривши кашу,
«Хотѣлъ онъ скрыть ее—и скрылъ!..
«И гдѣ-жъ ее онъ помѣстилъ?
«Съ княжною рядомъ—подлѣ дѣтской!!
«— Я няньку нанялъ,—говорить,—

«Привезъ изъ слободы пѣмецкой.—

«Да съ этой нянькой и кутить...

«Что будешь дѣлать? Я ни слова,

«Ни полсловечка... Я взяла

«Да и ушла. Ну да, ушла,

«Въ день Воскресенія Христова,

«Изъ церкви прямо, какъ была,

«Въ нарядномъ платьѣ, наняла

«Карету, да и покатила

«Вонъ изъ Москвы—да и забыла

«Про колыбельку!

— Не могли

Вы поступить иначе—и

Педурно поступили.—

— «Свято

«Я исполняла долгъ мой... Но

«Тутъ, извини: я виновата.

«И не оправдывай!.. Грѣшно

«Мнѣ было въ этакомъ содомѣ

«Покинуть дочку. Наказаль

«Меня Господь!.. Всѣхъ въ нашемъ домѣ

«Всѣхъ муженекъ мой разогналъ;

«И няню... и ее отправилъ

«Въ деревню; при себѣ оставилъ

«Двухъ поваровъ, да изъ людей

«Какимъ-то чудомъ лишь Матвѣй
 «Мой уцѣлѣлъ—старикъ усердный,—
 «Онъ недоимки собирать
 «Былъ посланъ,—любить куликать,
 «А впрочемъ честности примѣрной...
 «Конечно, въ домъ меня пускать
 «И онъ не смѣлъ: за мной слѣдили...
 «Я знаю, старика водили
 «Въ полицію за то, что онъ,
 «Вишь, отъ меня принесъ поклонъ
 «Малюткѣ...»

— Какъ же поступили
 Съ нимъ полицейскіе?

— «Ну, какъ!

«Извѣстно какъ—обыкновенно».

— Что-жъ онъ?

— «Да ничего»,—смиренно

Отвѣтила княгиня, «такъ

«Несчастливаго и наказали

«Изъ-за меня... Съ тѣхъ поръ, мой другъ,

«Чтобъ люди-то не пострадали,

«И на меня нашелъ испугъ;

«Въ особенности за Матвѣя

«Мнѣ было тягостно...»

Краснѣя

До самыхъ, такъ сказать, бровей,
 Хозяинъ мой внималъ своей
 Печальной гостьѣ. Ничего-то
 Не звалъ онъ, хоть и жилъ въ Москвѣ.
 Въ его горячей головѣ
 Былъ мѣръ иныхъ идей—работа
 Ученая... Мой педагогъ
 Никакъ вообразить не могъ
 Своей наивной ученицы,
 Въ такой средѣ... среди такой
 Житейской грязи.

. . . . . — «Я добиться
 «Хотѣла правъ своихъ... мириться
 «Хотѣла,—гордости своей
 «Не слушала—и что-жь? меня же
 «За это обвинили! Даже
 «И репутаціи моей
 «Не стали вѣрить... Онъ, злодѣй,
 «Не пощадилъ меня нисколько...
 «—Убью! кричалъ... Попробуй только!—
 «Вотъ, начала и подрастать
 «Моя княжна, и стали мать
 «Ей людоѣдкой представлять.
 «Чего ужъ ей не говорили,

«Чѣмъ не пугали, не мутили
 «Разсудка дѣтскаго!.. При ней
 «Хорошихъ не было людей...
 «Еще не знаешь ты, какъ люди
 «Жестокосердны! Впрочемъ, буди
 «Его святая воля! Все
 «Перетерплю—и что мое,
 «То не уйдетъ. Ушло—вернется,
 «У Бога очередь ведется...»

— Но,—перерывъ ее Камковъ,—
 Положимъ, трехъ-пяти годовъ
 Ребенокъ былъ напуганъ вами...

— «Ну да, напуганъ. Онъ слезами
 «Меня встрѣчалъ, рвался изъ рукъ,
 «Головку пряталъ...»

— Увѣряю,
 Княгиня, если-бъ кто другой
 Рассказывалъ... Но, Боже мой!
 Я все еще не понимаю:
 Ребенокъ могъ бояться васъ,
 Ну, а теперь?

— «Теперь?—не знаю,
 «Отецъ мой! Только всякій разъ,

«Когда случайно я встрѣчаю
 «Мою красавицу,—она,
 *«Какъ платъ, становится блѣдна,
 «Ну, словно видѣть хладнокровно
 «Меня не можетъ... ну... ну, словно
 «И врагъ заклятый. Да и я
 «Сама къ ней подступить не смѣю:
 «Что, если оттолкнуть меня?..»

— А если бросится на шею...

Чего же вы боитесь?

— «Нѣтъ,

«Боюсь я...» былъ ей отвѣтъ.

И блѣдная старушка стала
 Еще блѣднѣй. Богъ вѣсть о чемъ
 Она потупясь размышляла,
 И въ этотъ мигъ ей черты,
 Что горе и года измяли,
 Какъ бы живѣй напоминали
 Остатки прежней красоты;
 Приглядываясь, можно было
 Узнать въ ней мать княжны. (Въ сухомъ
 Цвѣткѣ мы узнаемъ съ трудомъ
 Его родню, что съ вѣтеркомъ
 Играсть свѣжимъ лепесткомъ.)

И мысль свести ихъ соблазнила
Камкова...

— Я васъ помпрю,
Сказаль онъ хмурясь,—говорю,
Какъ честный человекъ.

— «Неужто?»

Отозвалась она,—«а мужъ-то
«Мой благовѣрный,—развѣ онъ
«Допустить!»

— Полноте бояться,
Онъ гдѣ-то рыщетъ.

— «Я, признаться,

«Сама хотѣла... Ты поклонъ
«Мой отнеси сначала. Ъду
«Сегодня къ Троицѣ; ну, да
«Авось Господь пошлетъ побѣду
«Надъ сопротивнымъ... Когда
«Я ворочусь,—ты ей, мой милый,
«Просвирку отнесешь: повѣрь,
«Что это хорошо... Теперь,
«Прощай пска!»

И заспѣшила

Старуха—и, перекрестясь,
Уѣхала.

Десятый часъ

Былъ на часахъ Камкова. Онь
 Певольно вспомнилъ вечеръ. Легъ онъ
 На свой диванъ между двухъ оконъ,
 И, грустный, вслушивался въ звонъ:
 Колоколá протяжно пѣли,
 Тянули душу, но не грѣли;
 Одна мечта была тепла,
 И та—мучительна была...

ГЛАВА VI.

Извѣдано, что хитрость есть
 Умъ дураковъ, и—несвободныхъ,
 Добавлю я,—и всѣхъ, чья честь
 Вращается среди природныхъ
 Ея враговъ. Врагамъ же нѣсть
 Числа,—ихъ больше, чѣмъ голодныхъ
 Волковъ въ лѣсу, чѣмъ хищныхъ птицъ
 Въ степи; что шагъ, то и возможность
 Сгубить всю жизнь свою... Въ лисицъ
 Пасъ превращаетъ осторожность...
 Мы, люди съ правилами, такъ
 Искажены, такъ лицемѣримъ,
 Что поневолю только вѣримъ
 Чистосердечію собакъ.

Мужъ баронессы былъ скорѣ
 Баранъ, чѣмъ волкъ; но съ нимъ хитрѣ
 Она была, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь:
 Она не слишкомъ опасалась
 Его роговъ,—она боялась
 Своей измѣною кольнуть
 Его достоинство баранье,
 Утратить все свое вліянье,
 И быть осмѣянной пустой
 Великосвѣтскою толпой,
 Къ которой ни по состоянью,
 Ни по связямъ, ни по призванью
 Никакъ принадлежать не могъ
 Мой благородный педагогъ.
 Но баронессѣ мало было
 Хитрить съ барономъ! нѣтъ, она
 Сама съ собой осуждена
 Была хитрить, и такъ хитрила,
 Какъ никогда...

Въ условный день

Свиданья, долго притворялась
 Она поутру спящей,—лѣнь
 Ей было встать. Она терялась
 Въ своихъ сомнѣньяхъ, зарывалась
 Въ подушки... «Вечеръ все рѣшить!»

Она мечтала.

Люди встали,
Скребли, мели и—перестали.
Всѣ думали, хозяйка спитъ.
А между тѣмъ она твердила,
Твердила: «вечеръ все рѣшить».
Но вотъ, одѣвшись, побранила
Она себя за этотъ бредъ,
И за вчерашнее посланье
Къ Камкову.—Кажется, признанья
Въ немъ не было... Конечно, нѣтъ!
Лукавый ей шепнулъ въ отвѣтъ.

Потомъ за чаемъ разсудила
Она, что глупо поступила;
А впрочемъ, врядъ ли онъ пойметъ—
Въ чемъ дѣло... Печего напрасно
Тревожиться, и онъ прекрасно
Поступить, если не придетъ:
Да и она его не ждетъ,
Совсѣмъ не ждетъ и пмъ не бредитъ:
Напротивъ, очень можетъ быть,
Что и сама она уѣдетъ
На цѣлый вечеръ. Заложить
Велитъ двухмѣстную карету

И ко всеобщей къ Филарету
Отправится. Пускай придетъ
И не застанетъ дома... Боже,
Какъ онъ разсердится!

— За что же

Вы сердитесь, философъ мой!
Могла-ль я думать, что рѣшится
Вы на свиданіе со мной?
Нѣтъ, вы сперва въ меня влюбитесь,
Потомъ уже... О, вы чудакъ
Такой, какихъ на свѣтъ мало!
Что за бѣда, что я не стала
Васъ дожидаться? Если такъ
Васъ это сердить,—чѣмъ хотите
Я испую мою вину...
Желайте, требуйте, просите...
И я.. я васъ не обману.
Отбросьте недоразумѣнья!

Такъ въ области воображенія
Она бесѣдовала съ нимъ:
Герой былъ счастливъ, и—незримъ,
Она была боготворима
И такъ же, какъ и онъ, незрима...

Пускай глядятъ—пусть смотритъ сынъ...
Пусть смотритъ мужъ...

И за обѣдомъ,
Съ однимъ помѣщикомъ-сосѣдомъ
Она кокетничала; винъ
Ему заморскихъ предлагала,
Сама въ стаканы наливала
И тѣшилась: пусть ни одинъ
Изъ нихъ не видитъ, что тамъ бродитъ
У ней въ мозгу, что происходитъ
Въ душѣ... Въ смѣющихся глазахъ
У ней темнѣе было вдвое,
Чѣмъ ночью въ черныхъ облакахъ
Иль въ омутѣ на днѣ. Какое
Намѣренье скрывалось въ ней,
Когда она своихъ гостей
Такъ угощала за обѣдомъ? —
Кто понялъ?.. Но съ ея сосѣдомъ,
Едва изъ-за стола онъ всталъ,
Случилось диво: онъ повѣсилъ
Свой красный носъ и задремалъ...
Потомъ привсталъ, поклонъ отвѣсилъ,
Потомъ, чтобъ больше не дремать,
Въ гостиницу поѣхалъ—спать.
Съ утра болтающіе гости

Ее терзали. Тайной злости
 Полна, она лишь объ одномъ
 И думала и говорила
 При всѣхъ, открыто, за столомъ,
 Что хочетъ выѣхать; потомъ,
 Когда она самъ-другъ осталась
 Съ барономъ, вдругъ ей показалось,
 Что въ сплну колетъ, что она
 И простудилась, и больна...
 Что ей такъ хочется къ графинѣ
 Заѣхать... и... увы! должна
 Скучать...

«Ахъ!—вспомнила она
 При мужѣ—буду по-латынѣ
 Учиться... Кажется, звала
 Сегодня я Кэмкова. Зла
 Я на него. Да, никакого
 Въ немъ такта нѣтъ: по четвергамъ
 Зову, зову... даетъ мнѣ слово —
 И надуваетъ! Вѣчно къ намъ
 Придетъ не въ-время. Намедни
 Пришелъ поутру; я къ обѣдни
 Сбиралась... Вѣчно невпопадъ!
 Такой чудакъ!»

— Ну, что-жь? я радъ! —

Тряхнувши гладенькой головкой,
Сказалъ баронъ,—онъ малый ловкій
И, нечего сказать, ученъ,
Ученъ, собака!

Вотъ, разсталась

Она съ супругомъ и пошла
Въ свой будуаръ. Уже смеркалось;
Заря по огнямъ пронесла
Огни свои и за гардиной
Куда-то спряталась. Въ гостиной
Часы пробили девять. Свѣтъ
Прощальный въ сумеркахъ печальныхъ
Еще кой-гдѣ мелькалъ въ зеркальныхъ
Померкшихъ стеклахъ. Въ кабинетъ
Къ барону лампу осторожно
Пронесъ лакей, но будуаръ
Былъ темень: щекъ румяныхъ жарь
Не озарялъ его... Тревожно
Она оглядывалась: слухъ
Ея былъ напряжонъ.—Возможно-ль,
Чтобъ время медленное вдругъ
Подкралось къ ночи! Не безбожно-ль
Оно обманываетъ насъ?

Неужели условный часъ
 Такъ близокъ?.. Сдержанно и бурно
 Дышала грудь ея... Звонокъ—
 И онъ войдетъ...

Чу! молотокъ
 Позолоченнаго Сатурна,
 У Гименея не спросясь,
 Протяжно, съ разстановкой, разъ
 Ударилъ... два... и сосчитала
 Она удары: десять!.. Встала
 И, блѣдная, пошла къ дверямъ
 Передней.

«Ты сегодня въ клубъ?»
 — Ну, да, мой другъ, конечно, тамъ,
 Сказалъ баронъ.

Баронъ былъ въ шуфъ
 И ждалъ кареты; кучерамъ
 Былъ посланъ нагоняй. Терпѣнье
 Въ немъ лопнуло.—«Какой подлець
 Закладываетъ!» въ заключенье
 Ворчалъ онъ подъ носъ. Наконецъ,
 Къ крыльцу карета подкатилась
 И въ клубъ барона увезла.
 Жена въ переднюю вошла
 И на швейцара покосилась;

Но—не къ швейцару обратилась,
А къ камердинеру:

«Позвать
Мнѣ сына».

—Онъ никакъ изволилъ
Въ концертъ уѣхать...

«Кто позволилъ?
«Баронъ? Какъ мальчика пускать
«Безъ старшихъ, одного! Спросите,
«Кто изъ людей поѣхалъ съ нимъ!
«Какая мука!.. Доложите,
«Коли придетъ Камковъ. Другимъ
«Отказывайте: говорите,
«Что я больна и спать легла».
Сказала, бровью повела —
И вышла.

Боги! нѣтъ страданья
Несноснѣе, какъ ожиданье
Влюбленныхъ. Тотъ, кто испыталъ
Его,—тотъ медленно глоталъ
Сокъ приторный изъ чаши самой
Противной скуки. Надо быть
Не женщиной, не свѣтской дамой,
Чтобъ до конца ее допить
И на другой же день въ постелю
Не слечь на цѣлую недѣлю.

Еще довольно весела
Она была, когда вошла
Въ свой кабинетъ. Нашла, что мало
Огня въ каминѣ,—набросала
Туда щипцами угольковъ...
Подумала: придетъ Камковъ
И что-то скажетъ?..—Не дожидаться
Ему признанья новыхъ словъ!
Нѣтъ, я вторично унижаться
Не стану. Нѣтъ!—И ей заняться
Хотѣлось... Спичкою зажгла
Она свѣчу, достала книжку,
Читать хотѣла—прилегла
И встала... Вспомнила Амнишку,
Свою собачку, и пошла
Ее укладывать, а кстатп
Узнать объ горничной, объ Катѣ,
Которая вчера слегла
Отъ головной простудной болп:
Ей нужно къ икрамъ привязать
Горчичники. Нехудо знать,
Что дѣлается... Словомъ, все ли
Въ порядкѣ.

— Боже мой!.. Камковъ!

Ты, можетъ быть, своихъ часовъ
 Не заведилъ—или пропала
 Моя записка... или... но
 Мнѣ совершенно все равно...
 И баронесса повторяла,
 Что никого она не ждетъ
 И ждать не хочетъ. Пусть придетъ,
 Пусть не придетъ,—ей дѣла мало,
 Ей все равно!.. Изъ-за него
 Она терзать себя не станетъ.
 Что онъ такое?—ничего!
 Плебей, учитель! Вѣчно занятъ,
 Чтобъ хлѣбъ насущный добывать...
 Ему-ль цѣнить! Ему-ль понять!
 И прочее...—Нѣтъ, нѣтъ! Вѣрнѣе,
 Всего вѣрнѣе, что Камковъ
 Не заводилъ своихъ часовъ,
 И непременно онъ поздне
 Придетъ... Не получить не могъ
 Онъ моего письма... У ногъ
 Моихъ онъ выпроситъ прощенье
 И за минуту промедленья,
 Не только за десять минутъ!

А между тѣмъ часы бѣгутъ...
Замѣтно исчезаютъ краски
Съ ея лица, глаза не мрутъ:
Они горятъ... Лицо безъ маски
Омрачено уже такой
Досадою, такой тоской,
Что... если умъ съ душою бѣдной
Еще попрежнему хитритъ,
— Ты, баронесса,—говорить
Ей зеркало:—такую блѣдной,
Такую смутной не была
Съ тѣхъ поръ, какъ сына родила.—
И, покачнувшись, отошла
Она отъ зеркала, и руки
Скрестила, и опять легла,
И долго вслушивалась въ звуки
Иль въ гулъ шаговъ, колесъ, саней
На улицѣ... Войди онъ къ ней
Сейчасъ,—она бы не сумѣла
Подняться: такъ оцѣпенѣла
Всѣмъ тѣломъ, такъ была она
Вся въ чуткій слухъ превращена.
Войди онъ къ ней сейчасъ,—и въ зрѣнье
Въ такое-жъ чуткое, какъ слухъ,
Она бы превратилась вдругъ,

И ни одно его движенье
 Не ускользнуло бы,—въ одно
 Неуловимое мгновенье
 Все было-бъ понято.

Грѣшно

Ему такъ медлить! Какъ! ужель
 Одиннадцать?! Какъ бой часовъ
 Далеко слышнень! Прогудѣли
 Удары... конечно! Камковъ
 Не будетъ...

Въ залу устремила
 Она свой взоръ—тамъ тьма была,
 И въ темную она вошла
 Гостиную, и показалось
 Ей тамъ, что будто помѣшалась
 Она, что бредить наяву—
 Къ невидимому существу
 Идетъ навстрѣчу... Испугалась
 Она такой мечты; осталась
 Однакоже впотѣмахъ, потомъ
 Къ окошку подошла, и лбомъ
 Прижавшись къ темной рамѣ, стала
 Глядѣть на улицу. Съ угла
 Отъ фонарей была свѣтла
 Большая улица. Мелькали

То здѣсь, то тамъ, то выростали,
 То съживались тѣни. Вотъ
 Какая-то мамзель идетъ,
 Какой-то кавалеръ за нею
 Спѣшить, вытягиваетъ шею,—
 Каргузь клеенчатый блестятъ
 И пропадаетъ... Вонъ, въ овчинной
 Шубейкѣ баба штофъ несетъ...
 Вотъ, ѣдетъ рысью съ пикой длинной
 Казакъ и, можетъ быть, везетъ
 Денешни... Вотъ и неуклюжій
 Фонарщикъ: съ лѣстницей надъ лужей,
 Должно быть, вздумалъ помечтать.
 Остановился... и опять,
 Опять все пусто...

Раздается

Задорный лай... Чтó это сонъ
 Проклятый, или жизнь? А онъ!
 Онъ, можетъ быть, теперь смѣется,
 Иль началъ Гегеля читать...
 Увы, мечтою не догнать
 Того, чтó въ руки не дается!..
 Чего-жь ты ждешь? Какой любви,
 Какихъ чудесъ изъ-подъ земли?
 Повѣрь, никто въ плацѣ не встанетъ

Съ гитарой подь окномъ твоимъ
 И серенады пѣть не станеть!
 Тутъ не Испанія, не Римъ!

. . . . .
 И баронесса воротилась
 Въ свой кабинетъ и ухватила
 За колокольчикъ... Боже мой!
 Какой нервической рукой
 Она звонила, дозвалась
 Кого-нибудь—и вотъ ужъ къ ней
 Идуть по коврикамъ лакей.
 — «Кто былъ у насъ? мнѣ показалось,
 «Что кто-то позвонилъ?»

— Чего-съ?

— «Кто былъ за полчаса?»

— Никто-съ.

— «Ступай».

Теперь пора сознаться,
 Что никогда еще она
 Такъ не была оскорблена.
 Она хотѣла засмѣяться
 И стала плакать... (нѣжный полъ
 Красиво плачетъ). Огоньками
 Сверкали на ея ушахъ
 Алмазы; все лицо руками

Она закрыла, и съ висковъ
 На локти черными волнами
 Сбѣгали косы... Не Камковъ
 Ужь былъ въ умѣ у ней... Что значить
 Камковъ? И не любовь въ ней плачеть,
 А плачеть гордость. Ужь до тла
 Въ ней догорѣла страсть; желавья
 Потухли... баронесса зла—
 И только!.. Тихія рыданья,
 Истеряки припадокъ...

Но

Что долго плакать! Ужь давно
 И спать пора! «Давно-ль я стала
 Такой нервической?» сказала
 Она, и локти отняла
 Отъ столика и подняла
 Свѣчу, и въ спальню отворила
 Дверь полированную.—Спать,
 Такъ спать! Другую засвѣтила
 Она свѣчу, по раздѣвать
 Себя не кликнула ни Кати,
 Ни Дуни; а замѣчу кстати,
 Что баронесса никогда
 Сама не раздѣвалась,—это
 Событье съ нею, господа,

Случилось въ первый разъ... Ну да,
 Событье! Впрочемъ, безъ корсета
 Она была и, стало быть,
 Ей не предвидѣлось большого
 Труда себя разоблачить.
 «Дуракъ Камковъ!» она сказала
 Почти съ презрѣньемъ, и въ сердцахъ
 Задула свѣчи. Вотъ, влопыхахъ
 Отдѣрнутая занавѣса
 Опять задернулась, и спать
 Легла спокойно баронесса.
 Ей тихой ночи пожелать
 И мы не прочь: вѣдь ей досталась
 Довольно трудная игра,—
 Она, несчастная, съ утра
 Страдала, вдоволь настрадалась,—
 Пора заснуть!

Но не спалось

Ей, бѣдной: въ жизнь ея былую,
 Блистательную, молодую,
 Воображенъе увеслось,
 И увесло съ собой до слезъ
 Обиженное сердце... Было
 Надъ чѣмъ подумать! Но забыла
 Она, какъ вѣтрено губила

Она сердца, когда была
Моложе. Память говорила
Ей о другомъ: она слыла
На пароходѣ за границу;
Была въ Миланѣ... какъ царицу
Ее встрѣчали тамъ: она
Всей тамошнею молодежью,
Какъ василекъ шумящей рожью,
Съ утра была окружена.
За ней ухаживалъ посланникъ,
И лордъ въ гороховомъ пальто,
И политическій изгнанникъ,
И пламенный артистъ—и кто,
Кто былъ тогда ея избранникъ?
Кто былъ у ногъ ея?—Никто
И—всѣ до одного!.. И каждый
Изъ нихъ, томясь ревнивой жаждой,
Готовъ былъ жертвовать собой
За мигъ любви... И—Боже мой!
Все позабыть, и гдѣ-жъ влюбиться!
Въ Москвѣ!.. И можетъ это быть!
И можетъ вздоръ такой присниться!
И кто повѣритъ, что она
Была въ Камкова влюблена!..
Плебей! Учитель!—Нѣтъ, Россія,

Еще ты дикая страна!
 Цвѣждами населена,
 Медвѣдями! И молодые
 Какъ старпки, и старики
 Какъ дѣти... Можно отъ тоски
 Здѣсь умереть. Пора въ Тоскану,
 Въ Миланъ, въ Венецію. Не стану
 Я больше медлить здѣсь... Прощай,
 Прощай, Москва! съ тобой прощаться
 Я рада, только пожелай
 Мнѣ никогда не возвращаться.
 Конечно, можно кой-кого
 Здѣсь уважать: литература
 Цвѣсть начинается: я не дура
 И понимаю... для чего
 Пристрастной быть?—ужь за науки
 Россія принялась отъ скуки,
 И въ этомъ можно принимать
 Участье, но... но—не дышать,
 Не жить!

Такія-то блуждали
 Въ ней мысли и мѣшали спать.
 И до нея не долетали
 Ночные звуки: такъ она
 Была въ себя погружена.

Но вотъ Амишка заворчала,
 И баронесса услышала,
 Что кто-то въ спальню къ ней вошелъ.
 То былъ баронъ; онъ былъ въ халатъ,
 И шаркалъ туфлями; на столъ
 Ночникъ поставилъ и къ кровати
 Придвинулся.

— «Ты спишь, другъ мой?...»
 Блѣдна, какъ мраморъ гробовой,
 Она въ подушкахъ чуть дышала.
 «Ты спишь?» Она не отвѣчала,
 И не хотѣла отвѣчать.
 «А я хотѣлъ тебѣ сказать,
 «Что я сегодня двадцать тысячъ
 «Привезъ изъ клуба; а тебя
 «И не разбудишь!»—«Если-бъ высъчь
 «Тебя могла я»,— про себя
 Она подумала,—«признаться,
 «Была-бъ отъ этого не прочь.
 «Какъ жаль, баронъ, что въ эту ночь
 «Ты не изволилъ проигратъся».
 Такъ, чуть дыша, въ объятыхъ сна
 Притворно-сладкаго, она
 Кипѣла. Видно, притворяться
 Ей не наскучило... И онъ

Не разбудилъ ея... Баронъ
 Былъ деликатенъ. Но закроемъ
 Ихъ ложе пологомъ: авось,
 Соединивъ ихъ, успокоимъ
 Сердца ихъ, бьющіяся врозь.

На утро баронесса встала
 Усталой, впрочемъ голова
 Была свѣжа. И причесала
 Ей Катя волосы. Корсетъ
 Ужъ баронесса надѣвала,
 Когда ей подали пакетъ
 Съ печатью. Тихо положила
 Она письмо на туалетъ,
 Задумалась, но не спросила:
 Откуда, отъ кого? Заныло
 Въ ней сердце Можетъ быть, Камковъ
 Вчера былъ очень нездоровъ,
 Не могъ пріѣхать?—никакого
 И оправданья нѣтъ другого.
 Но если только умирать
 Не вздумалъ онъ, я и читать
 Не стану! Долго колебалась
 Она: назадъ ли ей послать

Письмо, или прочесть? Осталась
Одна и—сорвала печать.

ПОСЛАНІЕ КАМКОВА.

«Когда-бъ въ условный часъ свиданья,
Давъ волю роковымъ мечтамъ,
Прочель я по твоимъ глазамъ
О тайнахъ твоего страданья,—
Клянусь, я-бъ палъ къ твоимъ ногамъ,
И, сердцемъ нищій, всѣ богатства
Его тебѣ бы общалъ,
Твое бы сердце обокралъ,
И совершилъ бы святотатство.
Клянусь! я-бъ обманулъ тебя,
Себя, и Бога, и природу,
Я-бъ искажилъ свою свободу
И обладалъ бы, не любя.
Нѣтъ, передъ любящей душою,
Передъ страданіемъ твоимъ
Я прохожу, склоняясь главою,
Какъ передъ чашею святою,
Глухимъ отчаяньемъ томимъ.
Запуганъ жизнью, я страдаю,

Когда люблю и не люблю,—
 Но о прощеньи не молю,
 И ничего не принимаю
 Отъ тѣхъ, которымъ не даю.
 Скажи—и справедливо будетъ,
 Когда ты скажешь обо мнѣ:
 Несчастный! онъ меня не любитъ,
 А могъ бы счастливъ быть вполне!..»

И баронесса прочитала
 Стихи, и тутъ же разорвать
 Хотѣла ихъ, но воздержала
 Себя отъ гнѣва, чтобъ опять
 Ихъ на досугъ прочитать...

Какъ вамъ понравилась, читатель,
 Стихи героя моего?
 — Да что, помируйте! мечтатель!—
 Мечтатель, больше ничего!
 Писаль, онъ искренно, быть можетъ,
 Но... но и это не поможетъ.
 Въ нашъ вѣкъ въ поэзіи смѣшонъ
 Восторженный какой-то тонъ...
 Крикъ сердца насъ ужъ не тревожить,
 И все мы это сознаемъ...

Но мы на судъ не позовемъ
Ничѣмъ невиннаго Камкова.
Въ тѣ дни, когда онъ обиталъ,
Училъ, учился и мечталъ
И землю бременилъ,—едва ли
Друзья большимъ его считали:
Для нихъ служилъ онъ образцомъ
Души и мысли непреклонной.
Въ средѣ холодной, дряблой, сонной
Онъ выросъ, но глядѣлъ бойцомъ...
Когда его впервые встрѣтилъ
Студентъ Бѣлинскій, то Камковъ,
Быть можетъ, прежде всѣхъ замѣтилъ
Въ немъ искру Божью, и отвѣтилъ
На первый пылъ его идей
Живою дружбою своею...
Бѣлинскій долго оставался
Къ нему пристрастнымъ, (господа!
Скажу вамъ на ухо), тогда..
Нашъ первый критикъ восхищался
Стихами друга моего,
И даже видѣлъ въ немъ поэта...
Камковъ, напротивъ, на него
Нерѣдко нападалъ за это.
Своихъ стиховъ онъ не цѣнилъ:

Когда же Лермонтова скорбный
Раздался голосъ, онъ почтилъ
Свою поэзію надгробной,
Безъ слезъ и жалобъ... Не упалъ
Онъ духомъ, только разъ, угрюмый,
Поникъ надъ лермонтовской думой:
— «Мы здѣсь пропущены», сказалъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ КАМКОВУ
ОДНОГО ИЗЪ ДРУЗЕЙ ЕГО

въ 1846 году.

Ты былъ угрюмъ, но тихъ и блѣденъ,
Привѣтливъ, но невесель,—бѣденъ,
Но въ людяхъ счастья не искалъ;
А я былъ юноша-мечтатель,
Тщеславный, вѣтреный искатель
Удачи, разгула и похвалъ.

Душой мельчая съ каждымъ годомъ,
Тебѣ внималъ я мимоходомъ;
Со мной ты мало говорилъ,
Наставникъ нашъ краснорѣчивый!
Но и внѣ школы—твой пытливый,
Твой свѣтлый взоръ за мной слѣдилъ.

Ты выжидалъ. Настало время,
Жизнь на меня легла, какъ бремя;
Изнылъ я отъ пустыхъ страстей,
Отъ пересудовъ, пошлыхъ мнѣній,

Отъ вѣковыхъ предубѣжденій,
Не сознавая ихъ цѣпей.

И я пришелъ къ тебѣ,—неволью
Меня къ себѣ ты влекъ,—и больно
Признаться было мнѣ... но ты
Не дождался моихъ признаній:
Ты понялъ *суть* моихъ страданій
И обновилъ мои мечты.

Тебя я слушалъ, какъ пророка:
Ты предо мной раскрылъ широко
Иную жизнь, учитель мой,
Твой умъ сиялъ—ты смѣло ставилъ
Иную цѣль, свободу славилъ...
Пылало сердце—факель твой...

Вникать я сталъ—и, какъ туманы,
Рѣдѣли предо мной обманы
Всѣхъ странъ земли и всѣхъ вѣковъ,
Кумиры падали—народы
Внимали голосу свободы,
И выходили изъ оковъ.

И вотъ, въ углу для всѣхъ сокрытомъ,
Какъ ты, я сталъ космополитомъ,—

Сталъ гражданиномъ міровымъ:
 Порою въ лѣсъ иду,—порою
 Стою задумчивъ надъ рѣкою,—
 Увы! что дѣлать мнѣ съ моимъ

Никѣмъ не понятымъ гражданствомъ?
 Здѣсь, передъ рабствомъ и тиранствомъ
 Равно я жалокъ и смѣшонъ.
 Пишу къ тебѣ средь ночи бурной,
 Средь копоти избенки курной,
 Буграми снѣга занесень.

Въ напечатанныхъ шести главахъ «Свѣжаго преданія» далеко не исчерпывается содержаніе задуманнаго мной романа.

Дальнѣйшій планъ его слѣдующій:

Камковъ доказываетъ Лорѣ всю ненормальность ея отношеній къ матери,—отношеній, созданныхъ невѣжествомъ и грубой силой. Лора въ первый разъ отъ роду слышитъ, что мать ея добрая и честная женщина, что она любитъ ее и даже не перестаетъ о ней заботиться. Въ ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія Лора уходитъ отъ своей гувернантки, и, сопровождаемая Камковымъ, на паперти Чудова монастыря, въ первый разъ встрѣчаетъ и обнимаетъ мать

свою. Камковъ становится ближе къ Лорѣ — она подчиняется его нравственному вліянію.

Весна. Камковъ рѣшается сказать Лорѣ, что онъ ее любить, но безъ всякой надежды на свое личное счастье. Княжна не безъ волненій выслушиваетъ его признанія, но прямо говоритъ ему: тотъ, кого я полюблю, долженъ походить на тотъ идеалъ мужчины и гражданина, который вы не разъ рисовали передо мной, читая мнѣ исторію или толкуя великихъ поэтовъ. Я люблю васъ, какъ друга, какъ брата. Впрочемъ, будущее впереди...

Баронесса уѣзжаетъ за границу, не простясь съ Камковымъ. Изъ деревни возвращается въ Москву князь Таптыгинъ, вызванный судомъ по какому-то уголовному дѣлу, отъ всѣхъ тщательно скрываемому, и отдѣлывается отъ суда, давая взятки и плѣняя всѣхъ своей благонамѣренностью. Это салонный герой со всѣми утонченностями свѣтской любезности, когда онъ во фракѣ и — безпощадный самодуръ, грязный кутила и развратникъ, когда онъ дома, въ бархатныхъ шароварахъ и въ красной рубашкѣ съ косымъ воротомъ. Встрѣтившись съ Камковымъ, онъ сразу не полюбилъ его, — глядитъ на него высокомерно и съ недовѣріемъ, подмѣчаетъ его дружескія отношенія къ княжнѣ — и возмущается. Камковъ впервые лицомъ къ лицу встрѣчается съ силой, враждебной всѣмъ его убѣжденіямъ, враждебной наукѣ, любви, прогрессу. Князь начи-

наеть грубить ему. — Какъ вы смѣете, говорить онъ, воображать, что стоите на одной доскѣ со мною или съ моей дочерью? И, наконецъ, взбѣшенный смѣлымъ отвѣтомъ Камкова, приказываетъ людямъ его вытолкать.

Оскорбленный Камковъ чувствуетъ вполнѣ все свое безсиліе и низко падаетъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, считая себя уже недостойнымъ даже дружбы имъ любимой дѣвушки. Князь Таптыгинъ увозитъ дочь свою въ деревню. Слезы и отчаяніе матери.

Сельцо Таптыгино. Характеръ князя и его деревенскіе подвиги. — Княжна изучаетъ эту жизнь. — Пассивное, молчаливое непокорство. — Выплаканное уединеніе. — Тоска. — Боязнь передъ насильственнымъ бракомъ. Чтобъ наполнить жизнь свою, она принимается за воспитаніе крѣпостного мальчика Илюши, сына ея бывшей няни, сосланной въ деревню за привязанность къ ея матери. — Княжна привязывается къ способному мальчику. Такъ проходятъ года два.

Князь находитъ Илюшу празднымъ и дѣлаетъ его своимъ казачкомъ. Илюша по ночамъ читаетъ и молится. Тайная переписка княжны съ Камковымъ, который начиннаетъ казаться княжнѣ издалека чуть не гениемъ. — «Если онъ меня еще любитъ», думаетъ княжна, «онъ сжалится надо мной и увезетъ меня». — Камковъ, отвѣчая ей, ни слова не говорить о своей любви.

У Илюши есть сестра Маша, дѣвушка лѣтъ 17-ти. За

Машу сватается кузнецъ Оома, и такъ какъ безъ позволенія барина выйти ей замужъ нельзя, то она и должна, по заведенному обычаю, идти къ князю и просить его разрѣшенія. Позволеніе на бракъ Маша должна купить цѣною своей невинности.

Илюша совѣтуетъ сестрѣ своей утопиться. Та не хочетъ. Илюша сперва мечтаетъ о побѣгѣ, потомъ рѣшается отомстить князю и, наконецъ, въ темную ночь его убиваетъ.

Княжна чувствуетъ въ глубинѣ души своей, что не можетъ проклинать убійцы, и—заболѣваетъ.

Княжна возвращается въ Москву и останавливается у матери. Камковъ между тѣмъ заболѣваетъ отъ унынія и усиленныхъ занятій. Болѣзнь лишаетъ его уроковъ и затѣмъ куска хлѣба. Княжна находитъ его въ больницѣ и рассказываетъ ему о послѣднихъ деревенскихъ событіяхъ.

Предсмертныя слова Камкова, въ которыхъ онъ говоритъ, что настоящій убійца не мальчикъ, а тотъ, кто въ немъ развилъ благородныя чувства,—глубоко потрясли Лору. Она поступаетъ въ сестры милосердія.

Старушка, мать ея, безпрестанно молится за упокой своего мужа и Камкова. Баронесса возвращается изъ-за границы съ новымъ любимцемъ. На вопросъ, живъ ли еще Камковъ и что онъ дѣлаетъ? отвѣчаетъ: вѣроятно живъ, но невидимъ, какъ идея совершенно отвлеченная.

У С а т а н ы.

Фантастическая сцена.

Чертогъ Сатаны на развалинахъ потухшихъ и застывшихъ мировъ.

МРАНЪ И ЖГУЧІЙ ХОЛОДЪ.

Сатана (завидя Асмодей, поднявшася съ земли и приближающася къ его чертогу).

Га! Какой тебя дымъ
Къ намъ съ планеты занесъ?!

Асмодей.

Дымъ отъ пожаровъ —
Испаренія крови и слезъ...

Сатана.

Въ нашихъ предѣлахъ,
Всѣ эти чадные газы
Кристаллизирующій холодъ

Преобразуетъ въ алмазы *);
 Эти каменья мой адъ
 Въ міръ выметаеть назадъ.

*Асмодей (приближается къ Са-
 танъ съ трепетомъ).*

Слава тебѣ,
 Духъ ненавидящій,
 Бога и міръ презирающій!
 Слава тебѣ,
 Демонъ мятежный,
 Истину, разумъ
 И благодать отрицающій!
 Славлю въ тебѣ
 Зло безконечное,
 Царственно-вѣчное,
 Страшное праведнымъ,
 Страшное грѣшнымъ,
 Мракомъ кромѣшнымъ
 Узаконенное,
 Зло многотронное,
 Многодержавное,
 Искони славное!
 Я, рабъ твой, рабствомъ гнушающійся,

*) Намекъ на одну изъ гипотезъ о происхожденіи алмазовъ.

Передъ тобой лишь однимъ преклоняющійся,
Царство твое величаю!

Сатана.

Аминь!

Кто это въ свѣтѣ тебя научилъ

Пѣть намъ такіе каноны?..

Мажь по губамъ

Медоточивою рѣчью

Глупую спесь человѣчью.

Или, не намъ,

Иеговѣ воскури ты

Свой өнміамъ:

Мы, братъ, не такъ знамениты...

Ас.модсй.

О, первообразъ тирана,

Страшно могучъ адскій твой произволь!

Какъ въ океанѣ

Бурей гонимая пѣна

Лижеть холодный утесъ,

Такъ я твою лобызаю колъна.

Сатана.

Ха! Близорукость твоя

Все еще, зная, не увѣрена,

Что сатанинская гордость моя
 Даже похвалъ выносить не намѣрена,
 Какъ ласки ребенка—змѣя.
 Или мовмъ ты терпѣніемъ
 Хочешь играть?.. Не играй на «авось»!
 Вижу тебя я насквозь:
 Гордость въ союзѣ съ смиреніемъ
 И съ умиленіемъ—спесь.
 Преподноси эту смѣсь,
 Эту поэзію рабства,
 Власти земной.
 Тамъ, съ преклоненной главой,
 Пой ты спасительность папства,
 Благодѣянья меча,
 Славъ по количеству жертвъ палача,
 Празднуй затѣи разврата —
     Рядомъ съ людьми...
 Очи свои возводи ты на злато,
 Какъ на кумирь, сердцу ихъ дорогой,
     Какъ на великаго бога,—
     Этимъ возьмешь ты не много
     Предъ Сатаной.

Асмодей (ордо).

Такъ же, какъ ты, я безсмертенъ,

Въ безднахъ созданья не даромъ блуждалъ,
 И твой совѣтъ опоздалъ.

Сатана.

Изъ полумрака,
 Изъ полусвѣта,
 Въ мракъ ты ко мнѣ залетѣлъ;
 Такъ доноси же,
 Что дѣлаетъ эта
 Крошка-планета —
 Эта земля,
 Капна пѣтомъ,
 Авеля кровью политая,
 Свыше прикрытая,
 Яко небеснымъ щитомъ,
 Бога любовью отеческой?..
 Превращена ли она
 Грѣшнымъ трудомъ
 Въ рай человѣческій
 Или въ растлѣнный Содомъ?
 Солнцемъ пригрѣтая,
 Такъ же ли пышно цвѣтеть,
 Или отъ холода
 Съжилась въ комъ,

И—что, конечно, желательно,—
Сбилась съ пути окончательно?

Асмодей.

Такъ же вкругъ солнца течеть,
Такъ же вкругъ оси вращается,
И отовсюду, куда надвигается
Тьма, удаляется свѣтъ.

Сатана.

Вотъ такъ отвѣтъ!
И аксіома—
И ничего
Сей аксіомою
Не выражается!
Съ вѣстью такой
Врядъ ли и стояло
Постъ свой земной покидать.

Асмодей.

Зло свои силы утроило:
Многое множество
Душъ я довелъ до ничтожества;
И какъ изъ ада
Кристаллизованный чадъ
Въ міръ выметають назадъ,

Такъ эти души, до злобы назрѣвшія,
 Окаменѣвшія,
 Смерть выметаетъ въ твой адъ.

Сатана.

Знаю я эти душонки недужныя,
 Рано простывшія, Богу ненужныя;
 Какъ комары,
 Въ тартарары,
 Въ жупель онѣ къ намъ дождемъ низвергаются;
 Но для такого мишурнаго сора,
 Но для такого разбора
 Мелкихъ людей
 Тысяча шмыгаетъ мелкихъ чертей.
 Титулы, карты, вино, волокитство,
 Муки стыда и восторги безстыдства---
 Вотъ она—вѣчная тема ихъ.—Ну!
 Этимъ ли тѣшить должны Сатану
 Духи—мой соправители,
 Власти моей представителя?..
 Что съ челоувѣчествомъ?

Асмодей.

Лвно растеть:
 Путь его, скорбный и бѣдственный,

Разумъ божественный
 Стазь озарять.

Сатана (*съ итьвь*).

Тучи сгустить или бурю поднять!
 Не заслонить, такъ задуть!

Асмодей.

Съ двухъ сторонъ гаснетъ—

Съ трехъ загорается,

Такъ на пожарѣ, въ лѣсу по корнямъ,
 По смолянистымъ огонь пробирается...

Трудно становится намъ

Ладить съ проклятой наукою.

Это дитя

Давить чудовища,

Какъ въ колыбели Юпитеръ, шутя.

Старыми пѣснями я

Врядъ ли ее убаюкаю...

Тщетно я вновь прибѣгалъ къ чудесамъ,

Тщетно, въ отраду глупцамъ,

Старыя сказки на новый манеръ выворачивалъ,

Спиристамъ даже подчасъ помогать,—

Разумъ всѣ штуки моп открывалъ

И... озадачивалъ.

Сатана.

Разумъ—анализа плодъ;
Кто жъ не найдетъ
Яду въ процессѣ анализа?

Асмодей.

Но до конца доведенный процессъ .
Правдой становится,
Ложь раскрывается,
Благо беретъ перевѣсъ.

Сатана.

Только глупецъ
Можетъ быть этимъ встревоженъ:
Развѣ возможенъ
Въ людяхъ подобный конецъ?

Асмодей.

Нити конецъ въ Безконечномъ теряется,
Но за сію путеводную нить
Умъ челоуѣка хватается.
Пробоваль я обрывать—
Не обрывается, тянется.
Передъ тобой, что мнѣ лгать?
Ни инквизиторы, ни іезупты,

Ни цензора, ни тюрьма
 Не замедляют работы ума—
 Всѣ эти средства избиты.

Сатана.

Глупость повальная,—
 Вотъ оно—то разливанное
 Море, откуда легко почерпнуть
 Средства гасить и вязать.

Асмодей.

Я эгиптъ пользуюсь; только толпа
 Стала не такъ ужъ слѣпа.
 Кой-гдѣ природа
 Тайны свои открывать начала...

Сатана (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха! Тайны природы!
 Или еще ты не вывелъ изъ моды
 Этотъ весенній, пахучій туманъ,
 Этотъ языкъ поэтическій?

Асмодей.

Всякій языкъ есть обманъ.
 (Я разумью, оптическій):
 Краски глазамъ говорятъ,

Образы мысль безпрестанно тѣснятъ,
 И даже духи твои повторяютъ:
 «Солнце садится,
 «Звѣзды мигаютъ».

Сатана.

Стало быть, матеръ природа,
 Или Изида
 Тайны свои открывать начала!..
 Но не сняла покрывала съ чела,
 Грудь своею не открыла—
 (Гдѣ у природы чело?
 Гдѣ у ней грудь?
 Бѣсъ ихъ знаетъ!)
 Грудь своею не открыла,
 Только хламиды своею
 Край подвѣла,
 Поги свои обнажила,
 И говорить мудрецамъ:
 Эй! говорить, мудрецы вы,
 Слепы вы, глухи вы, но не брезгливы,
 Я открываю вамъ тайну мою---
 Нюхать вамъ грязныя ноги даю.

Асмодей.

«Поги природы», какъ вымолвилъ ты,

Стали предметомъ горячей мечты:
 Умъ разглядѣлъ, что преданье
 Вовсе безъ ногъ, что по грязнымъ ногамъ
     Можно узнать остальное,
 И человѣкъ узнаеть, узнаеть, узнаеть...
 Даже меня не оставилъ въ покоѣ!

Сатана (*постепенно озлобляясь*).

Ба! Это значить, анализъ
 Къ намъ въ бездны ада проникъ,
     Духи мои растерялись,—
     Ты головою поникъ.
     Мошками обезпокоенъ,
 Какъ подъ родительскій кровъ,
     Къ намъ прилетѣлъ ты,
 Спрятаться въ мракъ захотѣлъ ты
     Отъ комаровъ!
     Вотъ ты каковъ,
     Первый посолъ нашъ
 И на землѣ первый воинъ!
 Га! Это значить, прогрессъ
 Блага и правды въ народахъ
     Взялъ надъ тобой перевѣсъ!
 Въ равенствѣ, въ братствѣ, въ свободѣ
     Ты, жалкій бѣсъ,

Сталь расплзаться, какъ облако
 Въ жаркой лазури небесъ,—
 Чуть не растаялъ!!

*(Въ глазахъ Сатаны злобщій блескъ, страшные образы и тѣни
 стущаются за плечомъ его. Слышенъ лай и бряцанье цепи).*

Асмодей (озираясь).

Что это? или опять
 Мифологическiй Церберъ залаялъ?
 Или въ аду
 Также не вышли изъ моды
 Эти исчадiя темныхъ вѣковъ—
 Эти уроды?!
 Силой какого великаго гнѣва,
 О, Сатана,
 О, мой владыко единственный!
 Ты эту сволочь
 Поднял со дна
 Бездны таинственной?
 Трудно того запугать,
 Кто не боится страдать!
 Или, въ холодномъ приливѣ отчаянья,
 Сталь предо мной ты играть
 Въ образы вѣчной гибели,
 Въ тѣнь безотраднaго

Воспомнанія?..

Но, всемогущій, прости!
 Врядъ ли тебѣ довести
 Гордость мою до слезы,
 Злобу мою до раскаянья.
 Такъ же я грозенъ и страшень,
 Такъ же могучъ на землѣ:
 Въ сильныхъ и слабыхъ душахъ
 Тѣнь моя тамъ отражается,
 Какъ въ зеркалахъ, и колеблется
 Чуть не на каждомъ чегѣ.

(Призраки исчезаютъ и зловищіе звуки замолкаютъ).

Сатана.

Здѣсь же, въ чертогѣ моемъ,
 Видишь ли ты эти отблески?

Асмодей.

Нѣтъ.

Сатана.

Горняго свѣта мнѣ чудится слѣдъ
 Даже на рылѣ твоемъ.

Асмодей.

Да не смущается
 Мракоподобье твое!

И лезвее,
 Ядомъ натертое,
 И ядовитой змѣи чешуя отливается,
 Лоснится...
 Лоскъ—это дѣло пустое:
 Вѣдь отъ него ни свѣтло, ни тепло.
 Ты—вездѣсущее зло,
 А я, зло земное,
 Долженъ порою блистать,
 Чтобъ увлекать и плѣнять.
 Ты пребываешь
 Въ вѣчности и временамъ угрожаешь:
 Я же теку вмѣстѣ съ временемъ
 И, стало-быть, связанъ
 Съ почвою, съ климатомъ, съ расою, съ племенемъ,
 И ко всему
 Приноровляться обязанъ.
 Рабская должность моя не по мнѣ:
 Маску носить не совсѣмъ благородно;
 Но такъ угодно
 Царственно-вѣчному злу—Сатанѣ.

Сатана.

Такъ отвѣчай же,
 Что сдѣлалъ ты для того,

Чтобъ извратить Божье дѣло,
 Чтобъ извести душу міра
 И умертвить его тѣло?
 Если съ планетой одной
 Сладилъ ты,—знай, ты—герой,
 Только не жди благодарности,—
 Итъ у насъ этихъ сластей.

Асмодей (устыгнувшись).

Чтò мнѣ за дѣло:
 Изъ благодарности
 Или со злости, съ досады
 На «приближенныхъ чертей,
 Ты удостоишь награды
 Рьяную службу мою!

Сатана.

Нашему змѣю въ раю
 Было наградой паденіе Евы;
 Но, можетъ-статься, на долю твою
 Итъ ни одной уже дѣвы,—
 Некому падать,—и голый развратъ
 Сталъ безусловнымъ владыкою.

Асмодей.

Много свещей; но не все же свещи...

Сатана.

Ну, такъ пщи.
 И пусть послѣдняя, чистая дѣва
 Адскую жажду твою утолить.
 Радуйся, если родить
 Поваго Каина или Антихриста,
 Или змѣеныша, или...
 Мнѣ все равно, что бы тамъ ни родили,
 Лишь бы повитое зломъ
 Не разрѣшилось добромъ.

Асмодей.

Но и добро на землѣ
 Часто погромомъ и зломъ завершается.
 Гаснетъ любовь,
 Умъ за софизмы хватается,
 И, въ явномъ злѣ,
 Даже ребенокъ ожесточается.

Сатана.

Знаю, что рай въ адъ легко превращается...
 (Только изъ ада не сбѣлаешь рай).
 Но продолжай!

Асмодей.

Было великое время:

Изъ скептицизма
 И злого сомнѣнія
 Выросло съми
 Уразумѣнія.

Разумъ всѣмъ громко подсказывать сталъ:

«Равенство», «братство», «свобода».

Тутъ не одинъ идеалъ,—

Три идеала!

Но у меня

Вышло изъ нихъ три урода,

Три безобразія.

Взвѣсивъ невѣжество массъ,

И заключилъ, что въ Европѣ у насъ

Массы людей—та же Азія:

Тотъ же мнѣстическій мракъ

Царствуетъ въ нѣдрахъ народа,

И воплотилась въ богиню свобода,

И нарядилась въ красный колпакъ;

Я преподнесъ ей въ тавернѣ

Чашу вина,

И захмелѣла она;

Эту блудницу, какъ идола черни,

Я препоясалъ мечемъ,

Ей подчинилъ эшафоты,

Рядомъ поставилъ ее съ палачомъ,

И не одни идиоты
 Вѣрятъ съ тѣхъ поръ,
 Что тиранія народа
 Есть молодая свобода,
 Что ея символъ — топоръ.

Сатана.

Дальше.

Асмодей.

Изъ равенства тоже
 Вышло Прокустово ложе,—
 Кровь полилась;
 Въмѣсто креста, поднялась
 Надъ головами
 Та гильотина *святая*,
 Что, понижая
 Уровень мысли во имя страстей,
 Стала орудіемъ власти моей.
 Люди губили людей бессознательно.
 Гибель равняла людей,
 И такъ успѣшно равняла,
 Что окончательно
 Равенство пало:
 Цезарь возсталъ
 Грозный и стопобѣдный.

И покорились ему, какъ судьбѣ,
 И поклонились
 Даже фигурѣ его темно-мѣдной
 На темно-мѣдномъ столбѣ!
 Братство — великое слово—
 Было не такъ уже ново,
 Пастыри стада Христова
 Въ мирѣ его разнесли,
 И говорятъ, что кого-то спасли...
 Но это братство по-своему поняли
 Тѣ, кого рѣчи мои сильно проняли.

Сатана.

Ну?..

Асмодей.

Долго не могъ
 Я упиваться такими побѣдамъ.

Сатана.

То-есть, притихъ, изнемогъ...

Асмодей.

Зло начинало добромъ откликаться,
 Сталъ я замѣтно назадъ подаваться.
 Люди (сердца и умы)

Освобождалися
 Изъ-подъ ферулы обычая,
 Цѣну теряли отличія,
 Нравы смягчались,—
 Все выходило изъ тьмы.
     Силою творчества,
     Силою критики
 II, такъ сказать, обаянія
     Неуловимаго,
     Строилось зданіе
     Лучшаго общества,
     Лучшей политики,
 Иначе—лучшаго самосознанія...
     Некогда было дремать!
     Черная желчь закипала.
     Новыя фразы
     Сталь я ковать.
 «Разумъ, вѣщаль я, не знаетъ отчаянья;
 «Какъ антикварій, онъ цѣнитъ преданіе;
     «Разумъ великъ, даже святъ,
     «Стало быть, разумъ—
         «Аристократъ».
 «Слава есть дочь легковѣрія,
 «Нравственность -- мать лицемѣрія,
     «Прелестъ искусства — развратъ»».

«Кто терпѣливъ, тотъ не стоитъ свободы:

«Гдѣ постепенность — тамъ зло...»

«Крови своей не жалѣйте, народы!

«Все начинай съ ничего!..»

Такъ я трубилъ,

Словно будиль

Мертвыхъ изъ гроба,

И услыхалъ, наконецъ,

Какъ откликается злоба,

Какъ заправлять человѣчествомъ

Лѣзетъ послѣдній глупецъ.

Чтобъ окончательно спутать идеи,

Партія стала я плодить.

Сатана.

Знаю я эти затѣи!

Старая выдумка!

Асмодей.

Партія стала я плодить

Непримиримыя,

Неукротимыя,

И въ наши дни

Тѣмъ велика ихъ заслуга,

Что безъ пощады другъ друга

Рѣзать готовы онѣ.

Я умиляюсь ихъ пенями.
 Трупы ихъ будутъ ступенями
 Для возведенія новыхъ боговъ.
 Не мудрено для слѣпцовъ
 И разрушителей
 Стряпать вождей-повелителей.

Каждога я возведу
 Въ цезари, для поклоненія,
 Будто бы для водворенія
 Мира и тишины.
 И, разумѣется, скоро
 Каждога я доведу
 И до войны,
 И до позора,
 И до паденія.
 Такъ, Сатана,
 Съ ярыми криками:
 «Миръ и свобода!»
 Буду на сцену
 Я выводить
 То тиранию народа,
 То деспотизмъ одного.
 Вотъ мои планы.

Сатана.
 Ого!

Асмодей.

Буду мѣнять декорацин,
И, можетъ быть,
До нищеты и безславія
Мной доведенныя націи
Будуть читать
Только однѣ прокламаціи

II проклипать, проклипать, проклипать!

(Изъ-подъ пяты Сатаны вырывается длинная, синебагровая молнія и озаряетъ развалины застывшихъ міровъ. Встѣдъ за отдѣленнымъ ударомъ грома раздаются вопль и крики ужаса.— Асмодей замираетъ и опускаетъ юлову).

Сатана *(косясь на Асмодея)*.

Сила играетъ...

Самоувѣренныхъ

Предостеречь не мѣшаетъ.

Асмодей *(скрывая саркастическую улыбку)*.

Знаю я этотъ огонь:
Это — огонь вездѣсущій,
Къ солнцу отъ солнца
Черезъ планеты бѣгущій,
Все оживляющій, —
Даже въ пространство

Междупланетное
 Къ намъ проникающій...
 Сила всесвѣтная,
 Больше другихъ силъ замѣтная —
 Этотъ огонь.
 Съ нимъ — расцвѣтаніе,
 И увяданіе,
 И ароматы, и вонь.
 Темно-могучей пятой
 Ты задержалъ его токъ:
 Вырвался онъ и потекъ,
 И за предѣлами ада,
 Громошипящей струей,
 Брызнулъ въ вѣнръ голубой.

Люди зовутъ
 Этотъ огонь электричествомъ,
 И служить онъ,
 Словно лихой почтальонъ,
 И королямъ, ихъ величествамъ,
 И торгашамъ, и рабамъ.
 Служить монархіи
 И конституціи,
 Служить анархіи
 И революціи,
 И ретрограднымъ,

II радикальнымъ вождямъ,
 Служить свободной
 II несвободной республикѣ,
 II ужь, конечно, служа всякой публикѣ,
 Служить и намъ.

Сатана.

Хитрый вассаль!
 Врядъ ли тебѣ съ нами справиться!..
 Мало тебѣ
 Нашихъ похвалъ,
 Дерзостью хочешь въ аду ты прославиться.
 Какъ!! Разъяснить мнѣ мой громъ!.
 Въ знаньи земномъ,
 Въ знаньи людей
 Смѣть почерпать разъясненіе
 Власти иль силы моей,
 Несокрушимой
 II все сокрушающей!
 Или, привитое свѣтомъ,
 Въ темныхъ мозгахъ уложимое,
 Кровью согрѣтое,
 Въ слово одѣтое,
 Зрѣніемъ, слухомъ
 II осязаніемъ вѣчно дробимое,

Знатье людей
 (Рода давно мной отпѣтаго) —
 Выше познанья духовъ?.. Если «да» —
 Кто допустилъ!?

Асмодей.

Никогда

Не допущу я до этого.
 Знамя невѣжества
 Все еще такъ высоко развѣвается,
 Что даже разума строй
 Въ явно-развитыхъ мозгахъ нарушается;
 Даже наука, порой,
 Въѣсть съ толпой,
 Власти моей подчиняется.
 Я продаю ее,
 Съ помощью жаднаго
 Къ золоту генія,
 Сильнымъ земли на служеніе.
 Были недавно предложены мной
 Почести, слава, награды
 За боевые снаряды
 Съ силой тройной, четверной, —
 Сила открылась, и духъ разрушенія
 Съ этимъ побѣднымъ вѣнцомъ
 (Показываетъ ему лавровый вѣнокъ)

Можетъ предстать безъ зазрѣнія
 Передъ твоимъ сатанинскимъ лицомъ.
 Мѣдью, свинцомъ, чугуномъ
 Мигомъ героевъ полки
 Я разрываю въ куски
 И города превращаю въ развалины.
 Такъ сотни тысячъ людей
 Разорены по командѣ моей
 И миллионы людей опечалены.

(Торжественно)

И вотъ, Сатана, мой послѣдній отчетъ:
 Царство на царство встаетъ,
 Братъ руку заноситъ на брата,
 Отъ произвола, клеветъ, нищеты и разврата
 Полмира гнѣтъ.

Сатана.

Только-то?! — А!..
 Только одна половина!
 Значить, другая въ цвѣту обрѣтается!
 И этимъ твой духъ умиляется?
 И этимъ ты хвалишься?.. Нѣтъ!
 Отъ вѣка такъ было и нынѣ

Да будетъ: на половинѣ
 Дьяволу съ Богомъ мириться не слѣдъ.
 Слушай же, бѣсъ, повелѣніе:
 Если утратишь ты рвеніе,
     Или предъ очи мои
 Сидѣшь предстать безъ доклада,
     Что отъ безпутной земли
     Итъ ничего, кромѣ смрада,
     Что водворился хаосъ,
     Что, отъ отчаянья,
     Итъ даже слезъ,
 Что, какъ свѣтильня безъ масла,
     Разума пламя погасло,
 Что, покидая въ крови и пыли
     Землю, отъ гари и пыли
     Съ хохотомъ черти ушли,
     Ангелы плакать забыли;
     Если придешь ты дразнить
 Насъ, въ этой безднѣ страданія:
 Разума духъ называть божествомъ
     Провозглашать силу знанія,—
     Знай: для тебя я найду
     Страшное мѣсто въ аду,
 Стономъ твоимъ я наполню пространство,
     Равное славѣ моей,

И эта казнь увѣнчаетъ
Такъ произволь мой, что...

(Смотритъ Асмодею въ глаза, стараясь уловить въ нихъ послѣднюю мысль его).

— Вонь!

(Выбрасываетъ его за порогъ своего чертога).

Асмодей (на границахъ ада).

Злобой на злобу твою
Вооружу я гордыню мою,
Злоумышлять не устану
И, до кромѣшняго дна
Свергнувъ тебя, Сатана,
Самъ во главѣ мрака стану...

(На границахъ земной атмосферы).

Бѣсенокъ.

Вы ли это, ваша мрачность?

Асмодей.

Я.

Бѣсенокъ.

Неужели вы опять на землю?

Асмодей.

Опять.

Бѣсенокъ.

И съ прежнимъ полномочьемъ?!.. Счастливецъ! Вѣроятно, какія-нибудь новыя правительственныя соображенія?..

Асмодей.

Да,—надо кой-что повалить, кой-что разрушить.

Бѣсенокъ.

Да помируйте, въ этомъ ровно ничего нѣтъ новаго! Эти каналы изъ всего извлекутъ себѣ что-нибудь этакое, ни съ чѣмъ не сообразное. Положимъ, люди, даже иные народы—дрянь,—но человѣчество... О! это характеръ! Самъ Сатана ничего съ нимъ не подѣляетъ.

Асмодей.

Я вамъ совѣтую не разсуждать

Бѣсенокъ.

А позвольте спросить: какъ принялъ васъ его высоко-мракоподобіе?

Асмодей.

Великолѣпно!

Бѣсенокъ.

Имѣю честь почтительнѣйше поцѣловать кончикъ вашего хвостика.

(Асмодей исчезаетъ въ утреннемъ туманѣ. На земной поверхности громъ орудій приветствуетъ его появленіе).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1890—1895.

С.-Петербургъ.

	СТРАН.
Поздніе годы	1
На пути	2
Въ нашъ вѣкъ	3
Оттого что онъ вѣрить въ людей пересталъ...	5
По торжищамъ влача тяжелый крестъ поэта	6
Люблю, цѣню твои сомнѣнья...	7
Живая статуя	9
Неотвязная	14
Кассандра	16
Вдова	26
Въ осеннюю темь	31
Вечерній звонъ.	33
Вечерній звонъ (вариантъ).	35
N. N.	37
Тѣни и сны.	38

	СТРАН.
Въ гостяхъ у А. А. Фета	40
Зной,—и все въ томительномъ покоѣ...	41
Не то мучительно	42
Вѣрь, не зиму любимъ мы...	43
Гитана	45
Хуторки	53
Деревенскій сонъ	62
Послѣ чтенія «Крейцеровой сонаты».	69
Роза и корни	73
Монологъ	75
Я—чадо природы...	77
Родникъ	79
Загадка	81
Дни измѣнчивы	82
Когда въ нашъ темный садъ...	84
Вотъ и ночь...	85
Отвѣтъ	87
Борцу	88
Призракъ	90
Ничто	97
Гдѣ прежній твой восторгъ.. . . .	99
Замѣтка	101
Враждою народовъ...	102
Въ голодный годъ	104
Послѣ зимы и разлива весенняго.. . . .	106
Голосъ изъ-за могилы	107
Пустыя ножны	108
Подслушанныя думы	111

	СТРАН.
Въ потемкахъ	114
Въ саду	115
Сѣрые годы	116
Въ новомъ домѣ	118
А. Ф Марксу	120
Ребенку	121
Выжатые лимоны	124

Произведения 50-хъ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ:

Больной писатель	131
Кузнечикъ-музыкантъ	154
Ночь въ Лѣтнемъ саду	194
Въ концѣ сороковыхъ годовъ	233
Свѣжее преданье	311
У Сатаны	451